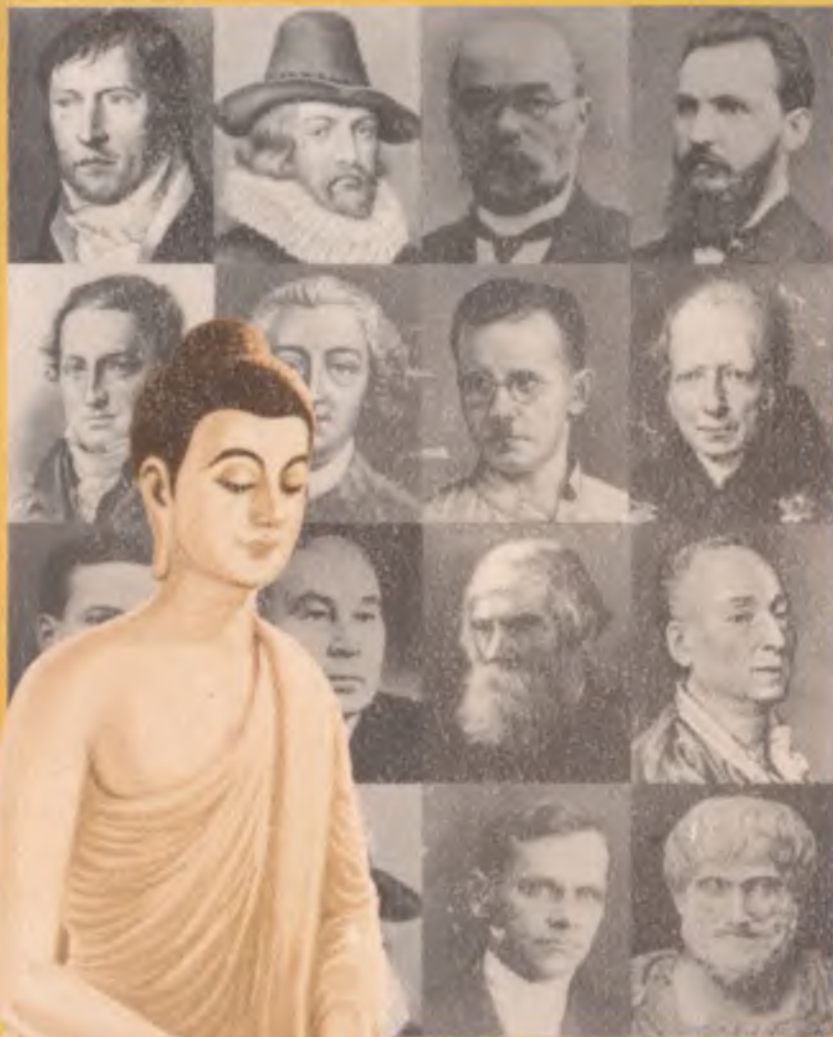

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ БУДДА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Амонашвили Ш.А. — глава Издательского Дома

Асмолов А.Г.

Бордовский Г.А.

Гиршович В.С.

Давыдов В.В.

Загвязинский В.И.

Зуев Д.Д. — главный редактор

Кезина Л.П.

Матросов В.Л.

Никандров Н.Д.

Ниорадзе В.Г.

Петровский А.В.

Рябов В.В.

Сартания В.Ш.

Семашкин А.А.

Шадриков В.Д.

Щетинин М.П.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ

СОСТАВИТЕЛЬ И
АВТОР ПРЕДИСЛОВИЯ ПЕРВЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

**Корнев
Владимир
Иванович**
доктор
исторических
наук
г. Москва

**Ашиков
Валерий
Игоревич**
учитель
г. Троицк

АНТОЛОГИЯ
ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

БУДДА

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ШАЛВЫ АМОНАШВИЛИ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
МОСКВА

УДК 24
ББК 86.34
Б11

Мы благодарны Издательскому Дому Шалвы Амонашвили за создание книги, представляющей по своему содержанию сбалансированный сборник традиционных сутр из буддийских канонов, истории развития учения и разнообразных традиций.

Обладая безусловными достоинствами, книга позволит светскому читателю открыть для себя основы Великого Учения Будды.

САНЖАЙ ЛАМА
Буддийская Традиционная
Сангха России

Будда и Его учение. — М.: Издательский Дом Шалвы Амонашвили, 1999. — с. 224 (Антология гуманной педагогики).

ISBN 5—89147—025—X

Более 2500 тысяч лет существует учение, идеи которого исповедует большая часть населения Азии, в том числе буряты, калмыки и тувинцы, проживающие в России. Задача книги — раскрыть гуманистическую направленность учения, показать путь возвышения и познания истины, источник силы и знания в понимании сторонников этого учения.

НА ПУТИ ПОЗНАНИЯ ИСТИНЫ

Гуманной может быть названа лишь та педагогика, которая учитывает духовные основания, лежащие в основе истории человечества. Основой духовности является религия, в первую очередь такие мировые религии, как буддизм, иудаизм, христианство, ислам. В них сконцентрированы знания, накопленные человечеством о душе человека, о его нравственном совершенствовании. Моя цель — познакомить вас с учением, существующим более 2500 лет, идеи которого исповедует большая часть населения Центральной, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, в том числе буряты, тувинцы и калмыки, проживающие в России. Заранее оговорюсь, что это непомерная задача, учитывая многочисленные культурные особенности буддизма, — истолкованием этих особенностей занимаются сотни буддийских школ и их последователи в России, Европе и Северной Америке. Человеку не хватит жизни даже на краткое ознакомление со всеми книгами, брошюрами и статьями на эту тему. Задача этой книги — раскрыть гуманистическую направленность учения Будды, показать педагогу — воспитателю детской души проповедуемый Буддой путь возвышения и познания истины, помочь увидеть в священных книгах буддизма источник силы, знаний и мудрости, ключ к познанию тайн разумной жизни, собственного внутреннего мира и души ребенка.

Учение Будды глубоко педагогично, ведь наиглавнейшая его цель на пути к просветлению человека — воспитание нравственности. В «Сутре великой нирваны» говорится: «Нравственность — лестница ко всем благим качествам; основа, подобная [земле] — основе деревьев и прочего. Она идет впереди всех благих качеств, как впереди всех идет предводитель каравана. Она — победный стяг всех достоинств, подобный поднятому победному стягу Индры; разрушитель всех грехов и тропы в несчастную участь. Она подобна целебному дереву, лечащему все болезни зла. Она — провиант для путников по опасным дорогам сансары; оружие, уничтожающее врагов — клеши; заклинание, избавляющее от змеиного яда клеши; мост, переводящий через реку зла».

Буддизм распространен в странах Азии — от Индии до Японии, от Бурятии до Шри Ланки, буддийские общины (сангха) существуют в большинстве стран мира. Цвет этой религии преимущественно желтый (от оранжевого до коричневого). В современном буддизме заметны четыре основные традиции, базирующиеся на посвященных языках: пали, санскрите, китайском, тибетском. Каждая традиция имеет свой полный буддийский канон: «Типитака» (пали), «Трипитака» (санскрит), «Да цзан цзин», или «И це цзин» (китайский язык), «Ганджур» — «Данджур» (тибетский). Все эти каноны можно называть «Трипитака». Так, китайская Трипитака, изданная в Японии, состоит из ста томов. Огромный свод высказываний и проповедей Будды (условно их более 80 тысяч) и комментариев к ним затрудняет осмысление учения Будды в его полном объеме до сих пор, хотя прошло уже более двух с половиной тысяч лет после ухода Будды.

Различия в толковании учения и природы Будды кроются в специфике культур вышеупомянутых традиций. В странах **палийской традиции** (Шри Ланка, Бирма, Таиланд, Лаос, Камбоджа) верующие стремятся получить как можно больше *заслуг* от общения с монахами, от посещения монастырей и святых мест, от участия в религиозных церемониях и праздниках. Сангха, т.е. буддийская монашеская община, считается «несравненным полем заслуги в этом мире», ибо ее первые члены слушали поучения из уст самого Будды, поэтому палийская традиция именует себя *тхеравадой* («те, кто слушал самого Учителя»). Будде поклоняются как Высшему Учителю, принося Ему в дар цветы, масло для лампад, иногда деньги.

В **санскритской традиции** (Северная Индия и район Гималаев) Будда воспринимается в качестве одного из проявлений мировой души, причем не как посланец, пророк, подобный библейским, а как самость космического разума, способного принимать любые формы и обличья, как иллюзорные, так и реальные. Космический разум отождествляется с Дхармой — законом возникновения, существования и исчезновения всех психических и физических элементов бытия. Эта извечная Дхарма проявляет себя в формах дхьяни-будд и богов, видимых при медитации, а также людей, животных, растений. Именно изображения иллюзорных форм будд и богов являются объектами поклонения верующих. В качестве учителей Дхармы будды, подобные Готаме, проявляются на земле через каждые пять тысяч лет.

Китайская традиция (Китай, Корея, Япония, Тайвань, Вьетнам) восприняла преимущественно санскритские идеи о природе будд. Эти идеи, будучи переложенными в иероглифику, синтезировались с идеями даосизма, в результате чего в Китае появилось множество школ, наиболее массовыми среди которых являются *чань* (яп. дзэн, от санск. дхьяна — медитация, возникла в VI в. в

монастыре Шаолинь) — учение о внезапном просветлении (дунь у); *цзинту* («чистая земля», V в., общество «Белый лотос») — учение о чистой земле (рае) будды Амитабхи; *тяньтай* («школа горы Гяньтай», VI в., в основе сутра Саддхармапундарика — Лотосовая сутра) — учение об уровнях сознания человека и природе будд; *хуаянь* (школа сутры Аватамсака, VII в.) — учение о единстве космического и профанического сознаний. Буддизм является одной из религий, определяющих специфику китайской и дальневосточной культуры с ее акцентом на гармонию и порядок. Конфуцианство регулирует общественные отношения, даосизм — отношения человека с природой, тогда как буддизм позволяет проникать в духовный мир человека, культ предков связывает настоящее с прошлым, культ неба содействует восхождению культуры к свету знаний.

Тибетская традиция (Тибет, Сикким, Бутан, Монголия, Бурятия) наиболее трудна и загадочна для европейского сознания, так как в этой традиции знания передаются от учителя к ученику, т.е. знания имеют эзотерический (таинственный, скрытый) характер. В результате такой передачи знаний в Тибете сложился институт духовных наставников (лама, гуру, хутукту, ринпоче и др.), которые считаются воплощениями богов, великих существ (махасаттв), будд, бодхисаттв. Согласно традиции, духовные наставники связаны с космосом тантрами (санск. «непрерывным духовным потоком»), поэтому тибетский буддизм именуется *тантрическим*.

В настоящее время в связи с эзотерическими особенностями тибетского буддизма, а также в связи с частыми поездками в разные страны Далай-Ламы XIV, которого верующие считают живым богом, интерес к нему возрастает.

По учению Будды, мы находимся внутри трехмерного пространства — махаяны, или чрева татхагаты, созданного внеземными знаниями.

В сущность этого пространства можно проникнуть путем созерцания природы и различных техник медитации. Современная наука, способная мыслить в парадигме религиозных знаний, вышла на рубежи, с которых можно в какой-то мере объяснить некоторые эмпирические достижения тибетских лам.

Известны косная, живая и разумная энергии: все эти энергии материальны. Цветные фотографии ауры человека показывают, что разумная энергия имеет красный, желтый, зеленый, голубой и серебристый цвета и множество их оттенков.

Одной из наиболее важных особенностей буддизма является учение о перерождениях, по которому человек бессмертен; за множество своих рождений он лишь меняет формы существования, проходя разные этапы личностного роста.

Основатель тибетской школы гелугпа (*ламаизма*) Цзонхава легализовал институт перерождения в целях сохранения учения Будды и имущества высших лам. Согласно тибетской традиции, первым Далай-Ламой считается Гедундуб (1391—1474) — основатель мона-

стыря Ташилхунпо. Верующие воспринимают всех далай-лам за одного, существующего последовательно в каждом из 14 тел. После смерти очередного далай-ламы начинаются поиски его нового воплощения. В 1793 году китайские власти издали указ, запрещающий искать нового далай-ламу среди его родственников, родственников панчен-ламы и монгольских ханов и предписывающий выбирать их из детей скотоводов и простолюдинов.

БУДДА: ЕГО ЖИЗНЬ И УЧЕНИЕ. ПРИРОДА БУДДЫ

Несмотря на глубокие расхождения в объяснении и толковании смысла канонических текстов, все традиции признают, что основоположником буддизма является царевич Гаутама (пали — Готама), и сходно воспроизводят его жизнь, его перерождения, четыре благородные истины и закон зависимого происхождения, изложенные самим Буддой. Буддийское летосчисление ведется со времени ухода Будды, т.е. с 544/543 года до н.э. Наричательное имя «Будда» дается любому, кто достигает просветления в результате понимания истин, содержащихся в священных текстах. Когда же речь заходит о царевиче Гаутаме, то всегда подчеркивается его уникальность в этом мире, ибо он, как и Иисус Христос, — из высших и проявляется в качестве исторической личности сквозь чрево земной женщины.

Готама родился в аристократической семье рода Шакиев, который правил небольшим государством в Южном Непале. Его мать по имени Майя (иллюзия) умерла через семь дней после рождения сына. Мальчику дали имя Сидхартха, а Гаутама — это его фамильное имя. Отец построил для сына три дворца по сезонам года, дабы оградить царевича от неприглядности реалий окружающей жизни. Царевич возмужал, женился, у него появился сын, названный Рахула, и дальнейшая жизнь сулила одни радости. Однако наблюдательный и впечатлительный Гаутама во время переездов из одного дворца в другой заметил, что люди болеют, стареют, умирают, задумываются о смысле жизни. Он решил помочь людям в поисках истины жизни и в 29 лет ушел из дома в Индию, став отшельником. Шесть лет бродил Гаутама по долинам реки Ганг, беседовал с мудрецами и отшельниками, вел аскетический образ жизни. Однако, убедившись, что умерщвление плоти ведет к угасанию разума, он отказался от аскезы. К 35-ти годам, почувствовав близости истины, Гаутама погрузился в медитацию, в которой пребывал без еды и питья по одной версии — четыре недели, по другой — семь недель. В процессе медитации Гаутама достиг просветления и стал Буддой, которому открыты все законы мироздания. После просветления Будда в течение 45 лет ходил по Индии и проповедовал свое учение. Умер он в возрасте 80 лет.

При жизни Будды его последователи составляли одну из многих общин Индии. Члены его общины (сангха) вели бродячую жизнь, собирались вместе только в период дождливого сезона,

поселяясь или в построенных ими хижинах (аваса), или в храмовых помещениях (вихара) и парках (арам). Будда проповедовал на сравнительно небольшой территории (южная часть провинции Уттар-Прадеш и провинция Бихар в современной Индии), главным образом в окрестностях городов Раджагриха, Паталипутра (Патна), Капилавасту (район Лумбини, Непал) и в районе Бодхи-Гая, где он достиг просветления. По этим территориям передвигались три большие группы и одиночные последователи Будды общей численностью в одну тысячу человек. Перед смертью Будда просил своих учеников запомнить два условия, гарантирующие сохранение его учения на века. Первое условие: не ссориться из-за мелких и ничтожных предписаний дисциплины в общине, а соблюдать наиболее существенные наставления. Второе условие: ревностно стремиться к освобождению, к просветлению. Однако раскол в сангхе оказался неизбежен уже в силу того, что со временем укрепились две традиции — палийская и санскритская, через призму которых воспринималось учение Будды.

История раннего буддизма прослеживается по канонам, в которых содержатся сведения о буддийских соборах-сангити, периодически восстанавливающих чистоту учения Будды. Сразу же после смерти Будды сопровождавшие его ученики (500 человек) провели первое сангити, на котором вспомнили все подробности из жизни Учителя и утвердили свод дисциплинарных правил (Виная-питака) и свод высказываний и проповедей Учителя (Сутра-питака), включающий по одной версии 80 тысяч, по другой — 84 тысячи повествований. Все монахи, за исключением одного, по имени Пурана, признали достоверность сводов.

Прошло сто лет. Небольшие буддийские общины появились во многих местах Индии. Вновь возникли споры между ортодоксальными монахами, утверждавшими, что знание учения Будды в его полном объеме и есть просветление, и сторонниками Пураны, который считал просветление результатом познания божественной природы, из которой проявляются будды. Спорщики собрались в г.Вайшали на второе сангити. Здесь произошел окончательный раскол между ними. Ортодоксальные монахи стали называть себя тхеравадинами, а их противники именовали себя махасангиками. Слово «махасангика» означает «принадлежащий к великому сангити», объединяющему монахов и мирян. Взгляды махасангиков легли в основу махаяны.

Важнейшую роль в становлении буддизма в качестве мировой религии сыграл Ашока — правитель империи Маурьев (268—231 гг. до н.э.). Еще будучи наследником престола, он познакомился с учением Будды и объявил себя упасаккой — светским последователем Будды. Став императором, он на первых порах покровительствовал в равной степени всем религиям. При его содействии состоялось третье сангити в г.Паталипутре, на котором преобладали тхеравадины. Они сумели убедить императора в истинности своего понимания учения Будды, а всех не-

согласных изгнали из сангхи (около 60 тысяч «еретиков»). На третьем сангити в канон был включен новый раздел Катхаваттху, в котором излагаются учения 18 школ буддизма и утверждается правота взглядов тхеравады. Кроме того, было решено направить буддийских миссионеров в Кашмир и Гандхару (район Пешавара, Пакистан), в страну ионов (эллинское государство на территории Северной Индии), в княжества Гималаев, в Суварнабхуми (западное побережье Индокитая), на остров Ланка.

Четвертое сангити, упоминаемое в каноне, состоялось во втором веке нашей эры в Кашмире и Гандхаре под эгидой кушанского царя Канишки. Последователи тхеравады отказались принимать участие в этом соборе, на котором была одобрена новая редакция Винаи и канонизированы комментарии к Винае, Сутре и Абхидхарме. Таким образом, был создан санскритский канон. Все санскритские тексты для сохранности были записаны на медных листах и замурованы в построенной в честь этого сангити ступе. Именно в период правления Канишки были созданы письменные версии таких важнейших буддийских текстов, как Махавасту, Лалитавистара, Аваданасатака, Дивьявадана, Ланкаватара, Саддхармапундарика, Праджняпарамита и др.

В текстах всех религий присутствует такое понятие, как тройственный мир, тройное бытие, три сферы бытия и т.д. Что означает число 3? Само название буддийского канона «Трипитака» («Три корзины знаний») помогает ответить на этот вопрос. Триада — это символ знания; содержание триады неисчерпаемо. Знание содержится в Замысле (Логосе), а будды являются носителями частичного знания, сам Будда — носителем всей полноты знаний Логоса (Самбуддха). На вопрос, кто он, Будда отвечает:

«Я не божество, не ангел, не дух, не человек — знайте же, Я есть Будда. Есть единственное существо, которое появляется в мире ради блага и счастья многих людей, которое приходит в этот мир из-за сострадания и для пользы, для блага и счастья богов и людей. Кто это существо? Это Татхагата, Арахат, Самбуддха (Полностью просветленный).

Есть единственное существо, появляющееся в этом мире, которое уникально, у которого нет изъянов, у которого нет противников и равных, и это существо наиболее совершенное среди двуногих существ.

Проявление этого существа есть появление великого видения, великого света, великого сияния; есть демонстрация шести уникальных свойств (ануттария); есть реализация четырех видов знания (патисамбхида); есть проникновение в сущность природных, телесных и умственных элементов (дхату); есть реализация знания и освобождения; есть реализация плодов восьмеричного, или срединного, пути. Подобная форма проявлений означает, что Татхагата, Арахат и Гаутама есть единая сущность» (Ангуттара никая, I.XIII).

Слово «Татхагата» означает истинное знание, «Арахат» — тот, кто победил эгоцентризм, «Самбuddха» — Гаутама, или Шакьямуни. Гаутама рассказывает, что прежде чем стать Полностью просветленным, он перерождался сотни раз: многократно бывал различными деревьями, рыбами, пресмыкающимися, грызунами, птицами, хищными и травоядными животными, обезьянами, знатными и незнатными людьми, царями, богами, странниками, мудрецами. Таким образом, космическая природа Будды пронизывает биоту, мир людей, мир богов и безграничную сферу непроявленного Логоса.

В многочисленных сутрах содержатся высказывания Будды о том, каким образом возникает Его природа и в каких формах Она проявляется. Вначале в Логосе возникает замысел сострадания ко всем живым существам (Дхарма), этот замысел реализуется через чрево земной женщины в форме ребенка. При вхождении Дхармы в чрево женщины над всей землей разливается сияние, сопровождаемое землетрясениями. Сразу же после рождения ребенок встает на ноги, делает семь шагов в северном направлении и голосом, подобным рыку льва, произносит: «В этом мире Я наилучший, высочайший, самый благородный. Это есть мое последнее рождение и больше рождений не будет» (Дигха никая, II.15). Невежественным людям он кажется человеком, просветленные же видят истинный облик Гаутамы: его тело имеет золотистый цвет и высоту в пять метров. «Что значит для вас мое гадкое маленькое тело, которое вы видите? Лишь тот, кто видит Дхарму, видит и Меня; и тот, кто видит Меня, видит Дхарму». Итак, из слов Будды ясно, что сам Он отождествляет себя с Дхармой.

В текстах, повествующих о жизни и деяниях Гаутамы, постоянно упоминаются боги, божества, демоны, духи, которые приходят к Будде, сопровождают его и беседуют с ним. Сам Гаутама поднимался в мир небожителей и читал там свои проповеди, а боги, в свою очередь, неоднократно посещали его кельи на земле. Помимо обычного зрения, Будда обладал глазом мудрости во лбу и способностью всевидения. Согласно текстам, всевидение Будды включает обычное зрение; глаз, видящий прошлое, настоящее и будущее; глаз, видящий восьмеричный, или срединный, путь; глаз, видящий результаты кармы, намерения и поступки всех существ Вселенной; глаз, видящий все, что совершается в бесчисленных вселенных. Как явствует из текстов, Будда ощущал, чувствовал, обонял, видел, слышал, знал все, что делается на земле и в других мирах, — эти качества обозначаются как шестифакторное знание Будды. В свою очередь, всезнание Будды включает знание четырех благородных истин, способность достижения великого сострадания, знание постоянной изменчивости бытия, знание двойного чуда (одновременного испускания воды и огня) и другие типы знаний.

Будда обладает сверхъестественными способностями опускаться на дно биоты, подниматься на небо, летать по воздуху, мгنو-

венно перемещаться в пространстве, творить чудеса, принимать любые формы и обличья; на его теле имеется 32 больших и 80 малых отметин (знаков), в том числе родинки, наделенные магическими свойствами. В канонических текстах природа и свойства Будды раскрываются с помощью множества имен, свидетельствующих о том, что Он повелитель Вселенной, бог богов, царь царей, вседержитель, исцелитель и т.д. Он Сам называет Себя Татхагата (тот, кто знает истину; тот, кто приходит в этот мир и уходит из него), Будда (тот, кто пробудился от сна невежества; тот, кто пробуждает других), Арахат (тот, кто освободился от эгоцентризма; тот, кто разрушил свои чувственные желания), Самбuddха (тот, кто полностью просветлен; тот, кто уникален в этом мире), Бхагавад (тот, кто полностью разрушил все иллюзии; тот, кто спасает этот мир от погружения в трясину необузданных страстей и желаний) и другими именами (около 40 эпитетов). В некоторых текстах махаяны говорится о том, что существует 10 тысяч нарицательных имен Будды, но сознанию человека доступны значения не более одной тысячи имен, а в реальности — не более сотни.

Осмысление природы Будды позволяет осмыслить причину разделения буддизма на два основных направления: тхераваду и махаяну. *Тхеравада* акцентирует внимание на личности Гаутамы: на его учении и образе жизни, зафиксированных в палийском каноне; на его перерождениях как результате благой речи, благих поступков, благого образа жизни; на восьмеричном пути к преодолению эгоцентризма и уз чувственного бытия (Арахат).

Махаяна акцентирует внимание на природе Будды: на сущности Татхагаты; на роли будд и бодхисаттв в этом мире; на практике восьмеричного пути духовного вхождения в состояния, свойственные природе будд; на идее сострадания ко всем живым существам (Бодхисаттва). И становится очевидным, что никакого принципиального различия между тхеравадой и махаяной не существует, и эту истину всё более осознают и подчеркивают ученые монахи обоих направлений.

О природе Будды говорится в Аватамсаке сутре: «Будда пребывает в неопределенной, неограниченной, подлинной сфере бытия, в сфере космоса, в средоточии Истинной Причинности, вне рождения и умирания, в абсолютной истине; Будда проявляется в различных формах в зависимости от времени событий; Он поддерживается обетами прошлого; Его проявления непрерывны, неизбежны для всех существ, для всех земель, для всех явлений... Как могут просветленные существа узреть тело Будды (Дхармакаю)? Им дано узреть тело Будды в непостижимых местах. Почему это так? Им не дано узреть Будду в чем-то одном — в одном явлении, в одной вещи, в одной земле, в одном существе, — им дано узреть Будду повсюду. И как повсюду — во всех местах, проявленных и непроявленных, — присутствует космос (пустота), не появляясь и не исчезая, ибо космос непроявлен, так же и Будда вездесущ и постоянно наличествует во многих

местах и во всех существах, во всех вещах, во всех землях, не появляясь и не исчезая, ибо тело Будды непроявлено, оно является лишь тем, кто обрел просветленность». Здесь Будда есть знания, а также разум, проявленный и непроявленный.

Будда проповедует Дхарму, которая помогает человеку познать самого себя, свой разум и характер, осмыслить мотивацию своих намерений и поступков, осознать причины, толкающие человека на совершение добра и зла по отношению к другим людям, живым существам, к природе в целом. Будда не скрывает, что его учение весьма сложно для человеческого разума. Поэтому он старается облечь эти знания в доступную форму: «Зная, что все живущие испытывают множество различных и противоречивых желаний, глубоко укорененных в их мышлении, Я в соответствии с их способностями изложил различные законы, с помощью которых можно преодолеть желания, в форме всевозможных рассуждений, притч и других уловок» (Лотосовая сутра, 2). «...Есть существа, глаза которых не застилает страсть. Они страдают, не слыша Дхармы. Возможно, некоторые из них поймут» (Виная-питака, 1. 21).

ТЕКСТ

Основные тексты, которыми руководствуются священнослужители, объединены в каноны. В буддизме такой канон называется *Трипитака* (Три корзины знаний). Наиболее ранним и строгим каноном признается его палийская версия. В полном объеме палийский канон был создан в первом веке нашей эры на острове Ланка (Цейлон). Канон состоит из трех частей (все названия даются в транскрипции с языка пали): Виная-питака, Сутта-питака, Абхидхамма-питака. **Виная-питака** (правила дисциплины для сангхи) включает три раздела: Суттавибханга, Кхандхаки, Паривара. *Суттавибханга* содержит 227 правил поведения для монахов и свыше трехсот правил для монахинь.

Раздел *Кхандхаки* состоит из двух подразделов: Махавагга и Чуллавагга. В *Махавагге* перечисляются правила вхождения в буддийскую общину-сангху, последовательность ритуалов в лунные дни (упосатха) и чтения Патимоккха, правила монашеской жизни во время дождливого сезона, описывается церемония окончания дождливого сезона, порядок распределения одежды среди монахов на церемонии катхина, методы наказания в сангхе, в том числе за ересь... *Чуллавагга* содержит перечень проступков перед сангхой, ведущих к исключению из общины, а также условия восстановления монахов в статуте; правила решения спорных проблем; правила омовения, одевания, пользования мебелью, предметами обихода. В Чуллавагге перечисляются типы ересей, ранги монахов, их обязанности в качестве учителей и послушников, содержатся отрывки из Патимоккхи, правила приема в сангху и инструкции по поведению для монахинь, излагается история первого и

второго сангити (собрания монахов для сохранения учения Будды). Раздел *Паривара* является катехизисом для буддийских монахов, в котором суммируются и классифицируются правила Винаи.

Сутта-питака содержит проповеди, изречения и высказывания Будды и Его учеников. Согласно традиции, вся Сутта-питака излагается со слов любимого ученика Ананды, поэтому любая сутта начинается с зачина: «Так я слышал. Однажды...», затем называется место, где эта сутта произносилась, нередко перечисляются имена слушателей. В Сутта-питаке пять разделов — никак: Дигха (собрание пространных поучений), Маджджхима (собрание средних поучений), Самьютта (собрание связанных поучений), Ангуттара (собрание поучений, большее на один член), Кхуддака (собрание рассказов, историй, афоризмов).

Дигха-никая содержит 34 сутры, сгруппированные в три раздела — вагга: Силаккхандха, Маха, Патика. В разделе *Силаккхандха* рассказывается, каким образом выявляются ложные рассуждения о природе бытия и самости «я», об истинных путях к просветлению, о бесполезности знания Вед и брахманских методов спасения, об истинных характеристиках брахмана, о вреде демонстрации сверхъестественных способностей, о сущности морали, медитации и мудрости. Раздел *Маха* посвящен медитации как способу видения предшествующих жизней, постижения верхних уровней существования. В разделе *Патика* повествуется о бесполезности аскетизма, излагается история «всемирного правителя» (чакравартина), обсуждается проблема происхождения каст, описываются знаки великого человека, правила поведения домовладельца-мирянина. В Дигха находятся четыре наиболее популярные сутры: *Махапариниббана*, повествующая о последних днях Будды и Его уходе в нирвану; *Чаккаваттисиханада*, в которой рассказывается о небесном диске (НЛО) и приходе будущего будды Маттея (Майдари); *Сигаловада*, описывающая типы людей и нормы поведения мирянина; *Сангити*, излагающая учение Будды в интерпретации Его ученика Сарипутты.

Маджджхима-никая состоит из 152 сутр, разделенных на 15 вагг. В большинстве из них Будда поучает своих учеников, монахов, мирян, знатных и незнатных, земные и небесные существа, как отличать добрые дела от недостойных, контролировать свои мысли, слова и поступки; объясняет, к чему приводит гнев и ненависть; что такое Дхарма, невежественное и просветленное сознание; как постигается состояние браhm и просветления; сущность камы, бхавы, авиджи, пяти скандх, дуккхи, татхагаты, бодхисаттвы, нирваны и т.д. Несколько сутр посвящены спорам Будды с джайнами, диалогам между Его учениками, изложению Его учения в истолковании Сарипутты, Пунны, Моггалланы.

Следующие никаи (Самьютта, Ангуттара, Кхуддака) включают уже по несколько тысяч сутр каждая. В *Самьютта-никае* сутры сгруппированы по 56 темам, которые, в свою очередь, разбиты на 5 разделов: Сагатха, Нидана, Кхандха, Салаятана, Маха. В *Сагат-*

ха-вагге повествуется о трудностях, которые приходится преодолевать тем, кто становится на восьмеричный путь. В разделе *Нидана* объясняется Закон зависимого существования. Раздел *Кхандха* посвящен анализу скандх, составляющих иллюзорное «я» человека, и способы преодоления этих скандх, привязывающих личность к бытию. Раздел *Салаятана* объясняет характер функционирования шести органов чувств (глаз, ушей, языка, носа, тела, мысли), порождающих желания, и способы преодоления этих желаний, вызывающих неудовлетворенность и страдания. В разделе *Маха* объясняются последние шаги по восьмеричному пути, ведущие к освобождению, просветлению и достижению нирваны.

Ангуттара-никая демонстрирует методы использования числовой символики (от 1 до 11). Первый раздел повествует о единичных объектах и понятиях (что такое мысль, любовь, добро, зло, человек, татхагата и др.). Второй раздел содержит рассуждения о парных объектах и понятиях, например добро и зло, мать и отец, самадхи и випассана, два вида счастья, две разные цели и др. В третьем разделе речь идет о триадах, тройственных характеристиках, тройственном делении, например три признака глупости и мудрости; три характеристики всемирного правителя; три причины стыда, ложных поступков, мыслей, высказываний, старения, болезней, смерти и т.д. В четвертом перечисляются четыре характеристики татхагаты, льва, веры...; четыре рода усилий, четыре ступени вхождения в нирвану, четыре чуда, типа поведения и т.д. И, наконец, в одиннадцатом разделе излагаются 11 характеристик пастуха и монаха, ведущих существа к просветлению.

Кхуддака-никая состоит из сборников поучений, и таких сборников 15. Первым сборником в каноне является *Кхуддака-патха* (собрание кратких поучений). Он включает три раза повторяемую формулу принятия буддийской веры: «Я ищу убежище в Будде, я ищу убежище в Дхарме, я ищу убежище в Сангхе»; пять повседневных заповедей: не убий, не лги...; 10 вопросов при вступлении в сангху; сутру-благословение; поэму о трех драгоценностях: Будда — Дхарма — Сангха; формулы передачи религиозных заслуг духам умерших родственников; поэму об истинной дружбе.

Следующее сочинение — *Дхаммапада* (ее текст полностью приведен в нашей книге), в котором собраны 423 наиболее нужных изречения из различных текстов канона. Согласно традиции, Дхаммапада постигается сердцем, а не разумом.

Удана содержит 80 изречений Будды, изложенных преимущественно в стихах и частично в прозе.

Итивуттака включает 112 сутр, объясняющих природу гнева, страсти, гордости, похоти и других негативных чувственных состояний, которым противопоставляются дружелюбие, милосердие, скромность, справедливость, мудрость.

Суттанипата, содержащая 71 поучение, рассказывает о жизни Гаутамы, толкует его проповеди о преодолении эгоцентризма, особенно жадности, ненависти, заблуждений, ведущих к

созданию неблагоприятной кармы. Поучения обращены к монахам, мирянам, королям, божествам.

Следующие два собрания сутр: Вимана-ваттху и Пета-ваттху — посвящены описанию одиннадцати уровней существования кама-локи. *Вимана-ваттху*, содержащая 85 поэм, рассказывает о том, как происходит накопление религиозных заслуг, улучшающих карму, что ведет к возрождению на верхних небесных уровнях. В поэмах также описывается жизнь на верхних уровнях существования. *Пета-ваттху*, включающая 51 поэму, повествует о жизни на нижних уровнях существования, где существа лишены разума и страдают до тех пор, пока не иссякнет негативное действие кармы.

Затем следуют два собрания сутр: Тхера-гатха и Тхери-гатха, воспевающие подвиг монахов и монахинь, отказавшихся от мирской суеты ради достижения просветления. *Тхера-гатха* содержит 264 поэмы, *Тхери-гатха* — 73 поэмы. Назначение этих поэм — вдохновлять мирян на религиозный подвиг.

Джатака — сборник рассказов о 550 жизнях царевича Гаутамы, которые предшествовали его последнему рождению на земле в качестве Будды (в нашей книге представлены несколько рассказов).

Ниддеса — сборник комментариев к некоторым разделам Суттанипаты.

Патисамбхида-магга. В этом сборнике анализируются различные концепции знания, морали, медитации.

Ападана — стихотворные рассказы о различных перерождениях известных монахов и монахинь.

Буддхавамса — поэтическое изложение жизни 24 будд, которые предшествовали царевичу Гаутаме. Традиция приписывает эти поэмы самому Будде. Тексты связаны общей фабулой жизни Будды: от его предшествующей жизни при Дипанкара будде, жизни Будды на небе Тусита до просветления под деревом бодхи.

Чария-питака (последнее собрание Кхуддака-никаи) содержит 35 историй из Джатака. Эти истории иллюстрируют семь из десяти совершенств Будды.

Последней, третьей частью палийского канона (и всех канонов) является *Абхидхамма-питака*, которая состоит из семи трактатов, приводящих в систему все положения учения, содержащиеся в Сутта-питаке. Первый трактат — *Дхаммасангани* — классифицирует элементы бытия — дхармы, которые видимы при медитации, по их психическому и умственному состоянию. Второй — *Вибханга* — объясняет природу скандх и пути их преодоления. Пятый трактат — *Катхаваттху* — полемический, защищающий точку зрения школы тхеравада. В четвертом — *Пуггалапаньятти* — анализируются типы людей, подверженных вожделениям, ненависти, заблуждениям. В третьем трактате — *Дхатукатха* — объясняются свойства дхарм, зависящих от скандх и шести органов чувств. Шестой — *Ямака* — устанавливает парные связи и анализирует свойства дхарм с разных позиций видения. Седьмой трактат — *Паттхана*, в нем излагаются принципы Закона зависимого происхождения (патиччасамуппада).

В санскритском варианте Трипитаки имеются несколько сутр, получивших широкое распространение за пределами Индии. Это, в первую очередь, девять сутр, или девять дхарм: *Аш-тасакхасрика праджняпарамита* — о жертве тела (плоти) ради освобождения разума; *Ганда-вьюха* — о свойствах тела татхагаты и идеале бодхисаттвы; *Дашабхумисвара* — о десяти свойствах бодхисаттвы; *Самадхи-раджа* — о свойствах пустоты (шуньята); *Ланкаватара* — об иллюзорности чувственного бытия; *Саддхармапундарика* — о едином пути к просветлению; *Татхагата-гухьяка* — об эзотерической сущности татхагаты; *Лалита-вистара* — жизнеописание Будды; *Суварна-прабхаса* — о десяти светоносных ступенях бодхисаттвы.

Широко известна также и упоминавшаяся выше Дхаммапада. Она занимает особое положение среди буддийских текстов. Знание и понимание содержащихся в ней изречений Будды приравнивается самими буддистами к глубокому пониманию сути учения Будды (Будда: «Я говорю вам, монахи, учите слова Будды каждый на своем собственном диалекте» — Чуллавагга 5, 33). Дхаммапада — источник мудрости и нравственных истин, что делает ее особенно полезной учителю. Она невелика по объему. Вот почему в этой книге она представлена полностью, причем в наиболее известной и авторитетной версии — палийской (перевод В.Н.Топорова, редакция Ю.Н.Рериха). Все остальные тексты даются во фрагментах.

КУЛЬТ

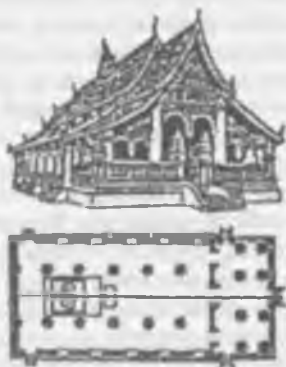
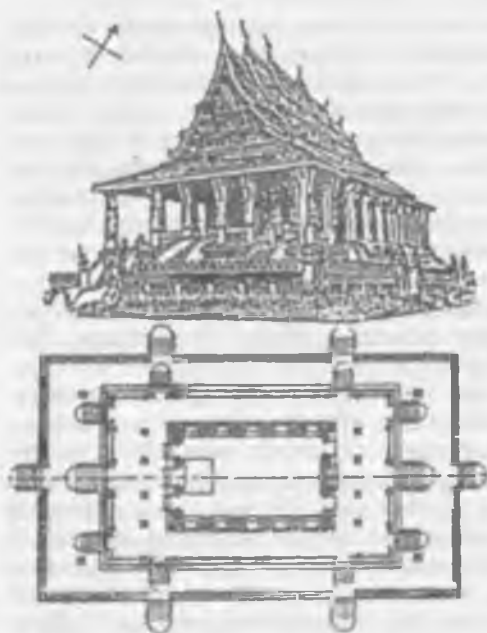
Любой священный текст, устный или письменный, обмирщается, т.е. воздействует на людей, через культ, который организован в годовые, месячные, недельные, повседневные циклы, образующие множество разнородных пространств с иерархическими уровнями, расширяющимися кверху (небу). Структура культа, особенно мировых религий, чрезвычайно сложна, так как в этой структуре задействованы более ранние культы предшествующих религий, традиционно устойчивый культ основной религии и постоянно образующиеся новые культы, через которые религия адаптируется к изменяющимся условиям бытия. Устойчивой основой буддийского культа являются знаменательные события жизни царевича *Гаутамы* (Будды), Его образ жизни, Его повседневные заповеди: не убий, не лги, не воруй, не прелюбодействуй, не одурманивай свой разум алкоголем и наркотиками. Любой годичный цикл начинается с Нового года, дата которого зависит от специфики календаря, лунного или солнечного.

В странах, где буддизм является официальной религией (Шри Ланка, Бирма, Таиланд, Лаос, Камбоджа), Новый год отмечается по лунному календарю (конец марта — первая половина апреля). В день Нового года верующие окропляют водой статуи Будды, проводятся выставки, ярмарки, конкурсы красавиц, люди обливают друг друга водой. В майский день полнолуния празднуется тройная

годовщина Будды: рождение, просветление, уход в паринирвану. Устраиваются шествия, монахи всю ночь читают молитвы, рассказывают верующим истории из жизни Будды и его учеников. Торжество заканчивается подношением пищи и всевозможных подарков членам сангхи. Начало сезона дождей (июнь-июль) связано с массовым вхождением молодежи в сангху, причем церемония ухода в монастырь обходится недешево, поэтому нередко семьи объединяются и устраивают такую церемонию для нескольких своих детей. Праздник вхождения в сангху отмечается как в национальном масштабе, так и во всех буддийских общинах и семьях.

С середины октября до середины ноября проводятся обряды и церемонии, посвященные окончанию дождливого сезона, выходу части монахов из сангхи. Эти церемонии сопровождаются дарением одежды членам сангхи. Массовое вхождение молодежи в сангху на время дождливого сезона связано с пребыванием Будды на небе Таватимса, где Он читает проповеди богам и своей матери, возродившейся здесь. Члены сангхи, которым запрещается покидать монастырь в период дождей, могут, согласно традиции, с помощью медитации подняться на небо Таватимса и слушать проповеди Будды, тем самым обретая неисчислимое количество заслуг (пунья). По окончании дождливого сезона отмечается спуск Будды на землю: во всех монастырях проводятся специальные церемонии; ночью города, площади, улицы, дома, монастыри, ступы иллюминируются горящими свечами, масляными лампами, цветными электрическими лампочками. В некоторых мо-

ХРАМЫ ВО ВЬЕТНАМЕ

настырях под звуки фанфар снимают статуи Будды с высоких пьедесталов и в сопровождении процессии монахов везут их по улицам, символизируя этим актом спуск Будды на землю.

Завершается празднество церемонией катхина, проводимой во всех монастырях, но не одновременно, а поочередно; для этого в монастырях вывешиваются желтые флаги, указывающие на проходящую в них церемонию катхина. В ноябре-декабре отмечается праздник, во время которого монахи читают прихожанам различные истории из жизни Будды. Многие верующие на этот период переселяются в монастырь, здесь они спят и принимают пищу. Чтение текстов прерывается только молитвами и трапезой монахов. На территориях монастырей царит праздничная атмосфера; сюда приходят торговцы, которые продают сладости, фрукты, еду, игрушки для детей. Этот праздник также приносит множество заслуг верующим. В феврале празднуется день всех святых, когда производятся закладки новых домов и зданий, а также культовых сооружений. В феврале-марте проходят церемонии по чтению отрывков из Вессантара-джатака, многие сцены из которой исполняются бродячими актерами: такие представления длятся с вечера до поздней ночи и собирают тысячи зрителей.

В буддийском регионе России — Бурятии ежегодно отмечают шесть больших культовых праздников (хуралов): Саагалган (Новый год), Дуйнхор (поворот колеса Дхармы, Будда начинает свое социальное служение), Гандан-Шунсэрмэ (рождение, просветление, паринирвана Будды), Майдари (ожидание прихода будды грядущего мирового периода Майтреи), Лхабаб-Дуйсэн (нисхождение будды с неба Тушита в утробу его будущей матери — царицы Майи), Зула (день памяти Цзонхавы — основателя школы гелугла, или ламаизма). Важным элементом любого праздника является обряд прадакшин, или кора, суть которого заключается в обходе почитаемого объекта по часовой стрелке, ибо считается, что многократный обход с повторением молитвенных формул приносит блага и заслуги, улучшающие карму. Активные усилия восстановить годовой буддийский цикл предпринимаются в Калмыкии и Туве.

Цель любого культа, в том числе и буддийского, заставить человека время от времени фокусировать свои мысли на ориентиры духовного пространства и тем самым периодически отвлекаться от повседневной мирской суеты.

КУЛЬТУРА

Именно культура формирует стереотипы сознания. Вот почему изучение специфики воздействия культуры на сознание особенно важно для учителя, поскольку развитие воображения ребенка, его нравственное становление и раскрытие космичности его сознания — как обоснованно считает академик Шалва Амонашвили — глобальная задача гуманной педагогики.

Текст и культ, будучи внедренными в социальную среду, начинают, подобно дрожжам, вспенивать культуру, т.е. овеществлять и материализовать мысли и идеи, которые, в свою очередь, содействуют духовному развитию человека. В буддизме синонимами латинского понятия «культура» («то, что содействует росту») являются санскритское понятие «санскрити» («то, что содействует духовному очищению») и палийское понятие «ваттанатхам» («то, что содействует движению вверх в поле Дхармы»). Источниками и движущей силой, содействующими духовному развитию человека, являются «три драгоценности»: Будда — Дхарма — Сангха, сущности которых объясняются в Трипитаке. Понимание природы Будды позволяет увидеть, ощутить, почувствовать и даже услышать беспредельную грандиозность божественного замысла, уловить духовный смысл существования человека, заглянуть в отдаленное будущее. Учение (Дхарма) формализуется и переходит в нравственные взаимодействия людей друг с другом, человека с обществом, государством, природой; человека с вещами и вещей с человеком. Сангха, именуемая «несравненным полем заслуг (пунья) в этом мире», имеет достаточно определенный функциональный спектр в обществе и государстве, и на некоторые функции сангхи стоит обратить внимание.

Идеальная модель сангхи — это восемь или десять любимых учеников Будды, выполняющие свои функции попарно: один с помощью медитации реализует путь к просветлению, другой — реализует плоды просветления в социальной среде. Символом сангхи из восьми человек, что характерно для южного буддизма (тхеравады), является тетраэдр, или куб, — символ духовного мира (дома); из десяти человек, что характерно для северного буддизма (махаяны), — пентаграмма, или алмаз, — символ совершенства. Сангха постоянно извлекает энергию из одушевленного трехмерного пространства, и над сангхой как бы образуется энергетический купол, защищающий всё живое. Поэтому люди чувствуют себя в безопасности лишь в тех местах, где имеется действующий монастырь, называя живыми места, где есть монахи, и мертвыми, где монахов нет. При наличии буддийского монастыря или храма поселение становится живым организмом, имеющим голову, ноги, бока, пупок (центр), что определяет положение и направление домов, улиц, дорог, полей, пастбищ, а также придает определенность общественным отношениям. В таком живом организме возникает множество ниш, которые заполняются функционерами, специализирующимися в медитативных практиках, в чтении канонических текстов, в исполнении обрядов и церемоний..., в общении с демонами, духами, божествами, змеями..., в лечебных практиках, в заповедях и заклинаниях... и в других ритуальных и эзотерических действиях (с. 18).

Участие верующих в религиозной деятельности преследует широкий диапазон социальных потребностей и интересов, включающий также традиционные нормы поведения и игровые ситу-

ции. Традиционность — это общественная демонстрация усвоения предписанных правил и норм поведения, социального статуса, религиозности, оцениваемого по всем известной шкале ценностей. Наиболее привлекательной стороной для верующего в этой демонстрации является то, что религия как бы уравнивает всех присутствующих и тем самым позволяет им продемонстрировать те достоинства, которые в мирской жизни оказались бы несущественными, и вместе с тем подчеркнуть различные привилегии, получаемые в результате накопления религиозных заслуг. Молодежь привлекает в первую очередь зрелищная сторона религиозных церемоний и празднеств и возможность личного участия в различных игровых ситуациях. Это религиозные карнавалы, шествия, импровизированные танцы, пение, музыкальные состязания и, конечно, допускаемый приличиями флирт. Характерно, что религиозные празднества отмечаются не только в монастырях, но и в университетах, школах, на предприятиях, в армии и даже в тюрьмах, т.е. охватывают большую часть населения.

В сельских местностях юноши и девушки нередко выбирают себе соответствующие их природным наклонностям роли: красавицы, застенчивой девицы, сплетницы..., глубоко набожного юноши, солидного хозяина, философа, политика, шутника, щеголя... и даже хулигана. Все такие роли ритуализированы, что создает определенный эффект театра и карнавальности при массовых сборищах в монастырях. Каждый буддист знает, что соблюдение традиционных правил и установок откроет ему путь не только к духовным, но и к определенным материальным ценностям. Обязательное соблюдение общепринятых, предписанных «правил игры» является неременным условием для достижения более высокого статуса в религиозной традиции. Чем сложнее и изощреннее эти правила, чем разработаннее шкала социального вознаграждения за их последовательное соблюдение, тем меньше времени остается у верующего для иных устремлений, тем меньше его интерес к «большому миру», тем уже его политическое сознание, но зато выше его ответственность за местное самоуправление. Поэтому местная элита, несмотря на то, что она широко пользуется благами научно-технического прогресса, современного образования и здравоохранения, наиболее активно выступает за сохранение традиционного уклада жизни, патриархальных устоев крестьянства, традиционного воспитания и образования.

ЧЕМУ УЧИТ БУДДА

Учение Будды сконцентрировано в его первых трех проповедях: Дхаммачаккаппаватанна сутта, Анатталаккхана сутта, Патиччасамуппада сутта (Сутра, приводящая в движение колесо Дхармы, Сутра о сущности анатмана, Сутра Закона зависимого происхождения).

В первой сутре Будда объясняет пяти аскетам: «Есть две крайности, которые следует избегать. Это потворство чувственным наслаждениям — низкое, вульгарное... бесполезное стремление, — и склонность к чрезмерному аскетизму — это болезненно, неблагоприятно и бесполезно. Отказавшись от этих крайностей, Татхагата постигает срединный путь, который способствует видению, знанию, ведет к миру, высшей мудрости, просветлению и нирване.

Что такое срединный путь?... Это благородный восьмеричный путь, а именно: правильное понимание, правильная мысль, правильная речь, правильное действие, правильный образ жизни, правильное усилие, правильный выбор цели, правильная концентрация... вот что такое срединный путь (с. 24).

Существует дуккха (неудовлетворенность, страдание. — В.К.) — такова истина. Рождение, гниение, болезнь и смерть являются дуккхой, соприкосновение с неприятным есть дуккха, разлучение с приятным есть дуккха, неполучение желаемого есть дуккха. Всё, связанное с пятью скандхами, является дуккхой...

Существует и причина дуккхи — это истина. Желание, которое ведет к новому рождению, сопровождаемое страстной привязанностью к чувственным наслаждениям в этой и в той жизни... желание чувственных наслаждений, желание существования, желание несуществования — вот причина дуккхи.

Существует прекращение дуккхи — это истина. Это полное отделение и разрушение желаний, отречение, отказ, освобождение от них, непривязанность к ним.

Существует путь к прекращению дуккхи — это истина. Это благородный восьмеричный путь — правильное понимание, правильная мысль, правильная речь, правильное действие, правильный образ жизни, правильное усилие, правильный выбор цели, правильная концентрация» (с. 25).

Из дальнейших разъяснений Будды, как, впрочем, и других религий, становится понятной чрезвычайная сложность двух крайностей и причин следования срединным путем, известным под термином «золотая середина». Земля (мать, женское начало) является источником жизненных сил для плоти и информации для разума; Небо (отец, мужское начало) — источник Высшего Знания, ступень за ступенью поднимающего человеческий разум над чувственным бытием, ведущего к видению и знанию, к спокойствию (миру), высшей мудрости и нирване. Человек, как плотское существо, не должен отрываться от источника своих жизненных сил и информации, ибо отрыв приведет его к гибели. Следовательно, он должен следовать срединным путем, чтобы видеть и источник высшей мудрости, и источник своей жизни, стремиться к определенному равновесию между светлыми и темными началами своей дхармы. Только в этом случае плоды его усилий будут подобными благоухающим цветам с приятной окраской.

Во второй сутре Будда говорит об отсутствии постоянной души (рупа) (атман — душа, анатман — отсутствие души. — В.К.).

Четвертая истина — существует путь к преодолению дуккхи. Это восьмеричный, или срединный, путь, указанный Буддой.
Третья истина — преодоление дуккхи есть нирвана. Преодоление заблуждений, способность отличить истину от иллюзии есть нирвана — состояние удовлетворенности.
Вторая истина — существует причина дуккхи. Причины дуккхи в иллюзорности бытия, созданного чувственной мыслью. То, что совпадает с законами разумного бытия, истинно; то, что не совпадает, ложно, иллюзорно. Человек, не способный отличить истинное от неистинного, является объектом дуккхи.
Первая истина — существует дуккха. Дуккха — неудовлетворенность, страдания, болезни, беды, безысходная старость, смерть и т.д.

«Тело не имеет души. Если бы существовала душа, то тело не было бы объектом дуккхи. Иначе существовала бы возможность создавать тело по усмотрению души. Но так как тело является бездушным, оно — объект дуккхи.

Точно так же не имеют души чувства (ведана), восприятия (санья), душевное состояние (санскара), сознание (виджняна).

- Как вы думаете, монахи, тело постоянно или непостоянно?
- Непостоянно (анитья), Учитель.
- То, что непостоянно, удовлетворенно или неудовлетворенно?
- Неудовлетворенно (дуккха), Учитель.
- Справедливо ли думать о том, что непостоянно, неудовлетворенно, изменчиво: «Это мое, это я, это моя душа»?
- Нет, несправедливо, Учитель.
- Точно так же непостоянны и неудовлетворенны чувства, восприятия, духовные состояния, сознание. Справедливо ли думать о том, что непостоянно, неудовлетворенно и изменчиво: «Это мое, это я, это моя душа»?

— Определенно нет, Учитель.

Тогда все тело, прошлое, настоящее или будущее, личное или чужое, грубое или нежное, низкое или высокое, далекое или

Восьмая ступень — правильная концентрация (самадхи)	видение и знание цели
Седьмая ступень — правильный выбор цели	
Шестая ступень — правильное усилие	
Пятая ступень — правильный образ жизни	мораль и нравственность
Четвертая ступень — правильное действие	
Третья ступень — правильная речь	
Вторая ступень — правильная мысль (свободная от чувств)	мудрость — знание Закона зависимого происхождения и четырех истин
Первая ступень — правильное видение пути	

близкое, должно восприниматься правильно и в его естественных реалиях: «Это не мое, это не я, моей души не существует».

Тот, кто понимает это, испытывает отвращение к чувственному телу, чувствам, восприятиям, действиям, сознанию, становится независимым от этих отвратительных скандх и освобождается от них. Тогда осеняет его знание: «Я свободен». Он понимает, что привязанность к возрождению окончена, становится счастливым, делает то, что должен делать, и для него невозможно возвращение к прежнему состоянию».

Содержание третьей проповеди — «Закона зависимого происхождения» — объясняется во всех религиозных системах буддизма с помощью диаграммы, известной как «колесо жизни» (бхавачакра). Это «колесо жизни», или сансара, приводится в движение неведением (авидья), являющимся темным пятном на чистом поле природы (дхармы). Из-за неведения возникают моральные неосознанные действия, которые могут быть и аморальные (санкхара), в результате которых формируется эгоцентрическое сознание, ориентированное на окружающие материальные и традиционные ценности и установки. Такое сознание (виньяна) выделяет в ок-

ружающем человека мире наименования и формы (нама-рупа), они становятся объектами для шести органов (салаятана): глаз, носа, ушей, языка, тела, мысли, — в результате чего устанавливается контакт (пассе) между органами человека и объектом. Контакт вызывает чувства (ведана), чувства порождают желания (танха), желания становятся причиной возникновения жадности (упадана), жадность «приклеивает» человека к данному объекту (бхава) и порождает жажду вечного существования; такая страсть к жизни ведет к перерождению (джати). Неизбежным результатом перерождения являются старость и смерть (джарамарана). Иначе говоря, разумное существо обречено на круговращение в «колесе жизни» до тех пор, пока не обратится к учению татхагаты.

Диаграмма колеса жизни и смерти является основной медитативной иконой в буддийских монастырях России, Монголии, Тибета (с. 26).

Центральная идея первой истины состоит в том, что все связанное с пятью скандхами есть дуккха.

Под скандхами понимается приверженность к стереотипам, обусловленным воспитанием и обучением. В абхидхармической литературе природа скандх объясняется с помощью Закона зависимого происхождения (с. 28). Доказывается, что выводы разума, который формируется в условиях сансары, характеризуются как незнание, неведение, невежество. Такой разум производит неосознанные действия (санкхара), в результате которых формируется эгоистическое или эгоцентрическое сознание (виджняна). Это сознание активно реагирует лишь на формы и наименования (нама-рупа), оценивая окружающий мир через призму эгоцентризма: «мое», «не мое», «выгодно», «не выгодно», «стоящий», «не стоящий» и т.д. В результате возникают соответствующие чувства (ведана) и память (санья). Эти компоненты санкхара, виджняна, нама-рупа, ведана, санья — названы скандхами, именно скандхи конструируют «я» невежественного человека.

«Я», созданное из скандх, аллегорически изображается в виде паука, например в строках «Дхаммапады»: «Возбужденные страстью попадают в поток, как паук в сотканную им самим паутину». Прекращение дуккхи возможно лишь в том случае, если разум освободится от пут или паутины привязанностей. Отрыв разума от скандх и будет шагом к просветлению. «Отсеки пять, откажись от пяти, стань выше пяти! Бхику, преодолевший пять привязанностей, называется «пересекающим поток» (Дхаммапада, 370). Необходимо понять, учат татхагаты, что конструкция из скандх, которую разум человека принимает за свою самость, является непостоянной (аничча), она является объектом неудовлетворенности (дуккха), не имеет души (анатман). Согласно «Анатталаккхана-сутте», освобожденный от скандх разум становится независимым от чувственных желаний и привязанностей, в результате чего разум обретает полную свободу, которая выражается в том, что сознание не цепляется более за иллюзии загробной жизни или за идею воз-

КОЛЕСО ЖИЗНИ

Рисунок светского художника,
выполненный с отступлением от канонических норм.

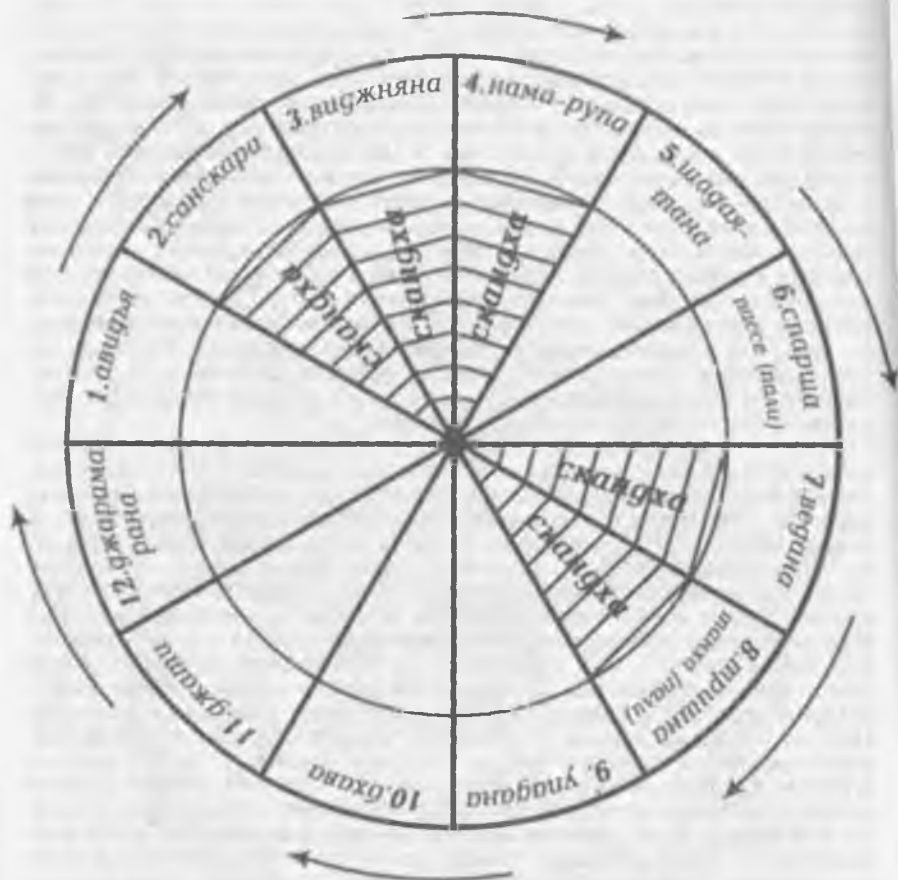
Кроваво-красное чудовище, материализованный символ желаний и неизбежной расплаты за них, крепко держит в пасти Колесо сансары. Последнее выглядит как четыре вписанных друг в друга круга, поле каждого из них заполнено весьма реалистическими в деталях изображениями, выступающими как символы определенных философских идей. Центральный круг занимают петух, змея и свинья — символы сладострастия, гнева, невежества. Во втором круге по черному полю скатываются в ад грешники, по светлому полю восходят в мир богов праведники. В третьем круге изображены шесть миров сансары: вверху мир богов, внизу ад, справа — миры демонов (асуры) и духов (преты), слева — животных и людей. Обитатели всех шести миров заняты своими делами: Будда невозмутимо восседает на лотосе в окружении своих учеников, боги наслаждаются в своих дворцах и храмах; грешники корчатся в муках в горячих и холодных отсеках ада, за ними следит владыка ада — бог смерти Яма. Демоны воюют с богами и друг с другом; духи-преты никак не могут насытить свои огромные животы; животные пасутся, резвятся, грызутся, помогают людям и становятся жертвами последних; люди заняты мирскими делами: любят, рожают, работают, развлекаются, воюют, умирают, — 6 миров, 6 видов живых существ и все, кроме Будды и Его учеников, снedaемы бесчисленными желаниями.

Внешний круг содержит 12 нидан — изображений, которые, подобно цепи причинно-следственных связей, приводят в движение колесо сансары. Первая нидана — слепой, бредущий с палкой: это неспособность различать дорогу во тьме; вторая — горшечник лепит из глины горшки, придавая им ту форму, которую он захочет: карма — совокупность деяний в прошлой жизни — предопределяет облик и судьбу человека. Третья нидана — обезьяна, влезаящая на дерево и срывающая с него плоды: эгоцентрическое сознание срывает спелые плоды подобно обезьяне; четвертая — мужчина и женщина в лодке на водах безбрежного океана (нама-рупа): пока у них нет ориентиров. Пятая нидана — дом с закрытыми окнами и дверями: шесть органов чувств еще не пробудились, не активизировались; шестая — слившиеся в объятиях мужчина и женщина: скандхи (женщина) сливаются с виджняна (мужчина). Седьмая нидана — человек, в глаза которого попали стрелы Мары: неприятные и приятные чувства; восьмая — человек за столом с яствами и вином: чувственные желания. Девятая нидана — человек, рвущий с дерева плоды: стремление потреблять плоды жизни; десятая — беременная женщина: чувственная жизнь достигла полного расцвета и завершения, в ней заложен переход к будущей жизни. Одиннадцатая нидана — рожающая женщина: рождение нового витка жизни; двенадцатая — согбенный старик и мертвец: старость и смерть, подводящие итог сансарическому бытию, которое создает карму последующих перерождений.

За верхними пределами колеса стоит Будда, успокаивающий океан страстей; слева — ступени восьмеричного пути, ведущие в Дхарму Будды (дхармачакра), которая раскрывается с помощью видения сути четырех благородных истин, опять же через учение Будды.

рождения и сосредоточивается именно на тех проблемах, решение которых жизненно необходимо. Такое состояние называется нирваной, а нирване присущи бодрствующий ум, мудрость, энергия, радость, искренность, самоуглубленность, хладнокровие.

Будда неоднократно говорил о том, что Его учение есть путь, проложенный древними буддами. В вечности бытия до Него было множество будд, и в будущем после Него появится еще больше тех, кто достигнет просветления, идя тем же самым путем (Самьютта-никая, XII. 65). Будда учит, каким образом и какими

1) авидья — невежество, незнание Закона зависимого происхождения; 2) санскара — генетическая наследственная память; 3) виджняна — эгоцентрическое сознание; 4) нама-рупа — явления, факты, предметы, имеющие наименования, которые придают им информационную ценность для виджняна и тем самым привязывают сознание к обусловленному, т.е. материализованному и ошествленному, бытию; 5) шадаятана — шесть органов чувств: глаза, уши, нос, язык, тело, мысль; 6) спарша — взаимодействие органов чувств с предыдущими скандхами (санскара, виджняна, нама-рупа); 7) ведана — чувства; 8) тришна — желание; 9) упадана — стремление к чувственно-материальному миру; 10) бхава — клейкая паутина чувственного бытия, в которую попадает виджняна; 11) джати — желание возрождения; 12) джарамарана — старость и смерть.

По причине авидья возникает санскара; по причине санскара возникает виджняна; по причине виджняна возникает нама-рупа; по причине нама-рупа возникает шадаятана; по причине шадаятана возникает спарша; по причине спарша возникает ведана; по причине ведана возникает тришна; по причине тришна возникает упадана; по причине упадана возникает бхава; по причине бхава возникает джати; по причине джати возникает джарамарана;

по причине джарамарана возникает авидья; по причине авидья возникает санскара...

При знании Закона зависимого происхождения «колесо жизни и смерти» (сансарачакра, бхавачакра — левосторонняя спираль) начинает раскручиваться в обратном направлении (дхармачакра — правосторонняя спираль): джарамарана есть результат джати; джати есть результат бхава; бхава есть результат упадана; упадана есть результат тришна; тришна есть результат ведана; ведана есть результат спарша; спарша есть результат шадаятана; шадаятана есть результат нама-рупа; нама-рупа есть результат виджняна; виджняна есть результат санскара; санскара есть результат авидья, т.е. причина всех бед в авидья.

способами сознание человека может познать внешние принципы и законы Логоса, в котором человек пребывает, и внутренние принципы и законы своего собственного мышления и сознания других людей, иначе говоря, каким образом конкретный внутренний мир человека, этноса, общества, государства и т.д. уживается с другими разумными пространствами; почему те или иные формы разумного бытия процветают или деградируют, развиваются или разрушаются.

Непререкаемый авторитет для буддистов и великий мудрец Нагарджуна (II в.н.э.) говорит: «То, что является недоступной тайной для простого существа, и есть абсолютная истина, которая заключена в том, что учение об иллюзорной природе этого мира и есть чудо учения Будды» (Раджапарикатха ратнамала, 109).

Итак, иллюзорная природа бытия человека и, отсюда, существование дуккхи являются сутью учения Будды. Наиболее глубокое обоснование иллюзорности человеческого бытия изложено в Ланкаватара сутре:

«...Однажды Будда появился в ланкийском монастыре, расположенном на вершине горы Малайя, которая стоит посреди океана. Здесь собрались бодхисаттвы-махасаттвы всех буддийских земель... Будда, зная об умственном возбуждении собравшихся, сказал им с улыбкой: «Ради вашего блага я расскажу вам об истине. *Все, что видите в этом мире, является результатом усилий действий, возникших под воздействием мысли.* Это непостижимо для философов и невежественных, но понятно тем, кто видит мир в его истинном виде. Те, кто видит мир иначе, впадают в двойное заблуждение, цепляясь за дуализм... Люди, цепляющиеся за собственные тени разделенного бытия, становятся привязанными к той или иной вещи и идее и, будучи не в силах отказать от дуализма, они вечно продолжают разделять бытие, поэтому они никогда не достигают спокойствия. А спокойствие есть единство, единство рождает высшую стадию созерцания и размышления (самадхи), которая ведет в царство благородной мудрости, реализуемой через сокровенное сознание».

Отвечая на вопрос, почему невежественный разделяет бытие и отделяет субъект от объекта, а мудрый этого не делает, Будда пояснил, что *невежественный цепляется за слова, символы, идеи, и по-*

сколько его мысли идут по этим каналам, то мысли невежественного о множественности объектов формируют представления о душе и о принадлежности слов, символов, идей к этой душе. В результате невежественный проводит различие между хорошим и плохим, цепляется за приятное ему. Цепляние за приятное усиливает невежество, и карма, порожденная жадностью, гневом и глупостью, накапливается. По мере накопления кармы невежественный оказывается в коконе эгоцентризма и не в состоянии освободить себя от колеса рождения и смерти. Из-за своей глупости невежественные существа не понимают, что все подобно майе, что нет собственной субстанции и чего-то ей принадлежащего, что все их якобы четкие и определенные идеи возникают из ложного разделения того, что существует только как видение и реализация самой мысли. Они не понимают, что вещи не имеют ничего общего ни с определенной сущностью, ни с рождением, становлением и исчезновением, поэтому они утверждают, что вещи рождены Творцом, временем, из мельчайших дхарм, из небесного духа.

Говоря о ложных представлениях, главным образом, ученых брахманов, отстаивающих дуализм бытия и существование души и принадлежащей ей мысли, Будда объясняет, что его учение основывается на утверждении, что объективный мир, подобный миру, является манифестацией самой мысли; что только путем преодоления дуализма можно понять, что такое поток времени, деятельность, разрушение, существование, нирвана, путь, карма, плоды усилий и истина. Вместе с тем Будда объяснил, что лучше лелеять идею о существовании эго-субстанции постоянной души, чем развлекаться мыслью о пустоте (шунья), выводимой из признания существования и несуществования.

Высшее знание, по словам Будды, это понимание пяти Дхарм: когда проявленное воспринимается и различается мыслью в виде формы, запаха, вкуса, ощущения — это первая Дхарма. Вторая Дхарма — это когда мысль обозначает проявленное через слова и наименования, например глина, вода, кувшин, что позволяет сказать: это именно такая вещь, а не другая. Третья Дхарма — это сравнение и противопоставление проявленных вещей, символов, идей. Правильное же знание начинается с четвертой Дхармы, когда возникает понимание того, что все эти различия порождены мыслью и в действительности являются манифестацией самой мысли. Пятая Дхарма заключается в мудрости видеть, что наименования проявленного не являются реальностями, — это высшее знание.

Далее Будда объяснил, каким образом конструируется мысль.

Мысль, являющаяся источником дурного истечения, состоит из пяти чувственных органов (глаза, уши, нос, язык, тело) и соответствующих им чувственных мыслей (виджняна); все чувственные мысли объединены в одну разделяющую (раздельное существование субъекта и объекта) мысль (mano-виджняна). Такая мысль стремится захватить привлекающие ее элементы внешнего мира и возбуждает чувственные желания и ощущения в каждом

чувственном органе, в каждой поре кожи и даже в мельчайших частицах тела, в результате чего все поле мнимой личности уподобляется зеркалу, отражающему объекты, и такая личность не осознает, что этот отраженный внешний мир является лишь манифестацией мысли и подобен проявлению майи (миражу). Только универсальная мысль (алая-виджняна) благодаря своей природной чистоте способна преодолеть индивидуализацию и ограниченность сознания. Универсальная мысль подобна океану, на его поверхности могут бушевать волны, однако в глубине царит покой. Универсальную мысль не могут взволновать эгоизм, желания, страсти, ошибочные мнения. Между универсальной и разделяющей мыслями находится интуитивная мысль (манас), которая не имеет каких-либо характеристик. Будда сравнивает эгоцентрическую мысль с танцором и фокусником, выступающими на сцене объективного мира. Интуитивная мысль уподобляется им мудрому шуту, который разоблачает фокусника, показывая иллюзорность его действий. Универсальная же мысль фиксирует только знание того, что должно случиться и что может случиться, она свободна от ошибок.

Бодхисаттвами являются те, кто обдуманно стремится достичь самореализации, благородной мудрости не ради себя, а во имя просветления других существ. Осознав истину бытия, бодхисаттвы входят в первую стадию бодхисаттвы (шестая стадия медитации), известную как «стадия радости» (прамудита). На этой стадии в сердце бодхисаттвы пробуждается сострадание ко всем существам, и он произносит десять клятв:

почитать и служить всем буддам;
распространять знание и практику Дхармы;
приветствовать всех приходящих будд;
практиковать шесть достоинств (парамит);
склонять все существа в лоно Дхармы;
достичь совершенного понимания законов бытия;
достичь совершенного понимания взаимности всех существ;
достичь совершенной самореализации единства всех будд и татхагат в сущности бытия;

познать все способы для осуществления клятвы о спасении всех существ;

реализовать высшее просветление через совершенную самореализацию благородной мудрости для того, чтобы *пройти все стадии* (6 состояний бодхисаттвы) и войти в состояние татхагаты. Это вхождение начинается с седьмой стадии, которая называется «далеко идущий» (дурангама), на этой стадии достигается нирвана, т.е. потеря самости в блаженном чувстве ее растворения; *восьмая стадия называется «удаление» (ачала), на этой стадии перестает действовать логическая мысль и воцаряется универсальная мысль.* Именно на восьмой стадии происходит глубокий сдвиг сознания, а бодхисаттва обретает трансцендентное тело (маномайякайя).

Переход из смертного тела в трансцендентное тело не имеет отношения к физической смерти, просто старое тело освобождается от контроля смертной мысли. Реализовав в своем сознании единство бытия, бодхисаттва щедро одаряется всеми способностями и возможностями татхагат. На девятой стадии «совершенного разума» (садхумати) бодхисаттва входит в царство татхагат, в область совершенной мысли. Здесь бодхисаттва реализует в себе природу татхагат, овладевает всеми их способностями и входит во все земли будд. В результате этого он получает возможность для безграничного знания, для постижения сотен тысяч типов медитации, с помощью которых он может путешествовать из одной земли будд в другую, встречаться со всеми буддами, принимать любые формы и образы в тройственном бытии. Десятая стадия принадлежит татхагатам и называется «великим облаком истины» (дхармамегха) или дхармакайя. Состояние татхагат, как объяснил Будда, невозможно описать ни в отрицательных, ни в положительных значениях. Сам Будда называет такое состояние нерожденным. По словам Будды, «объекты часто известны под различными именами в соответствии с различными аспектами, которые они представляют, — бог Индра иногда известен как Шакра, иногда как Пурандара. Эти различные имена используются иногда как равнозначные, иногда как различные, но от этого сущность объекта не меняется. То же самое можно сказать о себе после того, как я появился в этом мире терпения перед его невежественными людьми и в котором я известен под несчетным количеством имен. Они называют меня разными именами, не понимая, что все эти имена являются одним татхагатой».

Будда говорит, что Его учение доступно лишь тем, кто обладает разумом, кто способен увидеть дхармы, кто не в оковах: «Принимать какой-то один взгляд и отвергать все прочие как наихудшие — это мудрецы называют оковами» (Сутта Нипата, 798). Слово «дхарма» означает «нечто, заключающее в себе природную сущность», сущности дхарм могут быть чистыми (светлая дхарма) и грязными (темная дхарма). «Дхаммы обусловлены разумом (мано), их лучшая часть — разум, из разума они сотворены. Если кто-нибудь говорит или делает с нечистым разумом, то за ним следует несчастье, как колесо за следом везущего... Если кто-нибудь говорит или делает с чистым разумом, то за ним следует счастье, как неотступная тень» (Дхаммапада, 1—2). Будда различает Свою Дхарму как сознание Логоса (алая-виджняна) и сотворенные разумом дхармы как сознание живых существ (мано-виджняна) и объясняет с помощью таких универсальных, т.е. не зависящих от времени, законов, как четыре благородные истины; иллюзорность, или постоянная изменчивость, бытия (анитья — дуккха — анатман); срединный, или восьмеричный, путь; Закон зависимого происхождения, каким образом взаимосвязаны и взаимодействуют космическое (необусловленное) и тварные (обусловленные) сознания.

Из Закона зависимого происхождения явствует, что мысль возникает в результате взаимодействия (спарша) органов чувств (самаяатана) субъекта с проявленными объектами (нама-рупа). Человек с детства приучается к выделению в окружающем бытии тех материальных и духовных объектов, которые, в соответствии с его традицией, культурой, общественной системой, по мнению его воспитателей и социального окружения, представляются ему нужными и ценными или же ненужными (нама-рупа). Именно эти объекты, наделенные обусловленной энергией (карманньята — кармическая энергия), становятся объектами шести органов чувств человека, попадая в их сферу, дают импульс чувственной мысли (ведана). Если объект привлекает внимание субъекта, то субъект начинает переносить на него часть своей информации, или мифологизировать объект, в результате возникает желание (тришна; пали, танха). Именно желание является причиной дуккхи.

Желание сближает субъекта с объектом, и начинается активный обмен информацией, в результате которого субъект попадает под воздействие кармической энергии, что выражается в страстном желании обладания (упадана). В конечном счете кармическая энергия все более втягивает субъекта в свое поле, в паутину бесконечной погони за материальными и чувственными наслаждениями (бхава), в безрассудный кармический поток сансарического бытия. В результате возникает иллюзорное духовное пространство (дхарма): читта (мысль) — четасика (менталитет) — рупа (телесные, вещественные, материальные объекты), — которое непостоянно (анитья), страдательно (дуккха), бездуховно (анатман). Именно в этом пространстве, или поле, формируются пять скандх: «все, связанное с пятью скандхами, является дуккхой», — которые принимаются человеком за его самость: это мое, это я, это моя душа.

Одна из скандх (санскара), в наибольшей степени формирующая эгоцентрическое сознание, является отражением генетической памяти. Совокупность мыслей, слов и деяний в прошлых жизнях постоянно образует хорошую или плохую карму, которая в новом рождении определяет характер и способности личности, подобно тому, как горшечник лепит из глины горшки, придавая им по своему желанию ту или иную форму. Эта скандха отождествляется с подсознанием человека. В XIV разделе трактата «Висуддхимагга», приписываемого величайшему комментатору палийского канона Буддхагхоше (V в.н.э.), говорится: «Как только мысль о новом рождении прекращается, возникает эмбрион подсознания о рождении как результат той или иной кармы, иногда проявляющийся перед смертью в форме воспоминаний о прошлой жизни. Санскара есть бесконечный жизненный поток, не похожий на другие формы сознания, который не прерывается ни сном, ни временем». Этот подсознательный поток жизни генерирует особый вид энергии (бхаванга-читта), порождающей паранормальные психические феномены. Он влияет на умственное и

физическое развитие, на карму и перерождения, а также соединяет сознание человека с космическим сознанием посредством интуитивной мысли (манас). Интуитивная мысль позволяет ощущать, чувствовать свое родное цивилизационное пространство, основой которого являются культовые особенности исповедуемой религии; в современной науке такие подсознательные мироощущения обозначаются термином «общественное сознание».

Учение Будды ориентирует мысль человека на чистую дхарму, на неискаженную реальность, и вхождение в эту реальность увеличивает энергию человека. Например, богиня спрашивает Будду: «Эти люди живут в лесу мирной, спокойной и чистой жизнью, едят лишь однажды в день. Откуда же у них такое сияние?» «Они не печалются о прошлом, не думают о будущем, — отвечает Будда. — Они удовлетворены настоящим, поэтому у них появилось сияние». Поле чистой дхармы, в котором существует учение татхагат, образуется там, где пребывают арахат, бодхисаттва, буддийская община (сангха). Вместе с тем следует помнить, что любое поле создается мыслью разумного существа, поэтому оно неустойчиво и иллюзорно. Из учения татхагат нужно усвоить, что человек, будь он мудрецом, бодхисаттвой и арахатом, не может существовать вне иллюзий, именно иллюзии приносят горе и разочарования, но они же дают человеку радость и утешения. «В небе нет пути; нет отшельника вне нас. Люди находят радость в иллюзиях, татхагаты свободны от иллюзий» (Дхаммапада, 254).

И все же лучшее убежище для человека — правильный образ жизни. Он включает правильную речь, правильные деяния, соблюдение пяти основных заповедей: не убей, не лги, не прелюбодействуй, не воруй, не одурманивай свой разум алкоголем и наркотиками. Идеалом правильного образа жизни является жизнь Гаутамы. Правильный образ жизни, т.е. соответствующий учению Будды, традиционно уподобляется острову в сансарическом потоке, или лодке в бушующем океане мирских страстей и желаний, или плоту в кармическом океане бытия. Такая устойчивая нравственная платформа позволит человеку выбрать достойные духовные цели, познать законы природы и общества, следовать по пути, указанному Буддой. Утверждаясь на ней, человек постигает принципы внеземного мышления, известные как четыре истины, которые самореализуются по мере продвижения сознания человека по пути, указанному Буддой, и по мере возрастания знаний.

Четыре истины усваиваются и самореализуются последовательно через четыре стадии (санск. — дхьяна; пали — джняна; кит. — чань; яп. — дзэн), объясненные Буддой и отмеченные в момент Его ухода из нашего бытия. «Бхагава (Татхагата. — В.К.) вошел в первую джняна (камалока), из нее Он вошел во вторую джняна (рупалока). Из второй джняна Он вошел в третью (арупалока), оттуда в четвертую. Из четвертой джняна Он вошел в сфе-

ру бесконечного пространства, из сферы бесконечного пространства Он вошел в сферу бесконечного сознания. Из сферы бесконечного сознания Он поднялся в сферу пустоты. Из пустоты Он вошел в сферу, не поддающуюся описанию, ощущению, разуму, и здесь Он утратил чувства и ощущения».

Если мысль человека правильно ориентирована, в соответствии с рекомендациями Будды, то возникает (возбуждается) виртуальная энергия (от санск. слова «вирия» как синонима латинского «виртуальный»), которая придает человеку мужество и уверенность на пути к просветлению. «Когда монах полон решимости избегать зла, независимо от того, в плохом ли он настроении или нет, возникло ли желание сделать зло или нет, то, сделав усилие и настраивая свои мысли на борьбу со злом, он возбуждает свою энергию (вирия)» (Ангуттара-никая. IV.13). Получая заряды виртуальной энергии, человек уже не сойдет с пути четырех истин. «Если он достиг их, он не может потерять их, — говорит Буддхагхоша. — Если он их еще не достиг, он непременно достигнет их». Виртуальная энергия является одним из семи факторов просветления, однако дальнейшее повествование о факторах просветления едва ли целесообразно, так как придется пересказывать весьма сложное содержание многих сутр, посвященных Буддой теме, которая находится за пределами современных знаний.

Правильные мысли (в джянах) образуют правильную систему координат, позволяющую проследить этапы восхождения к просветлению, видеть иерархию уровней сознания различных существ, обнаруживать энергетический потенциал струны Логоса... и в конечном счете понимать сущность вечности и входить в нирвану. Правильная система координат, в которых фокусируется мысль, позволяет осознать, что именно чувственная мысль преобразует животворную энергию в иллюзорные миры богов, божеств, демонов, духов, волшебников и святых, будд и бодхисаттв, миры человека. Сансарическое бытие, приводимое в движение Законом зависимого происхождения, постоянно, хотя и медленно, скручивает пространство-время, сужая его книзу. Подходящая метафора — волчок. Человек живет в сансаре как в коконе, и для него этот кокон объективная реальность, ибо он не знает, что эта реальность — иллюзорна, мифологична. В этом коконе просматривается сначала едва заметная, затем все более отчетливая восходящая спираль восьмеричного пути, ведущая в конечном счете за пределы чувственного мира. По мере восхождения по этой спирали раскрываются страдательность, непостоянство и иллюзорность сансарического бытия. Становятся заметными потоки, увлекающие человека на дно бытия, в область бессознательного, и потоки, возвышающие разум человека; становятся понятными причины и следствия поступков людей (карма), причины их неудовлетворенности и страданий.

Постепенно открывается третий глаз, воспринимающий бытие как единое целое и знаменующий выход на позицию внеш-

МАКРОКОСМ (восхождение духа)

Дхармачакра
Колесо закона
или Колесо
истинной Дхармы
восьмеричный
и серединный путь.

Четыре
благородные
истины

4. путь
(уровень бодхисаттвы,

3. нирвана
(уровень будд)

2. причины

1. дуккха

Закон причин и следствий

Закон зависимого
происхождения

"Колесо жизни"
или Колесо
иллюзорной дхармы

Бхавачакра

Абхидхарма
7 трактатов

Сутра

истинное знание

Виная

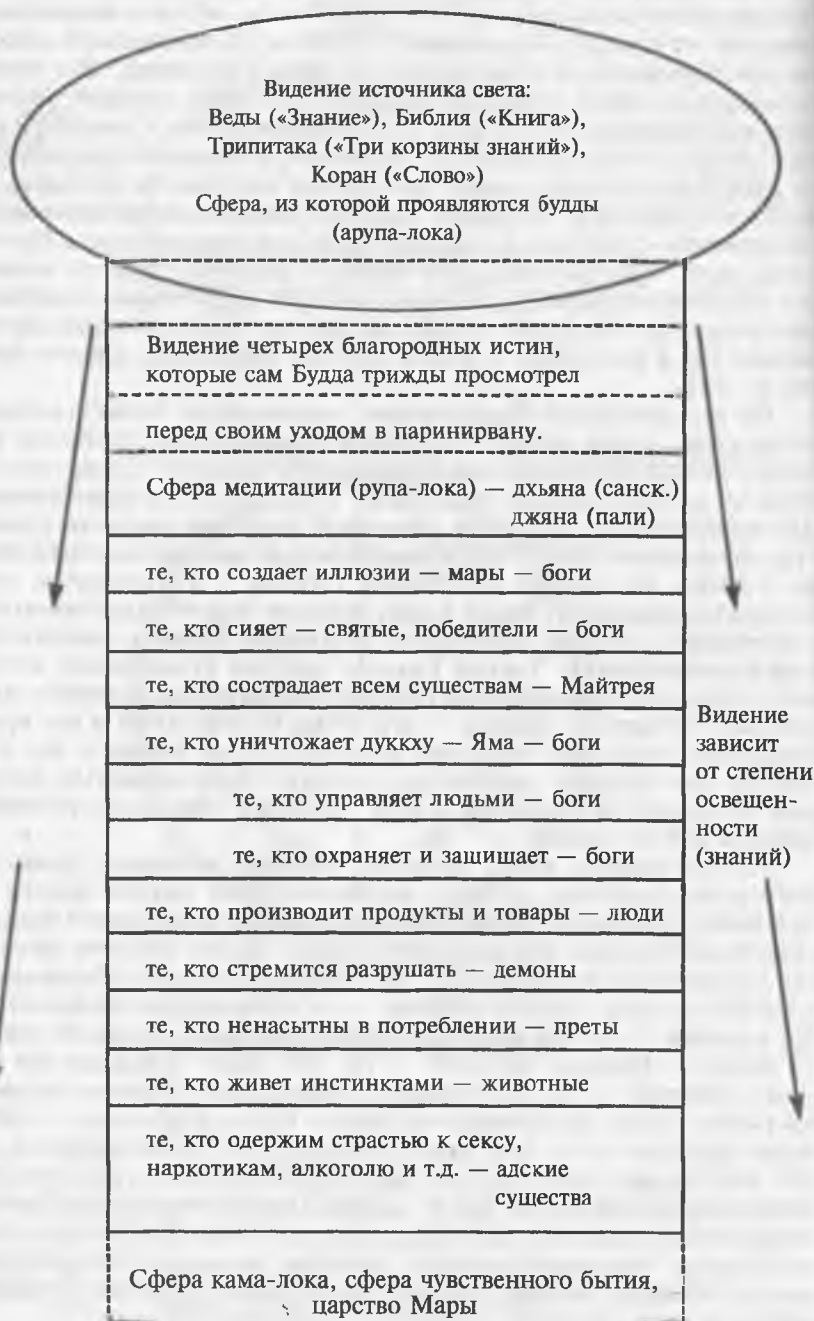
остров, лодка,
образ жизни

сансара—поток чувственных желаний

него наблюдателя, свободного от оков и привязанностей, грубо говоря, естествоиспытателя, отчужденного от объекта исследования, т.е. от своего собственного бытия, и, следовательно, абсолютно свободного и объективного в своих суждениях. Внешний наблюдатель видит, чувствует, ощущает, обоняет, слышит, понимает самореализацию четырех благородных истин. Самореализация четырех истин подводит к осознанию и видению трехмерного пространственного чрева, созданного внеземным разумом, в котором рождается, вызревает и формируется человек как высокоодаренное существо, к видению того, что сансарическое бытие лишь часть пространственного чрева; и видение чрева со всеми его положительными и отрицательными свойствами означает выход на более высокий уровень познания, на качественно иную парадигму, и вхождение в новую систему координат, в новое бытие (с. 36).

Из высказываний Будды видно, что тройное бытие состоит из непроявленной сферы, из которой материализуются будды, из сферы пробужденной мысли и сферы чувственного мира, наполненного всевозможными реальными и ирреальными существами. Дно чувственного мира, или камалоки, населяют двуногие существа, думающие лишь о физических и чувственных наслаждениях, и жизнь их подобна аду. Второй уровень — это существа, постоянно думающие о питье и еде, поэтому они отождествляются с претами — духами, имеющими огромные животы, маленькие рты и узкие глотки. Третий уровень населен существами, которые следуют своим физиологическим инстинктам, подобно животным. Четвертый уровень — это вечно недовольные и все кричащие существа, подобные демонам. Будда говорит, что существа этих четырех уровней по существу лишены разума, который подавлен желаниями плоти, поэтому они мало восприимчивы к Его учению.

Пятый уровень Будда называет уровнем человека, уровнем разумного существа, которое задумывается о смысле жизни и причинах страданий. Именно на этом уровне появляются будды, подобные Гаутаме, которые учат Дхарме. Далее следуют уровни так называемых небожителей, которые материально обеспечены и благоустроены: шестой уровень — те, кто охраняет вход на небо; седьмой — те, кто управляет (небо Таватимса, главный среди 33 богов — Индра); восьмой — те, кто судит (главный бог — Яма); девятый — те, кто думает о благе людей и может помочь им (небо Тусита, на котором пребывает будда грядущего — Майтрея); десятый — те, кто сияет в своей славе; одиннадцатый — тот, кто создает иллюзии, т.е. это абсолютизация эгоцентризма, олицетворенного богом зла и смерти Марой, который является повелителем камалоки, или чувственного бытия. Пятый уровень, на котором пребывает человек, является активным генератором кармы, поэтому именно человек во многом определяет нравственное и упорядоченное состояние камалоки в целом.

Над камалокой располагается сфера четырех стадий медитации (джяна), в которых познаются и самореализуются четыре благородные истины. Действие кармы распространяется и на эту сферу пробужденной мысли (рупалока). Затем следуют четыре уровня небесного сознания, четыре уровня реализации четырех истин, где кармические законы перестают действовать, т.е. заканчивается природа гравитационного взаимодействия. Эта сфера называется рупалока. Именно эта сфера вызывает наибольшее любопытство буддологов, поэтому ей посвящены тысячи работ, которые не поддаются пересказу из-за их противоречивости (с. 38).

Будда объясняет, как стабилизировать и ориентировать человека в макрокосме — изменяющемся пространстве. Как всегда, Будда использует различные способы доведения до сознания человека Высших Знаний: притчи, рассказы, изречения, символы и другие способы. Например, в Сигаловада-сутре, материал которой организован в форме куба, Будда разъясняет обязанности домовладельца и заканчивает проповедь следующими наставлениями: «Мать и отец являются Восточной стороной, учителя — Южной, дети и жена — Западной, друзья и знакомые — Северной, слуги и работники — Надиром, отшельники и брахманы — Зенитом. Тот, кто почитает эти стороны света, достоин вести жизнь домовладельца. Мудрый, добродетельный, благородный, знающий свои обязанности домочадца, скромный и не упрямый — такой завоюет славу. Тот, кто энергичен, не ленив, бесстрашен перед неудачами, собран — такой завоюет славу. Лечащий других добротой, желающий иметь друзей, легко отзывающийся на просьбу, не эгоистичный, дающий совет и руководство своим согражданам — такой завоюет славу. Душевно щедрый, говорящий от доброго сердца, творящий добро в интересах других, справедливый к другим в любом месте и при любых обстоятельствах — такой завоюет славу».

Небо, Земля, Восток, Запад, Север, Юг — основные константы в любой религии. Символика этих констант и их производных, содержащая массу необходимой для развития разума информации, в буддизме выражена в культовых сооружениях и в мандалах — медитативных иконах (с. 40—41).

Мандала имеет ряд значений: а) магическая диаграмма, используемая в практике созерцания; б) философская концепция буддийской Вселенной, карта жизненного пространства; в) иерархическая лестница, на которой размещен пантеон богов; г) в культовой практике — блюдо для сбора пожертвований. Мандала как магическая диаграмма и как «карта» космоса представляет собой круг, вписанный в квадрат, который в свою очередь опять-таки вписан в круг. Внешний круг — Вселенная, внутренний круг — средоточие бога или любого другого сакрального объекта (чаще всего это символ, заменяющий божество в ритуале). Квадрат ориентирован по сторонам света и имеет с каждой стороны Т-образные выходы, так называемые ворота во Вселенную.

Поле квадрата поделено на 4 части. Пятую часть образует центр. Каждая часть имеет свою окраску: синюю, красную, белую, желтую, зеленую. Каждый цвет ассоциируется с одной из сторон света, с одним из будд созерцания, с одним из органов чувств, с одной из мудр (сакральное положение рук и пальцев), с одной из мантр (сакральная форма вызывания божества). Верующий в процессе созерцания должен по очереди воспроизвести в себе все, что изображено на мандале, слить себя с божеством, изображенным в центре, после чего для верующего наступает высшая стадия созерцания — слияние с космическим Абсолютом.

Мандалы часто изображают на полу и на потолке храма. Они могут быть плоскостными и рельефными, их рисуют на ткани и на песке, делают из металла, камня, дерева. В центре мандалы могут быть заменители божества: ваджра; гора Меру как центр буддийской космогонии; дворец идеального монарха — чакравартина. Мандала несет множество символов: цветы лотоса, чакры, раковины и др.

ДИАГРАММА ВИДЕНИЯ МАКРОКОСМА (МАНДАЛА)

Випассана (внутренняя медитация) позволяет просветленному заглянуть в свой внутренний мир, или микрокосм. Микрокосм — это плод макрокосма. Образно говоря, микрокосм — это курица, макрокосм — яйцо. По мере развития сознания микрокосм все более осознает свое органическое единство с макрокосмом. По словам Будды, в теле разумного существа «длиною менее двух метров» таится происхождение, развитие и уничтожение мира. Взаимодействие микрокосма с макрокосмом можно выразить в диаграмме (с. 42).

В центре диаграммы проходит срединный путь, изображенный в виде шахты с подъемником, что позволяет наглядно увидеть процесс подъема к Высшему Знанию, а также спуск того, кто достиг просветления, в глубины бытия. Освещение фрагментов бытия прямо зависит от объема знаний просветленного. Слева показана самореализация Логоса через последовательно появляющиеся ре-

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЧАСТЬ МАНДАЛЫ

ПЛОДЫ ПУТИ: ДИАГРАММА ВИДЕНИЯ МИКРОКОСМА

Струна, в которой
спектр энергий
растет до бесконечности

Энергия духа

Зона мысли, сознания,
разума

Зона, в которой
сливаются земные
и внеземные знания,
источник речи

Третий глаз мудрости

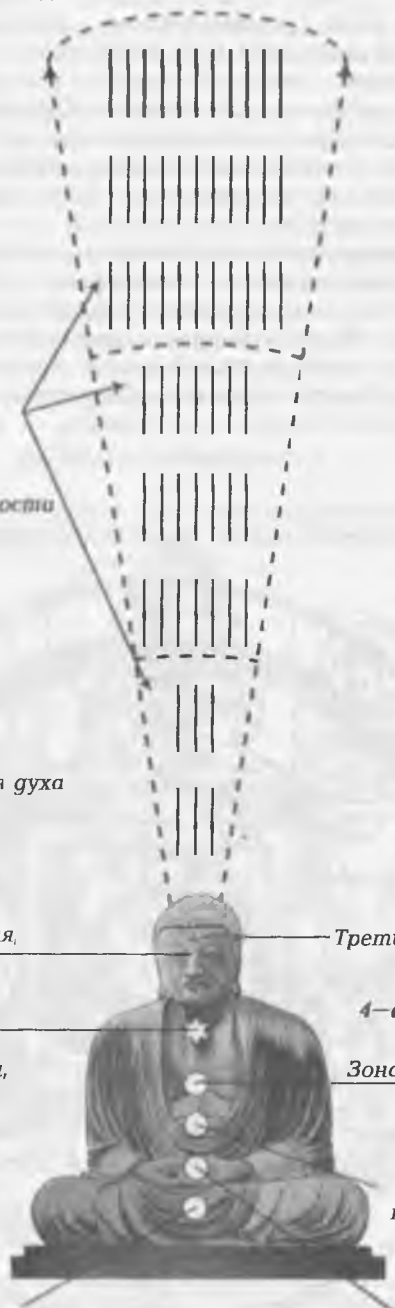
4-е сумеречные
чакры

Зона
агрессивности
(демоны)

Зона страха
перед смертью
(прети)

Зона необузданной страсти (аг)

Зона инстинктов
(животные)

лигии. Справа — плоды випассаны. Энергия, поступающая в микрокосм через органы чувств, очищается в чакрах. Функции чакр описываются в буддийских медицинских трактатах, например в Атласе тибетской медицины. Потенциал очищенной энергии постоянно возрастает по мере ее прохождения по правильно сфокусированной вертикали. Такая вертикаль еще в VI веке до нашей эры называлась струной Логоса. Современная физика теоретически допускает существование космической струны, в которой спектр энергий может расти до бесконечности. Причины возрастания энергии микрокосма объясняются Буддой в Лотосовой сутре.

«...Однажды Будда остановился в городе Раджагриха. Он взобрался на скалу Гридхракута и с нее обратился с проповедью к собравшимся монахам и мирянам. Затем Он погрузился в состояние медитации, именуемое «состоянием демонстрации бесконечности». И вот поле (энергетическое) Будды задрожало, стало вибрировать, раздвигаться, расширяться, удаляться в бесконечность. Все созерцали это чудо с восторгом, страхом, благоговением. Меж бровей Будды появился луч света, который, удаляясь, осветил бесконечность к востоку, и в этом луче засветились бесчисленные земли будд, от великого ада Авика до границ их бытия. И стали видны все, без исключения, существа шести уровней существования (ад, преты, животные, демоны, люди, небожители. — В.К.), а также бодхисаттвы и будды, которые достигли Нирваны, и все ступы, содержащие реликвии.

Будды, бодхисаттвы, арахаты и шраваки, наблюдавшие это чудо, стали просить Будду объяснить им сущность и законы освещенного им пространства. «Никто, кроме татхагат, — сказал Будда, — не знает всех законов, поэтому необходима абсолютная вера в мудрость татхагат. Существует лишь один путь к просветлению, указанный буддами, а не два или три пути. Любой, кто поймет эту истину, достигнет просветления, нирваны, станет буддой. С того момента, когда колесо закона (дхармачакра) приводится в движение, в этом мире (саха) появляются нирвана, арахат, дхарма, сангха». Будда объяснил, что путь шравака и пратьекабудды не ведет к полной нирване. Существует лишь один путь и одна Нирвана. Татхагаты исцеляют существа от невежества. По Его словам, будды появились в этом мире давным-давно, когда в небе возникли светящиеся люстры. При их свете померкли Солнце и Луна, одновременно произошли землетрясения. И Будда родился в этом мире.

В луче, испускаемом Буддой, возникла ступа, простирающаяся от Будды до неба и похожая на след метеорита. Будда объяснил, что ступа является формой тела татхагаты. Мирная жизнь, по Его словам, это свершение благих дел, забота не о брэнном теле, а о преодолении невежества через просветление. Те, кто ведет благую жизнь, достигают просветления и становятся бодхисаттвами в этом мире; число бодхисаттв подобно песчинкам сорока таких рек, как Ганг. Продолжительность жизни татхагат

бесконечна. Тайна мудрости и непостижимой власти татхагат в абсолютном совершенстве их органов чувств».

Любой, кто слушает, запоминает, переписывает, заучивает, читает Лотосовую сутру, обретет 800 достоинств глаза, 1200 — уха, 800 — носа, 1200 — языка, 800 — тела, 1200 достоинств мысли. Вкратце эти достоинства следующие. *Глаза* получают способность обозревать весь тройной мир бытия как изнутри, так и извне, с его горами, лесами, морями, горой Меру; видеть этот мир от ада Авика до границ существования, видеть в этом мире все достойное и недостойное. *Уши* слышат все звуки, наполняющие этот тройной мир от ада Авика до границ существования: голоса лошадей, слонов, коров, овец, коз, верблюдов, тигров, женщин, мужчин, мальчиков, девочек; голоса богов, нагов, духов, демонов, гаруд, киннар, небесных музыкантов, драконов, монахов, шраваков, арахатов, бодхисаттв, будд; звуки повозок, ужаса, плача, рыданий, радости, пения, цимбал, раковин, колокольчиков; звуки приятные и неприятные, сострадательные и жестокие, неблагородные и благородные. *Нос* сможет определить все запахи тройного мира: зловонные, приятные и неприятные, запахи различных цветов, трав, фруктов, кустарников, растений, деревьев, благовоний; запахи всех существ — богов, шраваков, арахатов, бодхисаттв, будд, животных, мужчин, женщин, детей. *Язык* определяет тембр голоса, который станет глубоким и сладкозвучным, дружелюбным, проникающим в сердце, завораживающим, наполненным сладостными мелодиями. Каждый заслушивается и готов служить обладателю сладкозвучной речи. *Тело*, наделенное достоинствами, становится подобным зеркалу, в котором отражается весь тройной мир и все существа этого мира; они то исчезают, то появляются, и среди них шраваки, арахаты, бодхисаттвы, будды. *Совершенная мысль* станет улавливать мысли и желания любого существа. Такая мысль постоянно очищается, проходя через Дхарму.

Однажды Будда, взяв горсть листьев, спросил монахов: «Как вы думаете, где больше листьев, в моей руке или в лесу?» — «Мало листьев в руке Просветленного, — ответили монахи, — в лесу их гораздо больше».

«Подобно этим листьям, монахи, многое Я знаю, но немногое объявляю вам; немногое открываю вам. А почему Я не открываю вам многое? Потому, что такие знания бесполезны, не способствуют чистоте жизни, не ведут к хладнокровию, спокойствию, не ведут к полному пониманию, просветлению, нирване. По этой причине они не объясняются Мною.

А что же тогда объясняется Мною? Существует дуккха — это Я объясняю. Существует причина дуккхи — это Я объясняю. Существует прекращение дуккхи — это Я объясняю. Существует путь прекращения дуккхи — это Я объясняю. А почему, монахи,

Я объявляю это? Потому что эти истины полезны, они способствуют чистоте жизни; ведут к хладнокровию, спокойствию, ведут к полному пониманию, просветлению, нирване» (Самьютта-никая. IV. 37).

Подведем итог. Буддийские воззрения на воспитание и образование, на развитие и саморазвитие человека представляют собой богатейшую сокровищницу педагогической мысли. Здесь мы встречаемся с неординарными формами познания мира, с четко поставленной системой выработки морального поведения и нестандартного мышления. Буддийское учение позволило человеку почувствовать себя неотъемлемой частью Вселенной, подчиниться общим ее законам, связывающим воедино все бытие, — и одновременно обрести самостоятельное, относительно независимое, внутренне цельное духовное существование.

Вот почему и педагогу важно прикоснуться к древнему наследию, проникнуться его идеями, использовать опыт буддийского воспитания в построении современной школы, гуманной педагогики.

В.И. Корнев

Дорогие коллеги, читатели этой Книги!

Прежде чем поделиться с вами своими размышлениями, хочу сказать вот о чем. Занимаясь воспитанием и образованием детей, имея пятерых своих, я пришел постепенно к твердому убеждению, что воспитание есть основа образования и должно опережать обучение. Ведь дать знания не главное, главное — какой человек будет этими знаниями владеть, на зло или на добро будут они направлены. И второе, к чему я окончательно пришел, — это убеждение, что главное в воспитании — личность воспитателя, учителя. То есть то, какие мы сами, как мыслим, как поступаем в жизни, какова наша культура и человеческие качества. Не какие-то методики, не заданный урок воспитывают ребенка, а человек. Дети как бы считывают многое с нас — воспитателей и учителей; получая эту информацию, они верят ей больше, нежели нашим словам. Глаза детей не обмануть. Поэтому, если мы хотим сделать наше воспитание и образование гуманным и эффективным, мы должны начать с себя. Как бы трудно это ни было, понемногу, постепенно, но нужно стараться стать чуточку лучше, чем есть! Другого пути нет. И в этом нам, как это было во все века, поможет вечно живая Мудрость. Одним из лепестков этого цветка мудрости является Учение Будды. Конечно, мы не можем постичь его в полноте, да и не это сейчас наша задача. Но прислушаться с открытым сердцем, без отрицаний к вечной истине мы можем. Это будет достойный человека и учителя шаг.

С уважением. Валерий Ашиков

ДХАММАПАДА

І. ГЛАВА ПАРНЫХ СТРОФ

1. Дхаммы обусловлены разумом. их лучшая часть — разум. из разума они сотворены. Если кто-нибудь говорит или делает с нечистым разумом. то за ним следует несчастье. как колесо за следом везущего.

2. Дхаммы обусловлены разумом. их лучшая часть — разум. из разума они сотворены. Если кто-нибудь говорит или делает с чистым разумом. то за ним следует счастье. как неотступная тень.

Русская пословица гласит: «Что посеешь — то и пожнешь». Здесь говорится о том же, но подчеркивается значение разума, а значит, наших мыслей. То, как мы думаем, становится посевом, основой урожая. Причина и следствие — как неразрывная нить жизни. Это важно понять, и об этом нужно сказать детям.

3. «Он оскорбил меня. он ударил меня. он одержал верх над мной. он обобрал меня». У тех. кто таит в себе такие мысли. ненависть не прекращается.

4. «Он оскорбил меня. он ударил меня. он одержал верх над мной. он обобрал меня». У тех. кто не таит в себе таких мыслей. ненависть прекращается.

Подобное часто встречается и у детей. Но дети не знают ненависти. Может, потому, что они умеют быстро прощать, забывать обиды. А ведь как часто мы обижаем наших детей, но не проходит и часа, как они снова всем сердцем тянутся к нам.

5. Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью. но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма.

Как важно нам в это поверить и внушить это детям! Иначе как же выйти из порочного круга зла, как его нейтрализовать, а не умножить?

6. Ведь некоторые не знают, что нам суждено здесь погибнуть. У тех же, кто знает это, сразу прекращаются ссоры.

7. Того, кто живет в созерцании удовольствий, необузданного в своих чувствах, неумеренного в еде, ленивого, непешительного — именно его сокрушает Мара, как вихрь — бессильное дерево.

8. Того, кто живет без созерцания удовольствий, слержанного в своих чувствах и умеренного в еде, полного веры и пешительности. — именно его не может сокрушить Мара, как вихрь не может сокрушить каменную гору.

Может, это и есть истинная сила? Многие мальчики мечтают стать сильными, но как было бы хорошо, если бы учитель мудро, ненавязчиво показал на примерах жизни, что есть настоящая сила человека. Быть вне рабства своих низких страстей, быть уверенным и решительным — разве это не сила?

9. Кто облачается в желтое одеяние, сам не очистившись от грязи, не зная ни истины, ни самоограничения, тот недостоин желтого одеяния.

10. Но кто избавился от грязи, кто стоек в добродетелях, исполнен истины и самоограничения, именно тот достоин желтого одеяния.

11. «Всюду в мире смерть, и нет убежища ни в одном из миров». Мнящие суть в несути и видящие несут в сути, они никогда не достигнут сути, ибо их удел — ложные намерения.

12. Принимающие суть за суть и несут за несут, они достигнут сути, ибо их удел — истинные намерения.

13. Как в дом с плохой крышей просачивается дождь, так в плохо развитый ум просачивается вожделение.

14. Как в дом с хорошей крышей не просачивается дождь, так в хорошо развитый ум не просачивается вожделение.

Поймем вожделение как низкие страсти, стихийность, которая опасна не только для человека, но и для природы. Развитый ум, способный самостоятельно мыслить, принимать решения, воспитанный ум, знающий истинные ценности и имеющий истинные ориентиры, — разве это не истинная цель воспитания и образования?

15. В этом мире сетует он и в ином — сетует. В обоих мирах злочинец сетует. Он сетует, он страдает, видя зло своих дел.

16. В этом мире радуется он и в ином — радуется. В обоих мирах творящий добро радуется. Он радуется — не нарадуется, видя непорочность своих дел.

17. В этом мире страдает он и в ином — страдает, в обоих мирах злочинец страдает. «Зло сделано мной», — страдает он. Еще больше страдает он, оказавшись в беде.

18. В этом мире ликует он и в ином — ликует, в обоих мирах творящий добро ликует. «Добро сделано мной!» — ликует он. Еще больше ликует он, достигнув счастья.

19. Если даже человек постоянно твердит Писание, но, нерадивый, не следует ему, он подобен пастуху, считающему коров у других. Он непричастен к святости.

К сожалению, мы очень часто чему-то учим детей, а сами этого не умеем или не делаем.

20. Если даже человек мало повторяет Писание, но живет, следуя дхамме, освободившись от страсти, ненависти и невежества, обладая истинным знанием, свободным разумом, не имея привязанностей ни в этом, ни в ином мире, — он причастен к святости.

II. ГЛАВА О СЕРЬЕЗНОСТИ

21. Серьезность — путь к бессмертию. Легкомыслие — путь к смерти. Серьезные не умирают. Легкомысленные подобны мертвецам.

22. Отчетливо понимая это, мудрые — серьезные. В серьезности они черпают радость. На ниве благородных радуются они.

К чему ведет легкомыслие, мы знаем. Мир во многом страдает от легкомыслия. Эта инфекция сейчас сильно распространяется и поражает прежде всего детей и молодежь. Многие неурядицы в жизни — от легковесного к ней отношения. Воспитание ответственности невозможно без серьезности.

Конечно, серьезность не значит сухость, черствость. Можно радоваться бесконечно, но при этом не терять серьезности. Смотря чему радоваться и как.

23. Вдумчивые, упорные, всегда стойкие и мудрые, они достигают нирваны, свободной от привязанностей и несравненной.

24. У энергичного, полного мыслей, действующего осматривательно, ограничивающего себя, серьезного, у того, чьи дела чисты и кто живет, следуя дхамме, — у того возрастает слава.

25. Пусть мудрец усилием, серьезностью, самоограничением и воздержанием сотворит остров, который нельзя сокрушить потоком.

26. Невежды, глупые люди привержены к легкомыслию. Мудрец же хранит серьезность, как драгоценное сокровище.

Учитель, будь мудрым, будь серьезным!

Как заложить основу серьезности в детях? — нелегкий вопрос. Если я сам серьезный человек, то уже это в большой мере отразится на ребенке. Ведь он видит мое отношение к жизни, к разным вещам и явлениям, окружающим нас. Мы можем иметь чувство юмора, шутить, но при этом никогда не нарушать наши принципы. Мы не можем допустить попрания моральных и этических основ, на которых только и держится пока жизнь. Увы, это сплошь и рядом происходит. Поэтому учитель и должен стать тем островом, о котором говорилось выше и который нельзя сокрушить потоком. Если не семья, то учитель на сегодняшний день должен стать и остаться мощной колонной, удерживающей Дом от разрушения.

27. Избегайте легкомыслия, чуждайтесь страсти и наслаждения, ибо лишь серьезный и вдумчивый достигает великого счастья.

28. Когда мудрый серьезностью прогонит легкомыслие, он, беспечальный, подымаясь на вершины мудрости, смотрит на большое печалью человечество, как стоящий на горе на стоящего на равнине, как мудрый на глупого.

29. Серьезный среди легкомысленных, многободрствующий среди спящих, мудрец выделяется, как скакун, опередивший клячу.

30. Серьезностью достиг Магхаван первенства среди богов. Серьезность хвалят, легкомыслие же всегда проклинается.

31. Бхикшу, находящий удовлетворение в серьезности или со страхом взирающий на легкомыслие, пролагает путь, как огонь, пожирающий узы, большие или малые.

32. Бхикшу, находящий удовлетворение в серьезности или со страхом взирающий на легкомыслие, неспособен к падению: ведь он близок к нирване. Буддхагхоша, достигший серьезности, не может уклониться с четырех путей (истин): Если он достиг их, он не может потерять их; если он их еще не достиг, он непременно достигнет их.

III. ГЛАВА О МЫСЛИ

33. Трепещущую, дрожащую мысль, легко уязвимую и с трудом сдерживаемую, мудрец направляет, как лучник стрелу.

34. Как рыба, вырванная из своей стихии и брошенная на сушу, дрожит эта мысль: лишь бы вырваться из-под власти Мары.

35. Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало. — благо. Обузданная мысль приводит к счастью.

Понимая значение мысли для жизни человека и его окружения, того, как наш воспитанник будет в дальнейшем мыслить, мы должны серьезное внимание уделить воспитанию и развитию у детей мышления. Умение управлять своими мыслями, направлять их на всё хорошее, во благо и созидание — не меньшая наука, чем математика или физика. Управляющий своими мыслями человек обретает контроль над собой. Ему можно доверить знания, умения и навыки. Развитие внимания, наблюдательности в детях поможет в дальнейшем этому самоконтролю. Так постепенно от внимательности к окружающим нас явлениям мы переходим к внимательности внутри себя.

36. Пусть мудрец стережет свою мысль, трудно постижимую, крайне изощренную, спотыкающуюся где попало. Стереженная мысль приводит к счастью.

37. Те, которые смиряют свою мысль, блуждающую вдалеке, бредущую в одиночку, бестелесную, скрытую в сердце, освободятся от Мары.

38. У того, чья мысль нестойка, кто не знает истинной дхаммы, чья вера колеблется, — мудрость не становится совершенной.

39. В непорочной мысли, в невосполненной мысли, отказавшейся от добра и зла, в бодрствующей — нет страха.

Подобным мышлением обладают дети. Они не делят всё на добро и зло. Это какое-то особенное отношение к миру, которое мы забыли. Это своего рода «детская» мудрость. Как к этому прикоснуться?

40. Зная, что это тело подобно скудели, превратив эту мысль в подобие крепости, пусть он с оружием мудрости нападет на Мару, и да сохранит он победу и да будет он свободен от привязанностей.

41. Увы! Недолго это тело проживет на земле, отверженное бесчувственное, бесполезное, как чурбан.

42. Что бы ни сделал враг врагу или же ненавистник ненавистнику. ложно направленная мысль может сделать еще худшее

Еще раз подчеркнута сила мысли.

43. Что бы ни сделали мать, отец или какой другой родственник. истинно направленная мысль может сделать еще лучшее.

А здесь уже ясно говорится о значении учителя и воспитателя, если он знает о значении и силе мысли и уделяет этому внимание в своей практике. На мой взгляд, одна из самых главных задач образования — дать истинное направление мышлению человека.

IV. ГЛАВА О ЦВЕТАХ

44. Кто победит эту землю и мир Ямы и этот мир богов? Кто найдет хорошо преподавшую стезю дхаммы, как мудрец — цветок?

45. Ученик победит землю, мир Ямы и этот мир богов. Ученик найдет хорошо преподавшую стезю дхаммы, как мудрец — цветок.

46. Знающий. что это тело подобно пене. понимающий его призрачную природу. сломавший украшенные цветами стрелы Мары. пусть он пройдет невидимый для царя смерти.

Понять подобные вещи мне помогает допущение, что наша жизнь в теле не есть предел существования. Подобные допущения наводят на размышления о смысле жизни и вытекающем из него смысле образования.

47. Человека же. срывающего цветы. чей ум в шорах. постигает смерть. как наводнение — спящую деревню.

Что это за шоры? Может быть, это какие-то условности, стереотипы, догмы. Они мешают жить свободно, свободно постигать, творить.

48. Человека же, срывающего цветы, чей ум в шорах, ненасытного в чувственных утехах, смерть делает подвластным себе.

49. Как пчела, набрав сока, влетает, не повредив цветка, его окраски и запаха, так же пусть мудрец поступает в деревне.

Придя в деревню к простым, малообразованным людям, мудрец не станет говорить с ними на непонятном им языке, не станет отягощать их ум непосильным для них. Из сострадания и любви к людям мудрец этого не сделает. На то он и мудрец, чтобы думать прежде всего не о себе, а о людях. Он знает, что всё должно соответствовать одно другому. Он даст что нужно и уйдет, не навредя. Так же должен поступать учитель, согласовывая всё, что он делает, с сознанием ученика, его индивидуальностью. «Не навреди» — должно быть и нашей заповедью.

50. Пусть смотрит он не на ошибки других, на сделанное и несделанное другими, но на сделанное и несделанное им самим.

Ох, как часто мы видим в ученике то, что в себе не замечаем! Одна мудрая женщина, Учитель с большой буквы, сказала: «Распознайте себя и только себя и будьте терпимы к другим».

51. Хорошо сказанное слово человека, который ему не следует, столь же бесплодно, как и прекрасный цветок с приятной окраской, но лишенный аромата.

52. Хорошо сказанное слово человека, следующего ему, плодотворно, как прекрасный цветок с приятной окраской и благоухающий.

53. Как из вороха цветов можно сделать много венков, так и смертный, когда он полится, может совершить много добрых дел.

Убежден — каждый ребенок рождается с этой возможностью. Многое будет зависеть от меня, от моего воспитания, от того, как направлю мышление ребенка, чему научу.

54. У цветов аромат не распространяется против ветра, так же — у сандалового дерева, у тагары или у жасмина. Аромат же добродетельных распространяется и против ветра. Благой человек проникает во все места.

55. Сандаловое дерево или тагара, лотос или вассика — среди их ароматов аромат благих дел — непревзойденнейший.

56. Слаб этот аромат, испускаемый тагарой и сандаловым деревом. Аромат же благих дел, веющий среди богов, — самый лучший.

57. Мара не находит тропы тех, кто благополен, кто живет исполненный серьезности и кто свободен благодаря совершенному знанию.

Что это за «совершенное знание», которое уведет от зла? По-могут ли этому школьные предметы? Наверное, да, если будут пронизаны смыслом, пониманием главного. Знание основ бытия — может быть, это совершенное знание?

58—59. Как на куче мусора, выброшенного на большую доро-гу, может вырасти лотос, сладко пахнущий и радующий ум, так ученик поистине просветленного выделяется мудростью среди слепых посредственностей, среди существ, подобных мусору.

V. ГЛАВА О ГЛУПЦАХ

60. Длинна ночь для бодрствующего, длинна йоджана для ус-тавшего, длинна сансара для глупцов, не знающих истинной дхаммы.

61. Если странствующий не встретит подобного себе или луч-шего, пусть он укрепится в одиночестве; с глупцом не бывает дружны.

62. «Сыновья — мои, богатство — мое», — так мучается глу-пец. Он ведь сам не принадлежит себе. Откуда же сыновья? От-куда богатство?

63. Глупец, который знает свою глупость, тем самым уже мулдр, а глупец, мнящий себя мулдрым, воистину, как говорится, «ГЛУПЕЦ».

Печально встречать учителя, считающего, что он всё знает, или не желающего знать больше, нежели определено ему программой.

Излишняя самоуверенность, самомнение мешают нам двигаться дальше, постигать новое, а без этого не будет учителя. Хочется прислушаться к мудрым словам.

Ребенок же еще свободен от такого самомнения, и потому он открыт к познанию.

64. Если глупец связан с мудрым даже всю свою жизнь, он знает дхамму не больше, чем ложка — вкусом похлебки.

65. Если хотя бы мгновение умный связан с мудрым, быстро знакомится он с дхаммой, как язык с вкусом похлебки.

66. Не имея разума, глупцы поступают с собой, как с врага-ми, совершая злое дело, которое приносит горькие плоды.

67. Нехорошо сделано то дело, совершив которое, раскаиваются, чей плод принимают с заплаканным лицом, рыдая.

68. Но хорошо сделано то дело, сделав которое, не раскаиваются, чей плод принимают радостно и удовлетворенно.

69. Пока зло не созреет, глупец считает его подобным меду. Когда же зло созреет, тогда глупец предается горю.

70. Пусть глупец месяц за месяцем ест пищу с кончика травинки куса. все-таки он не стоит и шестнадцатой части тех, кто знает дхамму.

Конечно, лишь внешнее подражание или внешнее делание, без искреннего побуждения и осознания смысла того, что делаешь, плодов не дадут. Мы стали учить детей этикету — тем же внешним проявлениям, не занимаясь сутью воспитания. Может ли это способствовать формированию культурного и нравственного человека? — Сомневаюсь.

71. Ибо, как не сразу свертывается молоко, так содеянное злое дело не сразу приносит плоды; тлея подобно огню, покрытому пеплом, оно следует за этим глупцом.

72. Когда же глупец на свое несчастье овладевает знанием, оно уничтожает его удачливый жребий, разбивая ему голову.

73. Он может возжелать неподобающего ему положения и первенства среди бхикшув. и власти в монастырях. и почитания среди других родов.

74. «Пусть думают и миряне, и отшельники, что это сделано мной. Пусть они зависят от меня во всех делах». — таково намерение глупца: его желание и гордость возрастают.

Вот к чему приводят большие знания при нечистом, неблагородном сердце. Мы это часто видим в жизни.

75. Ибо одно средство ведет к приобретению богатства, другое — к нирване. Зная же это, бхикшу, ученик Будды, не возрадуется почестям, но возлюбит одиночество.

VI. ГЛАВА О МУДРЫХ

76. Если кто увидит мудреца, указывающего недостатки и упрекающего за них, пусть он следует за таким мудрецом, как за указывающим сокровище. Лучше, а не хуже будет тому, кто следует за таким.

77. Пусть он советует, поучает и удерживает от зла. Он велик и приятен добром и неприятен злу.

Как хочется пожелать детям всей земли встретить таких мудрецов — учителей. Как хочется пожелать всем нам поскорее стать такими! Какой труд нужно совершить над самим собой, чтобы хоть отчасти достичь подобной мудрости! Оправданы ли будут наши усилия? Ценит ли государство в достаточной степени миссию учителя? Отблагодарят ли нас наши ученики своей жизнью, направленной на добро? Но сеятель сеет, потому что знает — не сеять нельзя! Он уверен, что закладывает в землю самые доброкачественные зерна, и потому нет в нем сомнений. И воздается ему сторицей!

78. Пусть никто не соединяется с плохими друзьями, пусть никто не соединяется с низкими людьми. Привяжитесь к хорошим друзьям, привяжитесь к благородным людям.

79. Вкушающий дхамму живет счастливо; с чистым умом, мудрец всегда восхищается дхаммой, возвешенной Благородным.

80. Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, плотники подчиняют себе дерево, мудрецы смиряют самих себя.

81. Как крепкая скала не может быть сдвинута ветром, так мудрецы непоколебимы среди хулений и похвал.

82. Услышав дхаммы, мудрецы становятся чистыми, как пруд, глубокий, чистый и незамутненный.

83. Добродетельные продолжают свой путь при любых условиях. Благие, даже томясь желанием, не болтают. Тронутые счастьем или же горем, мудрецы не показывают ни того ни другого.

84. Ни ради самого себя, ни ради другого не возжелает он ни сана, ни богатства, ни царства. На незаконной стезе не возжелает он себе успеха. Да будет он благороден, мудр и справедлив.

85. Немногие среди людей достигают противоположного берега. Остальные же люди только суетятся на здешнем берегу.

86. Те же люди, которые действительно следуют дхамме, когда дхамма хорошо возвешена, достигнут противоположного берега, минуя царство смерти, хотя его и трудно избежать.

87—88. Покинув темную дхамму, пусть мудрец пестует светлую. Уйдя из дома в бездомность, в одиночестве, казалось бы, мало подходящем для радости, пусть ищет он удовлетворения.

Отказавшись от желаний, избавившись от собственности, пусть мудрец очистит от скверны свой ум.

89. Те, чей ум должным образом опирается на начала просветления, отказавшиеся от привязанностей, радующиеся освобождению, с уничтоженными желаниями, полные блеска, они в этом мире достигли нирваны.

VII. ГЛАВА ОБ АРХАТАХ

90. У совершившего странствие, у беспечального, у свободного во всех отношениях, у сбросившего все узы нет лихорадки страсти.

91. Мудрые удаляются; дома для них нет наслаждения. Как небеди, оставившие свой пруд, покидают они свои жилища.

92. Они не делают запасов. у них правильный взгляд на пищу — их удел — освобождение, лишенное желаний и необусловленное. Их путь, как у птиц в небе, труден для понимания.

Да, наш путь учителя, воспитателя, наставника может быть труден. Часто родители не понимают нас, наших принципов, подходов, порой коллеги не разделяют этот путь. Но можем ли мы сворачивать с пути?

Путь истинного наставника — всегда подвиг. Много таких подвижников — слава им!

93. У него уничтожены желания, и он не привязан к пище; его удел — освобождение, свободное от желаний и условий. Его стезя, как у птиц в небе, трудна для понимания.

94. Чувства у него спокойны, как кони, обузданные возницей. Он отказался от гордости и лишен желаний. Такому даже боги завидуют.

95. Подобный земле, он не знает смятения; такой добродетельный подобен столпу Индры: он как пруд без грязи. У такого нет сансар.

96. У него спокойная мысль, и слово спокойно, и деянье. У такого спокойного и освобожденного — совершенное знание.

Читаю, и постепенно складывается образ Учителя с большой буквы. Без идеала жить нельзя. Ничего, что до него далеко, но главное — есть к чему стремиться, мы не впотымах. Когда нет идеалов, критериев, становится непонятным само существование. Также и перед глазами ребенка должен быть какой-то образ более

совершенного человека. Раньше в народе верили в богатырей, никто не мог сравниться с ними силами, но был конкретный образ, на который можно было равняться. Что есть у детей сегодня? Убежден, в школу должны войти образы прекрасных людей — героев, подвижников всех времен и народов. Эти образы могут стать увлекательными для ребенка, повлечь подражание этим образам. Это должно стать альтернативой всему негативному, что сегодня обрушилось на детей. Так или иначе, всё творится по какому-то образу и подобию. Лучше, если это будет подобие Человека с большой буквы.

97. Человек, который не верует и знает несозданное, разорвал привязанности, положил конец случаю, отказался от желаний. — поистине благороднейший человек.

Здесь Учитель призывает к осознанной вере, подкрепленной знанием и опытом. Так, ученик, проходя школу, будет укрепляться в своей жизненной вере.

98. В деревне или в лесу, в долине или на холме, — где бы ни жили архаты, любая земля там приятна.

99. Приятны леса. Где не радуются прочие люди, возрадуются лишенные страсти, ибо они не ищут чувственных удовольствий.

VIII. ГЛАВА О ТЫСЯЧЕ

100. Одно полезное слово, услышав которое становятся спокойными, лучше тысячи речей, составленных из бесполезных слов.

Речь идет о качественном содержании нашей речи. Наверно, есть у нас как бесполезные, так и полезные слова. Главное — отобрать их.

Вообще слово — большая сила. Словом можно и оживить и убить человека. Разве не было таких случаев? Мы ответственны за произносимые слова, тем более когда это касается детей. Слово западает в душу ребенка и оказывает на него порой большее влияние, чем нам видится.

101. Одно полустихие, услышав которое становятся спокойными, лучше тысячи стихов, составленных из бесполезных слов.

102. Одно полустихие, услышав которое становятся спокойными, лучше, чем если бы кто-нибудь продекламировал сто стихов, составленных из бесполезных слов.

103. Если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя одного, то именно этот другой — величайший победитель в битве.

Мое любимое изречение. Возвращаясь к вопросу о силе. В чем истинная сила? Наверно, эти мысли особенно нужны мальчикам — будущим мужчинам. Ведь они слишком почитают злую физическую силу. А вот сможем ли мы победить хотя бы одну свою вредную привычку или плохое качество?

104. Поистине, победа над собой человека, живущего в постоянном самоограничении, смирившего себя, лучше, чем победа над другими людьми.

105. Ни Мара с Брахмой, ни гандхарва, ни даже сам бог не смогут превратить у такого человека победу в поражение.

106. Пусть некто месяц за месяцем тысячекратно в течение ста лет совершает жертвоприношения, и пусть другой воздаст честь — хотя бы на одно мгновение — совершенствующему себя. Поистине, такое почитание лучше столетних жертвоприношений.

107. Пусть человек сто лет вихаживает за огнем в лесу, и пусть он воздаст честь — хотя бы на одно мгновение — совершенствующему себя. Поистине, такое почитание лучше столетних жертвоприношений.

Мы должны воспитывать в детях уважение к людям, которые посвятили жизнь прежде всего совершенствованию себя. Эти люди знали, что только таким путем они смогут помочь другим, улучшить жизнь. История предоставляет нам достаточно примеров подобного самосовершенствования.

108. Что бы ни пожертвовал в этом мире в течение года добродетельный как милостыню или приношение, все это не стоит и ломаного гроша. Уважение к ведущим праведную жизнь — лучше.

109. У того, кто почитателен и всегда уважает старших, возрастает четыре дхаммы: жизнь, красота, счастье, сила.

110. Один день жизни добродетельного и самоуглубленного лучше столетнего существования порочного и распушенного человека.

Так же один урок, внесший свет в сердца учеников, стоит многого.

111. Один день жизни умудренного и самоуглубленного лучше столетнего существования невежественного и распушенного человека.

112. Один день жизни обладающего кипучей энергией лучше столетнего существования ленивого и лишенного энергии человека

113. Один день жизни видевшего начало и конец лучше столетнего существования человека, не видящего начала и конца

114. Один день жизни видевшего бессмертную стезю лучше столетнего существования человека, не видящего бессмертной стези.

115. Один день жизни видевшего высшую дхамму лучше столетнего существования человека, не видящего высшей дхаммы

IX. ГЛАВА О ЗЛЕ

116. Пусть он торопится совершить благое: от зла пусть он удерживает свой ум. Ибо ум того, кто не спешит делать добро, находит удовольствие в зле.

Думаю, это всё равно, что ум ребенка: не наполненный красивыми образами, идеями, примерами, он заполняется другим — противоположным.

117. Если даже человек сделал зло, пусть он не делает его снова и снова. Пусть не строит на нем свои намерения. Накопление зла — горестно.

Так же в воспитании: главное не сама ошибка, а ее неоднократное повторение — вот в чем зло. Поэтому мы терпеливо прощаем ребенка, каждый раз направляя его к добру, лишь бы он не повторял плохое.

118. Если даже человек сделал добро, пусть он делает его снова и снова. Пусть строит на нем свои намерения. Накопление добра — радостно.

Только напоминание ребенку о его ошибке, о недобром поступке не приведет к исправлению. Лучше, наоборот, делать акцент на каждом мало-мальски добром, удачном. Тем самым мы возвращаем это доброе в детей. Наша похвала побуждает ребенка повторять добрые поступки, стремиться к успеху.

119. Даже злой видит счастье, пока зло не созрело. Но когда зло созреет, тогда злой видит зло.

120. Даже благой видит зло, пока благо не созрело. Но когда благо созреет, тогда благой видит благо.

121. Не думай легкомысленно о зле: «Оно не придет ко мне». Ведь и кувшин наполняется от падения капель. Глупый наполняется злом, даже понемногу накапливая его.

122. Не лжмай легкомысленно о добре: «Оно не придет ко мне». Ведь и кувшин наполняется от падения капель. Умный наполняется добром, даже понемногу накапливая его.

Речь идет о терпении, о терпеливом и постоянном делании добра, хотя результат бывает сразу и не заметен. К такому терпению мы призываем детей, такое терпение должны явить сами.

123. Пусть избегает он зла, как купец без спутников, но с большим богатством, — опасной дороги, как желающий жить — изда.

124. Если пвка не панена, можно нести яд в руке. Яд не повредит не имеющему ран. Кто сам не делает зла, не подвержен злу.

Часто родители спрашивают: сможет ли подобное нравственное воспитание защитить их детей от зла, которого много в мире. Ответ дает высшая мудрость. Зло прилипает к злу, добро имеет силу отталкивания. Лишь бы основа добра была прочной. Накопленное добро становится силой человека, его защитным излучением, его истинным сокровищем.

125. К тому, кто обижает безвинного человека, чистого и безупречного человека, именно к такому глупцу возвращается зло, как тончайшая пыль, брошенная против ветра.

126. Одни возвращаются в материнское лоно, делающие зло попадают в преисподнюю, праведники — на небо, лишенные желаний достигают нирваны.

127. Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть, не найдется такого места на земле, где бы живущий избавился от последствий злых дел.

128. Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть, не найдется такого места на земле, где бы живущего не победила смерть.

Х. ГЛАВА О НАКАЗАНИИ

129. Все дрожат перед наказанием, все боятся смерти — поставьте себя на место другого. Нельзя ни убивать, ни понуждать к убийству.

130. Все дрожат перед наказанием, жизнь приятна для всех — поставьте себя на место другого. Нельзя ни убивать, ни пону-
дать к убийству.

Все то же «не убий». Все Высшие говорили об одном и том же.

131. Кто, ища счастья для себя, налагает наказание на суще-
ства, желающие счастья, тот после смерти не получит счастья

132. Кто, ища счастья для себя, не налагает наказания на су-
щества, желающие счастья, тот после смерти получит счастье

*Вопрос о наказании волнует многих. Можно ли, нужно ли наказы-
вать ребенка? Если да, то как наказывать? Всякое физическое гру-
бое наказание, несомненно, должно быть исключено. Есть другие,
более человеческие методы воспитания. Об этом А.И.Герцен писал:
«Не оттого ли люди истязают детей, а иногда и больших, что их
так трудно воспитывать, а сечь так легко? Не мстим ли мы нака-
занием за нашу неспособность?»*

133. Ни с кем не говори грубо: те, с кем ты говорил грубо, от-
ветят тебе тем же. Ведь раздраженная печь — неприятна, и воз-
мезлие может коснуться тебя.

*Правоту этих слов подтверждает жизнь. Если мы грубо гово-
рим с ребенком, то непременно столкнемся с грубостью, исходя-
щей от него. Конечно, мы возмутимся: «Ты почему так грубо гово-
ришь со мной?!» Но от кого ребенок впервые услышал грубое сло-
во, почувствовал эту грубость? Может быть, от нас?*

134. Если ты успокоился, подобно разбитому гонгу, ты достиг
нирваны; в тебе нет раздражения.

135. Как пастух палкой гонит коров на пастбище, так ста-
рость и смерть гонят жизнь живых существ.

136. Совершая злые дела, глупец не понимает этого. Нена-
зумный мучается из-за своих дел подобно спелому огню

*Вот почему необходимо нам самим понять и разъяснить детям,
что злые дела вернутся к нам подобно эху, как и добрые соответ-
ственно. Это закон, который в буддизме называется «карма» —
закон причин и следствий, все то же «что посеешь — то и по-
жнешь».*

137. Кто налагает наказание на безвинных и неиспорченных
тот быстро приходит к одному из десяти состояний.

Имеются в виду отрицательные последствия жестокого обращения с детьми.

138—139—140. Его может постигнуть: острое страдание, повреждение тела и тяжелое мучение или же болезнь, безумие; или парская немилость, или тяжкое обвинение, или потеря родных, или утрата богатств, или же дома его спалит пламенный огонь. Когда разрушается тело, глупый попадает в преисподнюю.

141. Ни хождение нагим, ни спутанные волосы, ни грязь, ни пост, ни лежание на сырой земле, ни пыль и слякоть, ни сиденье на корточках не очистят смертного, не победившего сомнений.

142. Пусть он даже украшен. но если он живет в мире. спокойный. смиренный. воздержанный. ведущий праведную жизнь. отвергающий применение наказания ко всем существам. — он брахман. он отшельник. он бхикшу.

Речь идет о том, что ничто внешнее не заменит отсутствия истинного, внутреннего. Мы порой много уделяем внимания внешнему качеству, например сейчас говорят об этикете в воспитании детей. Но только заложение прочных основ внутренней культуры ведет к воспитанию порядочного человека.

143. Найдется ли в мире какой-либо человек, смиривший себя скромностью, который не нуждался бы в понукании, как хорошо тренированная лошадь — в кнуте?

144. Подобно хорошо тренированной лошади, тронутой кнутом, будьте энергичными и одушевленными. С помощью веры, добродетели и энергии, самоуглубления и изучения дхаммы вы, мудрые, исполненные знания и безупречные в поведении, освободитесь от этого великого зла.

145. Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, плотники подчиняют себе дерево, добродетельные смиряют самих себя.

XI. ГЛАВА О СТАРОСТИ

146. Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит? Покрытые тьмой, почему вы не ищете света?

Действительно! Сколько вокруг легкомыслия, пустых и пошлых развлечений, глупого смеха. Разве мир не горит? Разве всё так хорошо? Разве нас, учителей, это не должно тревожить? Разве мы так уж довольны собой?

147. Взгляни на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, болезненное, исполненное многих мыслей, в которых нет ни определенности, ни постоянства.

148. Изношено это тело, гнездо болезней, бренное; эта гнилостная груда разлагается, ибо жизнь имеет концом — смерть.

149. Что за удовольствие видеть эти голубоватые кости, подобные разбросанным тыквам в осеннюю пору?

150. Из костей сделана эта крепость, плотью и кровью оштукатурена; старость и смерть, обман и лицемерие заложены в ней.

151. Изнашиваются даже разукрашенные царские колесницы также и тело приближается к старости. Но дхамма благих не приближается к старости, ибо добродетельные повчают ей добродетельных.

Наше воспитание, если оно несет истину, добро, не постареет никогда, потому что истина, добро вечны, как вечен человек, идущий к Вершинам Истины. Добродетель — добро детям.

152. Малознающий человек стареет, как вол: у него разрастаются мускулы, знание же у него не растет.

153. Я прошел через сансару многих рождений, ища строителя дома, но не находя его. Рождение вновь и вновь — горестно.

154. О строитель дома, ты видишь! Ты уже не построишь снова дома. Все твои стропила разрушены, конек на крыше уничтожен. Разум на пути к развеиванию достиг уничтожения желаний.

155. Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости богатства, гибнут, как старые папи на пруду, в котором нет рыб.

Чистая, праведная, честная жизнь — истинное богатство человека. Такая жизнь приносит уверенность, душевное спокойствие. Вспомним слова Христа о том, что можно обрести весь мир, а душе своей навредить. В старости мы пожинаем то, что посеяли в молодые годы.

156. Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости богатства, лежат, как сломанные луки, вздыхая о прошлом.

157. Знающий, что свое «я» — приятно, пусть бдительно охраняет себя. Мудрец должен бодрствовать в течение одной из трех страж.

158. Пусть он сначала себя приведет в надлежащее состояние. Потом можно поучать и другого. Мудрый не собьется с пути.

Думаю, что это прямо относится к нам, учителям. О том, что начинать надо с себя, говорили все мудрые педагоги во все века. «Раньше, чем вы начнете воспитывать своих детей, проверьте ваше собственное поведение» (А.С.Макаренко). «Воспитывать — не значит говорить детям хорошие слова, наставлять и назидать их, а прежде всего самому жить по-человечески. Кто хочет исполнить свой долг относительно детей, тот должен начать воспитание с самого себя» (А.Н.Острогорский). «Животных учат кнутом, человека — примером» (индонез. пословица). «Наилучшее воспитание не во внушениях, а в осуществлении в собственной жизни того, что внушаете другому» (Платон).

159. Как он поучает другого, так пусть поступает и сам. Полностью смилив себя, он может смирить и других. Поистине, смирение самого себя — трудно.

160. Ведь свое «я» — господин себе. Кто же еще может быть господином? Полным смирением своего «я» человек находит господина, которого трудно найти.

161. Самим сделано зло, саморожденное, самовозникшее. Оно побеждает глупца, как алмаз — драгоценный камень.

162. Тот, у кого совсем дурной нрав, поступает с собой так, как мог бы пожелать ему враг. Он напоминает малую, обвивающую дерево сал.

163. Плохие и вредные для себя дела — делать легко. То же, что хорошо и полезно. — делать в высшей степени трудно.

Так же трудно, как трудно взбираться на гору, но легко с нее скатиться. Это значит, что мы должны воспитывать в детях любовь к трудностям, силу духа, воли. Дети могут понять, что ценно то, что достигнуто с трудом. Всё высокое в прямом и образном смысле, как и всё прекрасное, достигается трудом и физическим, и духовным. К сожалению, в наше время всё больше стирается значение труда, человеческого усилия. Всё чаще пропагандируется легкое достижение материальных благ и удовольствий. Всё это расслабляет дух, приводит к формированию поколения дряблого, не способного к преодолению трудно-

стей, а значит, и к достижению добра. Труд духовный и физический должен быть одной из основ воспитания настоящего человека.

164. Глупец, который из-за порочного взгляда презирает учение архатов, благородных, живущих согласно дхамме, приносит плоды, как каттхака, лишь уничтожая себя.

165. Ибо сам человек совершает зло и сам оскверняет себя. Не совершает зла он тоже сам и сам очищает себя. Чистота и скверна связаны с самим собой. Одному другого не очистить.

Вечная истина — всё в нас самих!

166. Пусть он не пренебрегает своим собственным благом, как бы ни было велико благо другого. Познав свое благо, пусть он будет привлечен высшему благу.

XIII. ГЛАВА О МИРЕ

167. Не следуй низменной дхамме! Не живи легкомысленно! Не следуй фальшивым взглядам! Не увеличивай существования.

168. Встань! Не будь легкомысленным! Следуй добродетельной дхамме! Соблюдающий дхамму живет счастливо в этом мире и даже в ином.

169. Следуй добродетельной дхамме, но не следуй порочной! Соблюдающий дхамму живет счастливо в этом мире и даже в ином.

170. Кто смотрит на мир, как смотрят на пузырь, как смотрят на мираж, того не видит царь смерти.

Возможно, эти слова смутят кого-то. Как мы можем рассказывать детям о красоте, многообразии, значении окружающего мира, если будем смотреть на него как «на пузырь», как «на мираж». Но никакого противоречия здесь не будет, если мы примем основы этого великого Учения. А одна из основ его, как, собственно, и в христианстве и в других религиях, — это вера в существование другого мира, который не подвержен разрушению временем. Наш же мир временен, и поэтому он, как и красивый разноцветный пузырь, как и мираж, когда-то исчезнет. Он не вечен, потому что все грубо материальное подлежит старению и разрушению, это неизбежно. Мы можем любить этот мир, но не быть скованы в сознании одним лишь существованием, одним этим миром. Кто способен на это, того не ужасает конец существования в этом мире, так называемая «смерть».

171. Идите, смотрите на сей мир, подобный пестрой царской колеснице! Там, где барахтаются глупцы, у мудрого нет прива-
жности.

172. Кто. прежде былuchi легкомысленным. потом стал серьез-
ным. тот освещает этот мир. как луна. освобожденная от облаков.

*Эта строфа вселяет в нас уверенность, что мы можем изме-
нить себя к лучшему.*

173. Кто добрым делом искупает сделанное зло. тот освещает
этот мир. как луна. освобожденная от облаков.

*Значит, злое действие, поступок искупаются только обратным
действием, поступком.*

174. Слеп этот мир. Немногие в нем видят ясно. Подобно пти-
це освобожденной из сети. лишь немногие попадают на небеса.

*Да, это так. Но мы, учителя, обязаны видеть ясно. Иначе, если
слепой ведет слепого, то оба падают в яму.*

175. Лебеди путешествуют тропой солнца; они путешествуют
по небу с помощью иддхи. Мудрые уходят из мира, победив Ма-
ру с его воинством.

176. Нет зла, которое не мог бы совершить человек, говоря-
щий ложь, отказавшийся от иного мира, пренебрегший единой
дхаммой.

177. Истинно. скаредные не попадают в мир богов: глупцы
действительно не восхваляют даяния. Мудрый же. давая. радуется:
ведь благодаря этому он счастлив в другом мире.

Давая детям истину, правду жизни, мы можем радоваться.

178. Плод сотапатти лучше. чем земное единовластье. или
посхождение на небо — чем власть над всем миром.

*Снова вспоминаются слова Христа: «что стоит обрести весь
мир, а душе своей навредить!» Если небо — мир души и этот мир
вечен, то не о нем ли нам стоит заботиться, не его ли стремить-
ся узнать? Но здесь, на земле, мы куем свое небо — на огне мысли,
молотом доброй воли. И летят искры наших добрых дел.*

179. Какой тропой поведете вы этого бестропного, просветленного, владеющего безграничными сферами, у которого победа не превращается в поражение и чья побежденная страсть уже не продолжается в этом мире?

180. Какой тропой поведете вы этого бестропного, просветленного, обладающего безграничными сферами, у которого нет завлекающей в ловушку привязанности, желанья, сбивающего с пути?

181. Даже боги завидуют тем просветленным, исполненным глубоких мыслей, которые наслаждаются спокойствием освобождения, преданы размышлениям, мудры.

182. Трудно стать человеком; трудна жизнь смертных; трудно слушать истинную дхамму: трудно рождение просветленного.

183. Неделание зла. достижение добра. очищение своего ума — вот учение просветленных.

И наша задача в этом, это и наше учение.

184. Выдержка, долготерпение — высший аскетизм, высшая нирвана, — говорят просветленные, — ибо причиняющий вред другим — не отшельник, обижающий другого — не аскет.

185. Неоскорбление. непричинение вреда и воздержность в согласии с Пратимокшей. и умеренность в еде. и величественное существование. и преданность возвышенным мыслям — вот учение просветленных.

Думаю, что если настоящий учитель чему-то предан, так это возвышенным мыслям, идеям, идеалам. Идеал должен быть у каждого из нас, как и идеи жизни, идеи воспитания и образования. Мы не можем предать их, иначе мы изменим самим себе, перестанем, вернее, потеряем право быть учителем.

186. Даже ливень из золотых монет не принесет удовлетворения страстям. Мудр тот, кто знает: страсти болезненны и мало от них радости.

Разве сказки разных народов не рассказывают детям о том же? Разве в народных сказках разных стран мы не найдем подтверждение многому, что прочли в этой книге?

187. Он не находит удовлетворения даже в небесных удовольствиях. Полностью просветленный ученик радуется только уничтожению желаний.

Конечно, без желаний жизнь невозможна. Как можно не желать добра, красоты, истины? Если не желать этого, то никакого добра не будет. Но здесь, несомненно, речь о другом — о более низких, плотских желаниях.

188. Ко всякому прибежищу обращаются люди, мучимые страхом: к горам и к лесам, к деревьям в роще, к гробницам.

189. Но ведь и такое прибежище не безопасно, и такое прибежище не из лучших. Достигший такого прибежища не освобождается от всех горестей.

190. Тот же, кто нашел прибежище в Будде, в Дхамме и в Сангхе, кто владеет подлинным знанием, видит четыре благородные истины.

191. Зло, происхождение зла и преодоление зла, и благородный восьмеричный путь, ведущий к прекращению зла.

192. Вот такое прибежище безопасно. такое прибежище — лучшее. Достигший такого прибежища освобождается от всех горестей.

Часто родители спрашивают: не приведет ли подобное нравственное воспитание к тому, что ребенок не сможет противостоять злу, не сможет адаптироваться к той жизни, которая его сейчас окружает? Вышеприведенные строки убеждают нас в обратном. Вера в добро, в истину, знание истоков истинной силы человека, знание назначения человека, законов, которые неумолимо действуют в жизни, — духовно-энергетических законов, если угодно, — всё это огромная сила, помогающая человеку выстоять, принять верное решение, не создавать плохих последствий для себя.

193. Трудно найти благородного человека: не везде он рождается. Но где рождается такой мудрый, там процветает счастливый род.

194. Благословенно рождение просветленных, благословенно учение истинной дхаммы, благословенно согласие сангхи, благословен аскетизм живущих в согласии.

195—196. Никому невозможно перечислить достоинства («такие, мол, да такие») того, кто почитает достойных почтения (будь то просветленные или ученики), преодолевших препятствия, освободившихся от печали и жалоб, того, кто почитает таких достигших освобождения и не знающих страха.

XV. ГЛАВА О СЧАСТЬЕ

197. О! Мы живем очень счастливо, невраждующие среди враждебных; среди враждебных людей живем мы, невраждующие.

198. О! Мы живем очень счастливо, небольшие среди больших; среди больших людей живем мы, небольшие.

199. О! Мы живем очень счастливо, нетомящиеся среди томящихся; среди томящихся людей живем мы, нетомящиеся.

200. О! Мы живем очень счастливо, хотя у нас ничего нет. Мы будем питаться радостью, как сияющие боги.

201. Победа порождает ненависть; побежденный живет в печали. В счастье живет спокойный, отказавшийся от победы и поражения.

202. Нет огня большего, чем страсть; нет беды большей, чем ненависть; нет несчастья большего, чем скандхи; нет счастья, равного спокойствию.

203. Голод — величайший недуг, санкхары — величайшее зло; для того, кто доподлинно знает об этом, нирвана — величайшее благо.

204. Здоровье — величайшая победа; удовлетворение — величайшее богатство; доверие — лучший из родственников; нирвана — величайшее благо.

205. Вкусив сладость одиночества и сладость успокоения, освобождается от страха и от греха тот, кто вкушает сладость блаженства дхаммы.

206. Приятно смотреть на благополдных: быть в их обществе — благо. Да будет всегда счастлив тот, кто не видит глупцов.

Счастье! Кто не задумывался о том, что это такое, как к нему добраться. На мой взгляд, счастье — это состояние души. Это состояние приходит и уходит. Ничто материальное не способно удержать эту жар-птицу. Но, наверно, есть и могут быть те, кто, абсолютно веря в силу Добра и его вечную победу над злом, веря в Истину и познавая ее, способен на непреходящее счастье.

Пожелаем этого детям.

207. Ибо странствующий в обществе глупцов страдает долгое время. Пребывание с глупцами, как с врагом, всегда приносит

несчастье, а пребывание с мудрыми — счастье, как встреча с родственниками.

208. Поэтому: как луна следует звездным путем, так нужно следовать за мудрым, знающим и многоученым, многоперенесшим, благочестивым, благородным — за таким хорошим и умным человеком.

XVI. ГЛАВА О ПРИЯТНОМ

209. Посвятивший себя свете и не посвятивший себя размышлению, забывший пель, цепляющийся за удовольствие завидует самоуглубленному.

Наверняка внутри все они завидуют. Почему? Да потому, что этот самоуглубленный, а значит, сосредоточенный на истинном, обретает уверенность, спокойствие, бесстрашие, удовлетворение тем, что на сегодня имеет, радуется и видит добро и красоту в окружающем его мире, а всего этого так не хватает тому суетящемуся, забывшему цель!

210. Не привязывайся к приятному и никогда — к неприятному. Не видеть приятное и видеть неприятное — зло.

И зло и добро, и красота и безобразие, и приятное и неприятное окружают нас и ребенка. Как это влияет на нас и ребенка, зависит от того, какими глазами мы на это смотрим, что видим в первую очередь, на чем делаем акцент. Очень важно, чтобы воспитатель сам видел красоту, которая всегда есть вокруг, и помог увидеть ее ребенку.

211. Поэтому не делайте приятного, ибо расставание с приятным — болезненно. Нет вз для тех, в которых нет приятного или неприятного.

Думаю, что мы должны стремиться делать для детей не столько приятное, сколько полезное. Легко купить игрушку, конфетку, сделав тем самым приятное, но не так легко дать ребенку то, что поможет ему стать человеком. Потому, наверно, так немного этих дающих.

212. Из приятного рождается печаль, из приятного рождается страх: в того, кто освободился от приятного, нет печали, откула страх?

Конечно, потому что привязанность к приятному возникает по мере увеличения приятного, а расставание болезненно.

213. Из склонности рождается печаль, из склонности рождается страх; у того, кто освободился от склонности, нет печали, откуда страх?

214. Из привязанности рождается печаль, из привязанности рождается страх; у того, кто освободился от привязанности, нет печали, откуда страх?

Можно владеть многим, но не быть рабом этого, не быть привязанным. Сейчас насаждается средствами массовой информации и во многом политикой государства собственничество, но при этом не говорится о том зле, которое оно приносит. Нам необходимо разъяснить детям и подросткам смысл этих понятий и процессов.

215. Из страсти рождается печаль, из страсти рождается страх; у того, кто освободился от страсти, нет печали, откуда страх?

216. Из желания рождается печаль, из желания рождается страх; у того, кто освободился от желания, нет печали, откуда страх?

217. Исполненного добродетели и проникательности, стойкого в дхамме, говорящего правду, исполняющего свой долг — такого считает народ приятным.

218. Тот, у кого мысль не привязана к увольствиям, в ком доилось желание неизреченного (и пусть он исполнен разума), зовется уддхамсота.

Все то, о чем говорилось выше, так злободневно сегодня, поэтому надо задуматься. Несовершенство сегодняшних дней уйдет, но истина, добрые и вечные основы существования людского рода останутся. Поэтому без сомнений нам, воспитателям нового поколения, нужно следовать тому, что не подвержено изменению и не зависит от той или иной политики. Учитель, воспитатель, наставник должен быть для ребенка спасительным якорем во времена разбушевавшихся стихий, колонной в храме Жизни.

219. Родственники, друзья и доброжелатели радуются, приветствуя человека, долго отсутствовавшего и пришедшего издалека невредимым.

220. Добрые дела встречают добродетельного человека, ушедшего из этого мира в другой, как родственники — своего близкого при его возвращении.

221. Пусть он откажется от гнева, пусть он оставит самолюбие, пусть он превозможет все привязанности. Никакие неприятности не случаются с тем, кто не привязан к имени и форме.

Подобная свобода духа нужна учителю.

222. Кто сдерживает пробудившийся гнев, как сошедшую с пути колесницу, того я называю колесничим; остальные — просто держат вожжи.

223. Да победит он гнев отсутствием гнева, недоброе — добрым; да победит он скупость щедростью, правдой — лжеца.

224. Говори правду, не поддавайся гневу; если тебя просят, — пусть о немногом, — дай. С помощью этих трех условий можно приблизиться к богам.

225. Мудрецы, которые никого не обижают, чья плоть всегда смиренна, идут в неизменяемое место, и, придя туда, они не страдают.

226. У тех, кто постоянно бодрствует, денно и ночью учатся и стремятся к нирване, исчезают желания.

227. Старо это присловье, о Атула, и в ходу оно не только в наше время: «Они порицают сидящего спокойно, они порицают многоречивого, и того, кто говорит в меру, порицают они». Нет ничего в мире, что бы они не порицали.

228. И не было, и не будет, и теперь нет человека, который достоин только порицаний или только похвалы.

Поэтому не будем слишком придавать значение тому, что о нас скажут, как отнесутся к тому, что делаем. Если мы уверены в правоте своих убеждений и своих поступков, то пусть собственная совесть будет нашим судьей.

229. Кто безупречен в поведении, мудр, исполнен знания и добродетели, того, наблюдая его день за днем, восхваляют мудрые.

230. Кто решится порицать того, кто подобен монете, сделанной из золота реки Джамбу? Даже боги восхваляют его; самим Брахмой прославлен он.

231. Остерегайся грехов тела, будь сдержан во всем, что касается тела: избавившись от грехов тела, будь безгрешен телом.

Вспоминаю слова, которые говорили русские иконописцы перед писанием возвышенных и прекрасных произведений: «да умолкнет всяка плоть». И земные плотские страсти умолкали и давали духу возможность свободно творить, вести руку, видеть глазу, чувствовать сердцу.

232. Остерегайся грехов слова, будь сдержан во всем, что касается слова; избавившись от грехов слова, будь безгрешен словом.

233. Остерегайся грехов ума, будь сдержан во всем, что касается ума; избавившись от грехов ума, будь безгрешен умом.

Поступок — слово — мысль — все это неразрывно в человеке, и начинается этот путь творения жизни с мысли. О чем думаем, то и говорим, то и делаем.

234. Мудрые сдержанны телом; они также сдержанны в слове; мудрые сдержанны умом; они поистине во всем сдержанны.

XVIII. ГЛАВА О СКВЕРНЕ

235. Как увядший лист, ты теперь, и посланцы Ямы пришли за тобой. И ты стоишь у порога смерти, и у тебя нет даже запаса на дорогу.

236. Сотвори себе остров, борись энергично, будь мудрым. Очищенный от скверны, безупречный, ты достигнешь небесного царства благоденствия.

237. И вот твоя жизнь подошла к концу. Ты приблизился к Яме, а между тем у тебя нет даже дома, и нет у тебя даже запаса на дорогу.

238. Сотвори себе остров, борись энергично, будь мудрым. Очищенный от скверны, безупречный, ты не придешь больше к рождению и старости.

239. Постепенно, мало-помалу, время от времени, мудрец должен стряхивать с себя грязь, как серебряных дел мастер — с серебра.

240. Как ржавчина, появившаяся на железе, поедает его, хотя она из него и возникла, так и собственные поступки приводят к несчастью того, кто преступил дхону.

241. Писание загрязняется, если его не повторять: дома загрязняются, если за ними не следить; красота загрязняется ленью; легкомыслие у бдительного — грязь.

242. Плохое поведение женщины — грязь; скаредность дающего — грязь; и в этом и в том мире злые дхаммы — грязны.

243. Но грязнее всего грязь невежества. худшая грязь: избавившись от этой грязи. вы. о бхикшув. будете свободными от грязи!

«Грязнее всего грязь невежества, худшая грязь». Уничтожение невежества внесением в детское сознание истинного света, знания — есть главная задача школы. Но не обычные умения и навыки, так же как механическая информация, запикиваемая в головы учеников, помогут победить это главное зло. Именно понимание смысла жизни, своего человеческого назначения будет тем светом, который рассеет потемки души, мрак сердца и сознания.

244. Легко жить тому, кто нахален, как ворона, дерзок, навязчив, безрассуден, испорчен.

245. Но трудно жить тому. кто скромнен. кто всегда ищет чистое. кто беспристрастен. хладнокровен. прозорлив. чья жизнь чиста.

Пусть дети полюбят путь трудный, путь подвига, путь героя. Для этого расскажем им о героях и подвигах всех времен и народов. Пусть дети увидят в этом настоящее человеческое достоинство, красоту, благо.

246—247. Кто разрушает жизнь и произносит ложь, хватается, что не дано ему в этом мире, и ходит к жене другого, человек, который предается пьянству, — подрывает себе корень здесь, в этом мире.

248. Знай это, о человек! Злые дхаммы не имеют границ. И пусть скаредность и отсутствие дхаммы не сделают тебя надолго подвластным злу.

249. Люди дают в согласии со своей верой и столько, сколько они считают нужным. А кто завидует еде и питью, полученным другими, тот ни днем ни ночью не может достичь сосредоточенности.

250. А у кого зависть уничтожена, с корнем вырвана, устранена. тот и днем и ночью может достичь сосредоточенности.

Уничтожению чувства зависти поможет понимание истинных ценностей, того, что есть настоящее, что важнее для человека.

251. Нет огня, подобного страсти, нет спазмы, подобной гневу, нет сеги, подобной обману, нет реки, подобной желанию.

252. Легко увидеть грехи других. свои же. напротив. увидеть трудно. Ибо чужие грехи рассеивают. как шелуху; свои же напротив. скрывают. как искусный швлер несчастливую кость

«В своем глазу и бревна не заметит». Думаю, с самого раннего детства нужно приучать ребенка заглядывать в себя, смотреть на себя — как сам поступаешь, что сам можешь, — и поменьше показывать пальцем на кого-то.

253. У того, кто высматривает чужие грехи и постоянно раздражен, увеличиваются желания; он далек от уничтожения желаний.

254. В небе нет пути; нет отшельника вне нас. Люди находят радость в иллюзиях. татхагаты свободны от иллюзий

Уже говорили, что небо куем сами, здесь, на земле. Ногами и руками строим свой путь. Что здесь создадим, то там и будет. Все тот же строгий закон причин и следствий.

255. В небе нет пути; нет отшельника вне нас. Нет вечной санкхары; у просветленных нет непостоянства.

ХІХ. ГЛАВА О СОБЛЮДАЮЩЕМ ДХАММУ

256. Не тот соблюдает дхамму, кто с поспешностью преследует свою цель. Мудрый же взвешивает и то и другое: правое и не-правое.

257. Он ведет других. не прибегая к насилию. в соответствии с дхаммой. бесстрастно. Охраняющего дхамму. муппого называют «соблюдающим дхамму».

Хочется сказать об этом особо: ненасилие, ненавязчивость — вот что очень важно в воспитании. Иначе дети отвернутся даже от самого лучшего и доброго. Своего рода бесстрастность нужна, спокойный посев нужен. А уж где и как прорастет — это дело самой природы, времени и многих других факторов.

258. Не потому он мудр. что много говорит. Спокойного. свободного от ненависти. не знающего страха называют «мупрым».

Кажется, будет уместным здесь привести слова Достоевского: «Говоря о чести, о правде, действительно ли вы честны и правдивы? Если нет, то вы вашими словами обманете взрослого человека, но не обманете ребенка; не слова ваши будет он слушать, но ваш взор, ваш дух, который обладает вами».

259. Не потому он сведущ в дхамме, что много говорит. Кто не пренебрегает дхаммой, кто — пусть он маловчен — ошущает ее всем своим телом, тот поистине сведущ в дхамме.

Если понимать дхамму как истину, как служение истине, добру, то разве мало тому жизненных примеров: сколько было людей малообразованных, но чистых духом, мудрых, к которым шли за советом. Видно, не только обучением достигаются мудрость и чистота. Ими надо пропитаться с младенчества и много потрудиться, чтобы потом удержат, укоренить их в себе. Воспитание — великая сила. Воспитание — питание всем возвышенным и утонченным, всем прекрасным, высоким, вечным. Без воспитания школа разрушается, теряет свой смысл.

260. Не потому он старший, что его голова села. Он в преклонном возрасте, но называют его «состарившимся напрасно».

Мы должны учить чтить не только старость саму по себе, но мудрость, которую накапливает человек к старости, если, конечно, это происходит.

261. Тот, в ком и истина, и дхамма, ненасилие, самоограничение, смирение, кто безупречен и мудр, того называют «старшим».

Какое мудрое понимание старшинства!

262. Завистливый, жадный, изворотливый человек не становится привлекательным только из-за красноречия или красивого лица.

Детям нужно открыть глаза на истинную красоту, на то, что истинно красиво. Сейчас молодежь привлекают различные внешние красоты, надо помочь детям открыть глаза, увидеть, восхититься истинными ценностями. Иначе мир будет постепенно погружаться в ту майю-иллюзию, о которой говорит данное Учение.

263. Тот, у кого это уничтожено, с корнем вырвано, устранено, кто мудр и отказался от ненависти, того называют «привлекательным».

264. Непослушный и лживый не становится отшельником только благодаря бритой голове. Что это за отшельник, если он скареден и исполнен желаний?!

265. Но кто полностью подчиняет зло, — большое или малое, — того называют «отшельником», ибо он успокоил зло.

266. Не потому он бхикшу, что просит у других милостыню. Бхикшу становятся не иначе, как усвоив всю дхамму.

267. Кто стоит в этом мире выше добра и зла или ведет праведную жизнь, кто живет здесь, обладая знанием, именно такого называют «бхикшу».

268—269. Глупый, невежественный не становится мунни, даже если он соблюдает молчание. Тот же мудрец, который, как бы имея весы, отбирает хорошее и избегает плохого, и есть мунни: поэтому-то он мунни. Кто взвешивает в этом мире и то и другое, тот как раз и называется «мунни».

Наша задача помочь ребенку в будущем обрести эти драгоценные весы. Без способности распознавать, отличать ценное от никчемного, истинное от фальшивого, красивое от безобразного не может состояться человек.

270. Он не благороден, если совершает насилие над живыми существами. Его называют благородным, если он не совершает насилия ни над одним живым существом.

Известно, что на Востоке, в Индии воспитывают ребенка в любви ко всему живому. Также и в православной традиции любовь к ближнему и к братьям своим меньшим всегда была одной из основ воспитания человека. Должно быть воспитано не только бережное отношение друг к другу, к животному миру, но и к растениям.

Пусть дети знают, что всё — живое, так как имеет свою особую, часто протекающую незаметно для наших глаз жизнь. И жизнь эта дана не нами, и не нам ею распоряжаться.

271—272. Только послушанием и ритуалами, или также многученостью, или же достижением самоуглубления, или одиноким ночлегом — я не достигну счастья архатства, недостижимого для простых мирян! О бхикшу! Разве вы были бы довольны, не достигнув уничтожения желаний?

XX. ГЛАВА О ПУТИ

Здесь речь идет о пути самосовершенствования, о духовном совершенстве. Школа — тоже путь. По этому пути восходит душа нового человека. Крайне важно, какое направление даст школа ребенку, его чувствам, мыслям, поступкам. Если в школе появятся учителя, знающие о великом Пути духовного восхождения человека, то начнется преобразование общества и жизни. Жизнь — тоже путь. Одни идут по ней осознанно, имея цель, другие — лишь бы идти. Какой путь лучше — выбирать человеку, но о последствиях он знать должен.

273. Лучший из путей — восьмеричный; лучшая из истин — четыре слова; лучшая из дхамм — уничтожение страстей; лучший из двуногих — тот, кто прозорлив.

274. Вот путь, и нет другого для очищения зрения. Следуйте по нему. Все иное — наваждение Мары.

275. Следуя по нему, вы положите конец страданию. Этот путь был провозглашен мной, когда я узнал, как удалять тернии.

276. Вы сами должны сделать усилие. Татхагаты — единственные учителя. Те, кто следует этим путем и самоуглублен, освободятся от оков Мары.

Очень важно знать, что без нашего усилия ничего не происходит. То есть если мы хотим чего-то достичь, то должны приложить усилие, энергию. К этому нужно подводить учеников. Они должны знать законы, общие для всех. Хорошо, если в школе будет царить дух труда, бодрого и радостного.

277. «Все санкхары прехолящи». Когда мудро смотрят на это, тогда испытывают отвращение к злу. Вот путь к очищению.

278. «Все санкхары горестны». Когда мудро смотрят на это, тогда испытывают отвращение к злу. Вот путь к очищению.

279. «Все дхаммы лишены души». Когда мудро смотрят на это, тогда испытывают отвращение к злу. Вот путь к очищению.

280. Кто не встает, когда время вставать; кто исполнен лени, несмотря на молодость и силу; у кого решимость и мысль подавлены — тот, беспечный и ленивый, не найдет пути к мудрости.

Увы, много таких детей, и в этом школа тоже повинна.

281. Внимательный к слову, вполне смиривший свой ум, пусть он не делает ничего дурного телом, пусть он очистит эти три пути действия, пусть он достигнет тропы, указанной мудрецами.

282. Истинно, из размышления рождается мудрость: из отсутствия размышления — уничтожение мудрости. Зная этот двойной путь к жизни и к уничтожению жизни, пусть он сделает так, чтобы мудрость увеличивалась.

Это очень важно осознать. Не столько прочитанные книги, их количество, сколько постоянное размышление, мысленные усилия развивают сознание. Детей нельзя превратить в пассивные прием-

ники информации. Дети должны учиться мыслить, рассуждать, размышлять. Они могут полюбить это мыслетворчество, если мы им поможем. Дистервег говорил: «Плохой учитель преподносит истину. Хороший учит ее находить». Надо всем нам полюбить мысль, учиться мыслить.

283. Вырубите лес, а не одно дерево. Из леса рождается стра-
х. Вырубив и лес, и чащу, вы, о бхикшу, станете свободными.

Хочется сказать об образности языка Востока. Неспроста на Востоке пользуются образами. Дело в том, что образная речь порождает образы, будит воображение, без чего усвоение скудно, непрочное. Образная речь вынуждает нас расшифровывать образы, а это замечательная тренировка для развития мышления.

284. Пока у мужчины не искоренено желание к женщинам. — пусть даже самое малое. — до тех пор его ум на привязи, подобно теленку, сосущему молоко у матери.

Это правда, похоть застилает ум, замутняет его. О том же говорил Христос.

285. Вырви свое желание, как вырывают рукой осенний лотос. Следуй по пути спокойствия к нирване, указанной Сугатой.

286. «Здесь я буду жить во время дождей, здесь — зимой и летом», — так рассуждает глупец. Он не думает об опасности.

287. Такого человека, помешавшегося на детях и скоте, исполненного желаний, похищает смерть, как наводнение — спящую деревню.

Речь идет о помешавшемся, т.е. о потерявшем чувство меры, а не о том, что не надо любить детей или ухаживать за скотом.

288. Ни дети, ни отец, ни даже родственники не могут быть защитой тому, кого схватила смерть. У родных не найти защиты.

289. Зная эту истину, пусть мудрец, внутренне сдержанный, быстро очистит себе путь, ведущий к нирване.

Великие Учения и великие Учителя всегда были бескомпромиссны: или полностью принимаешь и исполняешь, или же цель становится труднодостижимой. Сильное — сильным. Кто-то находит силы, кто-то — нет. Независимо от этого убежден — подобные книги учителя необходимы. Конечно, трудно всё это вместить и тем более осуществить нам, даже если мы многое принимаем. Но что-то можно. Это «что-то» уже даст много нам и детям.

290. Если отказ от маленького счастья позволяет увидеть большое счастье, пусть мудрый откажется от маленького счастья, размышляя о большом счастье.

291. Тот, кто ищет себе счастье, причиняя страдания другим, запутавшись в тенетах ненависти, не освобождается от ненависти.

292. Ведь что должно быть сделано, откладывается; что не нужно делать, наоборот, делается. У таких беспечных и заносчивых увеличиваются желания.

293. Но те, чей вполне сосредоточенный ум постоянно направлен на тело, не следуют за тем, что не должно быть сделано. Упорно делая то, что должно быть сделано. У таких мудрых и внимательных желания исчезают.

Внимательность — очень нужное качество для обретения самоконтроля, развития восприятия, мышления. Развивать внимательность к внешнему и к внутреннему необходимо в школе, если школа — путь развития человека.

294. Убив мать и отца и двух царей из касты кшатриев, уничтожив царство вместе с его подданными, брахман идет невозмутимо.

295. Убив мать и отца и двух царей из касты брахманов, убив пятым человека-тигра, брахман идет невозмутимо.

Конечно, это символы, которые нужно правильно трактовать (см. с. 96).

296. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. И днем и ночью, все время их мысль устремлена к Будде.

Будда — Учитель, у него была община-школа. Естественно, что в такой школе мысль учеников должна быть постоянно сосредоточена на Учителе. Почитание Учителя вообще характерно для Индии, Востока. Хотелось бы, чтобы и в нашей современной школе началось пробуждение этого почитания в детях. Но прежде мы, учителя, должны заслужить это.

297. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. И днем и ночью, все время их мысль устремлена к дхамме.

То есть к знаниям, к Высшему Знанию.

298. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. И днем и ночью, все время их мысль устрелена к сангхе.

То есть к общине, к своему коллективу-семье. Школа — большая семья, это ведь прекрасно!

299. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. И днем и ночью, все время их мысль направлена на тело.

Здесь — самоконтроль.

300. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. И днем и ночью их ум радуется ненасилию.

301. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. И днем и ночью их ум радуется размышлению.

Полюбить мыслительное творчество, мыслительный процесс должна помочь школа. Убежден: человек будущего — прежде всего мыслитель. Школа будущего — прежде всего школа мысли.

302. Трудно оставить мирской уклад, трудно радоваться; трудна и несчастна жизнь в доме, трудно жить с иными, чем ты. Несчастье преследует странника. Поэтому не будь странником, и пусть несчастье не преследует тебя.

303. Того, кто исполнен веры и добродетели, наделен славой и богатством, в каком бы месте он ни оказался, чтут повсюду.

304. Благие сияют издалека, как Гималайские горы. Злых же и вблизи не видно, как не видно стрел, пущенных ночью.

305. Тот, кто сидит в одиночестве, спит в одиночестве, бродит в одиночестве, тот, кто деятелен и сдерживает себя сам, пусть радуется в лесной чаще.

Сегодня никому из нас не требуется для духовного совершенствования куда-то уходить. Мы должны быть там, где поставила нас жизнь, и там же совершать свой подвиг преобразования себя. Тем самым мы подвигаем к лучшему наших близких, наше окружение, детей, которые видят нас каждый день и следят за нами, беря с нас пример.

Все, что написано ниже, может и должно быть так или иначе преподано нашим ученикам — это мудрость жизни, ее правила и законы. Конечно, мы это скажем по-своему, своими словами, если пропустили это через себя, если верим в это, если поступаем так сами.

Дорогой со-читатель этой Книги! Я не хочу больше занимать твоего внимания своими размышлениями и комментариями. За это время я проникся духом и настрою мудрой Дхаммапады, и дальше мне хочется молча поразмышлять, в одиночку. Если мои мысли вслух как-то помогли тебе найти ключик к тому, что здесь написано, и увидеть живую связь древней мудрости с задачами воспитания и образования нового поколения, со школой, то я счастлив. Спасибо тебе за терпение и доброжелательность, желаю новых открытий в Школе Жизни, где все мы — ученики!

306. Кто говорит ложь, а также тот, кто, сделав, говорит: «Я не делал», — попадают в преисподнюю. Ведь и тот и другой после смерти равны; люди низких деяний равны в том мире.

307. Многие из тех, чьи шеи укутаны в желтое, плохо соблюдают дхамму и невоздержны. Низкие из-за своих низких деяний, они рождаются в преисподней.

308. Лучше проглотить раскаленный железный шар, подогретый огненному пламени, чем нечестивому и невоздержному воспользоваться благотворительностью страны.

309. Беспечный человек, желающий чужую жену, получит четыре вещи: достижение бесчестья, нарушенный покой, в-третьих, осуждение, в-четвертых, преисподнюю.

310. И достижение бесчестья, и плохая судьба у него; и кратковременна любовь испуганного с испуганной; и царь налагает тяжелое наказание. Поэтому пусть человек не ищет связи с чужой женой.

311. Как трава куса, если за нее неумело ухватиться, режет руку, так и отшельническая жизнь, если ее неверно вести, увлекает в преисподнюю.

312. Что-либо сделанное небрежно, поправленный долг, сомнительное благочестье — все это не приносит большого вознаграждения.

313. Если что-либо должно быть сделано, — делай, совершай с твердостью. Ибо расслабленный странник только больше поднимает пыли.

314. Несделанное лучше плохо сделанного; ведь плохо сделанное потом мучит. Но лучше сделанного хорошо сделанное ибо, сделав его, не испытываешь сожаления.

315. Как пограничный город, охраняемый изнутри и снаружи, так охраняй себя. Не упускай же времени, ибо упустившие время предаются печали, обреченные на жизнь в преисподней.

316. Придерживающиеся ложных взглядов, стыдящиеся того, чего не должно стыдиться, и не стыдящиеся того, что постыдно, такие люди идут дурной тропой.

317. Придерживающиеся ложных взглядов, видящие опасность, когда не должно бояться, и не видящие опасности, когда должно бояться, эти люди идут дурной тропой.

318. Придерживающиеся ложных взглядов, различающие зло там, где зла нет, и не видящие зла там, где зло есть, эти люди идут дурной тропой.

319. Придерживающиеся правильных взглядов, знающие, что зло — зло, а незло — незло, эти люди идут хорошей тропой.

XXIII. ГЛАВА О СЛОНЕ

320. Многие люди порочны, и я буду терпеть оскорбления как слон в битве — стрелу, выпущенную из лука.

321. Укрощенного ведут в бой; царь поднимается на укрощенного. Укрощенный, который терпит оскорбления, — лучший из людей.

322. Укрощенные мулы, и благородные синдхские лошади, и большие слоны — благо. Но лучше этого тот, кто смирил себя.

323. Ибо с этими животными не достичь недоступной страны, куда придет человек, смиливший себя самоограничением и упражнением.

324. Слона по имени Дханапалака трудно сдержать, когда у него из висков выделяется едкая жидкость. Связанный, он не ест ни куска: слон грезит о слоновом лесе.

325. Если кто лентяй, обжора и соня, если кто, лежа, вертится, как большой боров, накормленный зерном, — тот, глупый, рождается снова и снова.

326. Этот ум бродил прежде, блуждая, как ему хочется, как ему нравится, как ему угодно. Теперь я его полностью сдержу, как погонщик — взбесившегося слона.

327. Радуйтесь серьезности, охраняйте свой ум! Выбирайтесь с плохого пути, как слон, застрявший в грязи.

328. Если найдешь разумного друга, готового идти вместе, праведно живущего, мудрого, преодолевающего все невзгоды, — иди с ним, радостный и вдумчивый.

329. Если не найдешь разумного друга, готового идти вместе, праведно живущего, мудрого, — иди один, как царь, отказавшийся от завоеванного царства, или как слон в слоновом лесу.

330. Лучше жить одному. Нет дружбы с дураком. Ты, имеющий мало желаний, иди один и не делай зла, как слон в слоновом лесу.

331. Друзья приятны, когда в них возникает потребность. Приятно удовольствие, если оно взаимно. В смертный час приятна добродетель. Отказ от всех зол — приятен.

332. Приятно материнство в этом мире; отцовство также приятно; приятно отшельничество в этом мире; также приятно брахманство.

333. Добродетель приятна вплоть до старости; приятна стойкая вера; приятно достижение мудрости; приятно воздержание от зла.

XXIV. ГЛАВА О ЖЕЛАНИИ

334. Желание беспечно живущего человека растет, как малува. Он мечется из существования в существование, как обезьяна в лесу, ищущая плод.

335. Как плодовая трава бирана, растут печали у того, кого побеждает это несчастное желание — привязанность к миру.

336. Кто в этом мире побеждает это несчастное, трудно победимое желание, у того исчезают печали, как капли воды с листа лотоса.

337. Вот что говорю я вам: «Благо вам, сколько вас здесь ни собралось! Вырывайте корень желания, как вырывают бирану, чтобы найти благовонный корень усиру! И да не сможет победить вас Мара, как поток — тростник».

338. Как дерево, хотя и вырванное, продолжает расти, если корень его не поврежден и крепок, так и страдание рождается снова и снова, если не искоренена склонность к желанию.

339. У кого сильны тридцать шесть потоков, устремленных к удовольствиям, и мысли направлены на страсть, того, отклонившегося от правильных взглядов, уносят потоки.

340. Потоки текут везде. Лата буйно разрастается. Увидев эту расцветшую лату, вырежьте ее корень с помощью мудрости.

341. Бывает, что на человека нахлынут плотские вожделения. Привязанные к удовольствиям, ищущие счастья, такие люди поистине подвержены рождению и старости.

342. Люди, гонимые желанием, бегают вокруг, как бегают перепуганный заяц. Связанные путами и узами, они снова и снова в течение долгого времени возвращаются к страданию.

343. Люди, гонимые желанием, бегают вокруг, как бегают перепуганный заяц. Поэтому бхикшу, если он хочет уничтожить страсть, пусть изгонит желание.

344. Он свободен от желаний, свободен от страстей, предан жизни в лесу — и все-таки бежит в чащу желаний. Смотрите на этого человека: свободный, он бежит в ярмо.

345. Мудрые не говорят: крепки эти путы, сделанные из железа, дерева или из травы бабба. Ведь страстная-страстная привязанность к женщинам, детям или серьгам из драгоценных камней — крепче.

346. Мудрые говорят: крепки эти путы, тянущие вниз, коварные, из которых трудно освободиться. Разрубив их, они странствуют, отказавшись от страсти и удовольствия, без желаний.

347. Возбужденные страстью попадают в поток, как паук в сотканную им самим паутину. Мудрые же, уничтожив поток, отказавшись от всех зол, странствуют без желаний.

348. Пересекая поток существования, откажись от прошлого, откажись от будущего, откажись от того, что между ними. Если ум освобожден, то, что бы ни случилось, ты не придешь снова к рождению и старости.

349. У человека со смущенной мыслью, с сильной страстью, видящего лишь удовольствие, — желание все возрастает: поистине, он делает путы крепкими.

350. Кто находит удовлетворение в спокойной мысли, постоянно размышляет, думает о неприятном, именно тот положит конец желаниям, тот уничтожит пути Мары.

351. Он достиг совершенства, он бесстрашен, и у него нет желаний; безупречный, он уничтожил тернии существования; это его тело — последнее.

352. У него нет желаний, он свободен от привязанностей, искусен в словах и в их объяснении; он знает порядок букв (какие идут прежде и какие потом); его называют великим мудрецом и великим человеком. Это его тело — последнее.

353. Я все победил, я все знаю; при любых дхаммах я не запятнан. Я отказался от всего, с уничтожением желаний я стал свободным. Учась у самого себя, кого назову я учителем?

354. Дар дхаммы превосходит всякий дар; сладость дхаммы превосходит всякую сладость; радость дхаммы превосходит всякую радость; уничтожение желаний побеждает любую печаль.

355. Богатства убивают глупого, а не тех, кто ищет другого берега. Желая богатства, глупый убивает себя, как других.

356. Плевелы портят поля, страсть портит этих людей. Поэтому то, что дано освободившимся от страсти, приносит великий плод.

357. Плевелы портят поля, ненависть портит этих людей. Поэтому то, что дано освободившимся от ненависти, приносит великий плод.

358. Плевелы портят поля, глупость портит этих людей. Поэтому то, что дано освободившимся от глупости, приносит великий плод.

359. Плевелы портят поля, желание портит этих людей. Поэтому то, что дано освободившимся от желания, приносит великий плод.

XXV. ГЛАВА О БХИКШУ

360. Сдержанность зрения — хороша, сдержанность слуха — хороша, сдержанность обоняния — хороша, сдержанность языка — хороша.

361. Сдержанность тела — хороша, сдержанность речи — хороша, сдержанность мысли — хороша, сдержанность во всем — хороша. Бхикшу, сдержанный во всем, освобождается от всех печалей.

362. Кто управляет рукой, управляет ногой, управляет речью, управляет в совершенстве, ибо внутренне радостен, сосредоточен, одинок и удовлетворен, — вот такого называют бхикшу.

363. У бхикшу, который сдержан в слове, мудро рассуждает, не надменен и объясняет значение и дхамму, речь сладка.

364. Бхикшу, который находит удовольствие в дхамме, восхищен дхаммой, размышляет о дхамме, помнит дхамму, — не отпадет от истинной дхаммы.

365. Пусть он не презирает то, что он сам получил; пусть он не завидует другим. Ибо не достигает сосредоточенности бхикшу, завидующий другим.

366. Если бхикшу не презирает то, что он сам получил (пусть даже малое), его, ведущего чистую жизнь и усердного, прославляют боги.

367. У кого совсем нет отождествления себя с именем и формой и кто не печалится, не имея ничего, именно такого называют бхикшу.

368. Пусть бхикшу, живущий в дружбе, верящий в учение Будды, достигнет спокойного места, счастья, прекращения санкхар.

369. О бхикшу! Опорожни этот корабль; опорожненный тобой, он будет легко двигаться. Уничтожив страсть и ненависть, ты достигнешь нирваны.

370. Отсеки пять, откажись от пяти, стань выше пяти! Бхикшу, преодолевший пять привязанностей, называется «пересекающим поток».

371. Размышляй, о бхикшу, и не будь легкомыслен; не давай мысли вращаться в потоках чувственных удовольствий, чтобы тебе, беспечному, не пришлось глотать железный шар и, горя в огне, кричать: «Вот страдание!»

372. Нет размышления у того, кто не знает; нет знания у того, кто не размышляет. У кого же и размышление, и знание, тот действительно близок к нирване.

373. Бхикшу с успокоенным умом, удалившийся в одиночество, испытывает сверхчеловеческое наслаждение: он отчетливо видит дхамму.

374. Всякий раз, когда он во всей полноте познает возникновение и разрушение элементов, он, знающий это бессмертие, достигает радости и счастья.

375. Здесь вот начало для мудрого бхикшу: наблюдение за чувствами, удовлетворение и воздержность в согласии с Прати-мокшей. Следуй за благородным другом, ведущим чистую жизнь и усердным.

376. Пусть он будет благосклонен в жизни и праведен в поведении. Тогда, исполненный радости, он положит конец страданию.

377. Как вассика сбрасывает увядшие цветы, так и вы, о бхикшу, должны освободиться от страсти и ненависти.

378. Бхикшу называют спокойным, если его тело спокойно, речь спокойна, ум спокоен, если он сосредоточен и отказался от мирских благ.

379. Сам себя побуждай, сам себя проверь. Такой бхикшу, следящий за собой, сосредоточенный, будет счастливо жить.

380. Ибо ты сам себе господин, ибо ты сам себе путь. Поэтому му смири себя, как купец хорошую лошадь.

381. Пусть бхикшу, исполненный счастья, верящий в учение Будды, достигнет спокойного места, счастья, прекращения санкхар.

382. Бхикшу, который, хотя он и молод, обращается к учению Будды, освещает этот мир, как луна, освободившаяся от облака.

XXVI. ГЛАВА О БРАХМАНАХ

383. Прекрати поток, иди вперед, гони прочь желания, о брахман! Познавая уничтожение санкхар, ты узнаешь несозданное, о брахман!

384. Когда брахман в двух дхаммах достигает другого берега, тогда с него, знающего, спадают все пути.

385. Я называю брахманом того, для кого не существует ни того берега, ни того берега, ни этого и того вместе, кто бесстрашен и свободен от привязанностей.

386. Я называю брахманом того, кто размышляет, свободен от страстей, спокоен, кто делает свое дело, преодолевает желания, кто достиг высшего блага.

387. Солнце сияет днем, луна светит ночью. Воин сияет в доспехах, брахман сияет при размышлении. Но день и ночь напророчит ярким блеском сияет просветленный.

388. Тот, кто отбросил зло, зовется брахманом; тот, кто живет в покое, — отшельником; отбросивший свою грязь называется «очистившимся».

389. Нельзя ударить брахмана, но и брахман пусть не изливает свой гнев на обидчика. Позор тому, кто ударил брахмана, и еще больший позор излившему гнев на обидчика.

390. Для брахмана нет ничего выше, чем удерживать свой ум от приятного. Где исчезает желание уничтожать, там прекращается страдание.

391. Я называю брахманом того, кто не совершил зла ни телом, ни словом, ни мыслью — кто сдерживает себя в трех вещах.

392. От кого бы мы ни узнали дхамму, указанную совершенно просветленным, с благодарностью нужно почитать его, как брахман — жертвенный огонь.

393. Брахманом становятся не из-за спутанных волос, родословной или рождения. В ком истина и дхамма, тот счастлив и тот брахман.

394. Что за польза тебе в спутанных волосах, о глупец! Что за польза тебе в одежде из шкуры! Ведь внутри тебя — джунгли, ты заботаешься только о внешности.

395. Человека, который носит пыльные одежды, истощенного, с просвечивающими венами, одинокого, размышляющего в лесу, я называю брахманом.

396. Но я не называю человека брахманом только за его рождение или за его мать. У кого есть привязанности, имя тому «говорящий бхо». Я же называю брахманом того, кто свободен от привязанностей и лишен благ.

397. Я называю брахманом того, кто разорвал путы и кто, действительно, не дрожит от страха, кто преодолел привязанности и отрешился от мира.

398. Я называю брахманом того просветленного, который устранил препятствия и разорвал ремень, плетень и цепь с уздой.

399. Я называю брахманом того, кто, не будучи виноватым, сносит упреки, наказания, заточение, у кого терпение — сила, а сила — войско.

400. Я называю брахманом того, кто свободен от гнева, соблюдает свои обязанности, добродетелен и лишен похоти, кто сдержан и для кого это тело — последнее.

401. Я называю брахманом того, кто не льнет к чувственным удовольствиям, подобно воде на листе лотоса или горчичному зерну на острие шила.

402. Я называю брахманом того, кто отрешился от мира и спросил ношу, кто даже в этом мире знает уничтожение своего страдания.

403. Я называю брахманом того, кто достиг высшего блага, кто знает правый путь и ложный путь, мудреца, чьи знания глубоки.

404. Я называю брахманом того, у кого мало желаний, кто не имеет дома и не связан ни с домовладельцами, ни с бездомными.

405. Я называю брахманом того, кто не убивает и не заставляет убивать, кто не поднимает палку на живые существа, трусливые они или храбрые.

406. Я называю брахманом того, кто среди взволнованных остается невзволнованным, среди подымающих палку — спокойным, среди привязанных к миру — свободным от привязанностей.

407. Я называю брахманом того, с кого страсть, и ненависть, и гордыня, и лицемерие спадают столь же легко, как горчичное зерно с острия шила.

408. Я называю брахманом того, кто говорит правдивую речь, поучительную, без резкостей, никого не обижающую.

409. Я называю брахманом того, кто здесь, в этом мире, не берет того, что не дано, будь оно длинным или коротким, малым или большим, добрым или злым.

410. Я называю брахманом того, у кого ни в этом мире, ни в том нет желаний, кто отрешен и не имеет склонностей.

411. Я называю брахманом того, у кого нет желаний, кто с помощью знания освободился от сомнений и достиг погружения в бессмертие.

412. Я называю брахманом того, кто здесь избежал привязанности и к доброму, и к злему, кто беспечален, бесстрастен и чист.

413. Я называю брахманом того, кто, как луна, без пятен, чист, безмятежен, невзволнован, у кого угасла радость существования.

414. Я называю брахманом того, кто преодолел эту грязную, трудную дорогу, сансару, обман, кто переплыл и достиг другого берега, кто вдумчив, свободен от желаний и лишен сомнений, не имеет привязанностей и спокоен.

415. Я называю брахманом того, кто здесь, отказавшись от страсти, бездомный, бродит вокруг, в ком угасло желание существовать.

416. Я называю брахманом того, кто здесь, отказавшись от желания, бездомный, бродит вокруг, в ком угасло желание существовать.

417. Я называю брахманом того, кто, оставив привязанность к человеческому, преодолел и небесные привязанности, кто оторвался от всех привязанностей.

418. Я называю брахманом мужа, победившего все миры, того, кто отказался от приятного и неприятного, кто хладнокровен и отсекает себе путь к новому рождению.

419. Я называю брахманом того, кто знает все о смерти и рождении живых существ, кто свободен от привязанностей и просветлен, кто сугата.

420. Я называю брахманом того, чью стезю не знают ни боги, ни гандхарвы, ни люди: архата, у которого исчезли желания.

421. Я называю брахманом того, кто свободен от привязанностей и ничего не имеет, для кого ничего нет ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем.

422. Я называю брахманом того, кто мощен, как бык, благороден, мужествен, победоносен, обладает великой мудростью, свободен от желаний, совершенен и просветлен.

423. Я называю брахманом того, кто знает свое прежнее существование и видит небо и преисподнюю; кто, будучи мудрецом, исполненным совершенного знания, достиг уничтожения рождений; кто совершил все, что возможно совершить.

КОММЕНТАРИИ

I. Глава парных строф.

9—10. *Желтая одежда* — желтый цвет символизирует отказ от мирской жизни.

11—12. Эти слова были сказаны Буддой в небольшой деревушке около Раджгрихи, где жили брахманы, изложившие ему основы своей веры.

13—14. Услышав слова, сказанные Буддой, брахманы решили стать его последователями и отправились в обитель (вихару). Однако в пути мысль о женах и близких, покинутых ими, причиняла брахманам мучение. Начавшаяся гроза заставила их укрыться в домах. В одном из домов была ветхая крыша, пропускавшая влагу. Имея это в виду и зная настроение брахманов, Будда обратился к ним со словами, содержащимися в этих двух строфах.

II. Глава о серьезности.

30. *Магхаван* — Сакка, Шакра, Санскрит или Индра, тот, кто управляет миром богов.

31. *Бхикшу* — буддийский монах.

Узы — речь идет об узах, привязывающих человека к колесу новых рождений: самообман, сомнения, вера в низкие истины, чувственные желания, ненависть, привязанность к миру форм, привязанность к миру без форм, самооправдание, невежество.

32. Самый авторитетный комментатор тхеравады Буддхагхоша (V в.н.э.) указывает, что достигший такого состояния не может уклониться с четырех путей: «Если он достиг их, он не может потерять их; если он их еще не достиг, он непременно достигнет их».

III. Глава о мысли.

42—43. «*Ложно направленная мысль*», «*истинно направленная мысль*» — имеются в виду мысли, направленные к десяти грехам (убийство, ложь, воровство, прелюбодеяние, алкоголь и наркотики, болтовня и т.д.) или к десяти добродетелям (благородство, почтительность, серьезность, размышления и др.).

IV. Глава о цветах.

46. «*Украшенные цветами стрелы*» — это стрелы Мары. Стрела, пронзающая сердце, порождает страсть.

54. *Тагара* — кустарник, из которого изготавливается ароматная пудра.

55. *Вассика* — род жасмина с крупными цветами.

V. Глава о глупцах.

60. *Йоджана* — мера длины, равна 16 км.

62. Слова Будды относятся к эпизоду с восьмидесятилетним старцем-брахманом, воздвигнувшим себе большой дом и вскоре умершим.

VI. Глава о мудрых.

80. Человек, много путешествовавший и изучивший многие профессии, узнав, что Будда может управлять своим телом, попросил Будду объяснить, что это значит. Далее следует ответ Будды.

87—88. *Скверна* — пять зол: страсть, гнев, невежество, высокомерие, гордыня.

VII. Глава об архатах.

Архат — тот, в ком угасли желания, кто освободился от привязанностей и достиг высшей свободы.

91. Образ лебедей символизирует стремление вырваться из суесть повседневной жизни к свободе.

94. «...Как кони, обузданные возницей». — Сумевший обуздать свои мысли (возница) выше богов.

95. *Столп Индры* — символ устойчивого восхождения, *земля* — терпеливости и стойкости, *пруд* — чистоты и искренности.

96. *Триада* — мысль, слово, деяние.

97. «Человек, который не верует». — Согласно учению Будды, человек должен познать все на основании собственного опыта, не полагаясь слепо на авторитеты.

VIII. Глава о тысяче.

Один из последователей Будды был не в состоянии выучить наизусть хотя бы один стих, содержащий поучения. Все смеялись над ним, упрекая его в невежестве и неспособности. И только Будда пожалел его; отозвав его в сторону, он прочитал ему стих и объяснил его значение. С тех пор этот ученик помнил стих, прочитанный ему Буддой, и, главное, усвоил суть учения. Однажды в присутствии царя Будда назвал этого человека достигшим просветления. Увидев, что царь недоумевает, как мог столь неспособный человек достичь такого состояния, Будда объяснил ему это (см. стихи из «Главы о тысяче»).

105. В строфе утверждается мысль о том, что в конечном счете все зависит от самого человека и никакие сверхъестественные силы не в состоянии помешать ему, если он победил самого себя. Усилия человека, а не благодать, являются причиной просветления.

Брахма — высший бог, создатель вселенной.

Гандхарва — полубоги, небесные музыканты-певцы.

113. «Видевшего начало и конец» — т.е. рождение и смерть, становление и разрушение.

IX. Глава о зле.

126. «Возвращаются в материнское ложе» — т.е. подвержены новым рождениям.

XI. Глава о старости.

Эти строфы были произнесены Буддой по адресу семи брахманов, которые весело болтали и смеялись, получив место для житья.

153—154. Слова, содержащиеся в этих двух строфах, были сказаны Буддой в момент, когда он достиг просветления.

Строитель дома — желания.

Дом — тело.

Стропила — страсти.

Конек — невежество, незнание.

155. *Богатство* — речь идет о духовных приобретениях, а не о материальных благах.

XII. Глава о своем «я» (атман).

157. *«В течение одной из трех страж»* — три периода жизни.

162. *Малува* — вьющееся растение, паразитирующее на дереве саль и нередко приводящее его к гибели.

163. Когда Девадатта, двоюродный брат Будды, сначала его последователь, а потом противник, задумал вызвать раскол в буддийской общине, Будда сказал ему примерно следующее: добро легко сделать тому, кто добр, но трудно тому, кто плох; зло легко сделать тому, кто плох, но трудно тому, кто праведен.

164. *Каттхака* — род тростника, погибающего после плодоношения.

XIII. Глава о мире.

168—169. Однажды во время своих странствий Будда посетил свой родной город Капилавасту, в котором жили его отец Суддходана и его семья. На утро следующего дня Будда в сопровождении учеников отправился собирать милостыню (пищу). Когда Суддходане сообщили об этом, отцу стало стыдно, и он спросил у сына: «Зачем ты позоришь нас?» В ответ на это Будда изложил ему основы своего учения. Эти две строфы связываются именно с ответом Будды.

170. Видение из нирваны. «Смотри на этот мир, как на пустой!.. Царь смерти не увидит того, кто так смотрит на мир» (Сутта-нипата. 11, 18). «...Все факты нереальны, они — мираж; единственная правда — нирвана» (Маджджхима-никая, III, 140). Миражами являются и Мара, и Яма, и любые боги.

175. *Иддхи* — необычные способности, заложенные в человеке, демонстрация которых воспринимается как чудо. Будда отрицательно относится к практике демонстрации таких способностей: «Так как я вижу опасность в практике этих мистических чудес, они претят мне и вызывают отвращение; я стыжусь их».

176. *«...Единой дхаммой»* — т.е. единой истиной.

178. *Соттапатти* — вхождение в поток просветления, первый шаг на пути к нирване (всего таких шагов четыре).

XV. Глава о счастье.

202. *«Нет несчастья, равного телу»* — т.е. скандхам.

203. *Голод* — т.е. жажда, желания.

XVI. Глава о приятном.

212. С этими словами обратился Будда к четырем недавно обращенным бхикшу, которые, усевшись под цветущим деревом с целью предаваться благочестивым размышлениям, незаметно перешли к беседе о чувственных удовольствиях, о самом приятном.

218. *Уддхамсота* — плывущий против течения сансары, т.е. преодолевающий вожеления, привязанности, заблуждения.

XVII. Глава о гневе.

221. «*Кто не привязан к имени и форме*» — т.е. тот, кто не разделяет бытие на содержание и форму, на духовное и физическое начала.

227. *Атула* — имя ученика Будды; к нему обращен этот стих.

XVIII. Глава о скверне.

240. *Дхона* — желтая одежда монаха, *преступить дхону* — нарушить правила Винаи.

251. *Спазма* — хватать все, что попадает в поле скандх.

XIX. Глава о соблюдающем дхамму.

Следующие строфы содержат ответ Будды на вопросы пришедшего к нему старого брахмана о том, что такое истинная праведность, истинный бхикшу, истинный просветленный; кто может называться благородным и сведущим.

XX. Глава о пути.

285. *Сугата* — одно из имен Будды, один из его эпитетов.

XXI. Глава о разном.

294–295. Эти строфы представляют собой развернутую аллегорию: *мать* — желания, страсть; *отец* — гордыня; *два царя* — две ложные системы взглядов; *царство с подданными* — чувственные удовольствия; *человек-тигр* — человек-эгоист.

302. Однажды семеро бхикшу удалились в уединенное место, чтобы достичь высшей мудрости. После двенадцати лет бесплодных усилий, увидев, как трудно достичь мудрости, и вспомнив все прелести домашней жизни, они решили вернуться домой. На пути к дому они встретили Будду, который обратился к ним со словами, содержащимися в этой строфе.

303. «*...Кто исполнен веры*» — имеется в виду вера, основанная на знании, а не слепое доверие к учению Будды.

305. «*...Пусть радуется в лесной чаще*» — пусть радуется уничтожению желаний.

XXII. Глава о преисподней.

Преисподняя (нирая) — состояние сознания, дно кармического бытия.

307–308. «*...Воспользоваться благотворительностью страны*» — речь идет о милостыне, даваемой в порядке выполнения религиозного долга каждому бхикшу.

XXIII. Глава о слоне.

Слон является символом терпения, сдержанности, самообладания. Будда спустился в чрево земной женщины в образе слона, поэтому его называют «великим слоном».

324. «*Когда у него из висков выделяется едкая жидкость*» — это случается в период течки.

XIV. Глава о желании.

Желание (*танха*, пали; *тришна*, санскрит) порождает привязанность к чувственным удовольствиям, к настоящей и будущей жизни, поэтому именно танха является причиной всех страданий. Поскольку каждое из шести чувств может вызвать танху, она называется шестикратной.

Ее проявления в трех сферах бытия делают танху восемнадцатикратной. При делении на внешнюю и внутреннюю она становится тридцатишестикратной, а будучи приложена к настоящему, прошедшему и будущему, превращается в 108 различных родов желания, жажды, порождающих дуккху.

335. *Бирана* — ароматическая трава.

337. *Усира* — душистый корень бираны.

339. *Тридцать шесть потоков* — тридцатишестикратная танха.

340. *Лата* — вьющееся растение, символ желаний, проникших в человека через органы чувств и буйно разрастающихся в нем.

345. *Бабба* — род грубой травы, употреблявшейся для изготовления домашней обуви.

347. Буддхагхоша пишет: «Как паук, соткав паутину, сидит в середине ее и, убив внезапным наскоком бабочку или муху, попавшихся в паутину, пьет их кровь, возвращается и снова сидит на том же месте; таким же образом существа, отдавшие страстям, развращенные ненавистью и обезумевшие от гнева, увлекаются потоком желаний, которые они сами создали, но не могут пересечь его».

348. Слова Будды, обращенные к канатному плясуну Утгасене, принятому в сангху.

353. Ответ Будды странствующему аскету Упаке на вопрос последнего об учителе Будды.

XXV. Глава о бхикшу.

369. Корабль, наполненный водой, обозначает человека, обремененного желаниями.

XXVI. Глава о брахманах.

396. «...Говорящий бхо». — Обращаясь к Будде, ортодоксальные брахманы употребляли уничижительное междометие «бхо». В этой строфе Будда осуждает за это брахманов.

Когда-то русский народ, не умея читать и писать, воспитывал подрастающее поколение на примерах эпических героев и богатырей, т.е. на былинах, песнях, сказаниях. Почему? Да потому, что народ знал — главное дух, душевное начало в человеке. Герои были и обладали твердым характером, сильным духом, они были нравственны. Конечно, обычному человеку невозможно было повторить подвиг богатыря, но ребенок видел конкретный образ, к которому он мог стремиться. Подобные образы увлекали детей, формировали их духовный облик, воспитывали в народе силу духа, стойкость, веру. Разве мы можем сегодня отрицать, что всё это сыграло в истории России большую, а может быть, даже решающую роль, когда неоднократно русский народ побеждал более сильного врага, отстаивал свою землю и независимость? И делал он это благодаря своей вере в правду, в добро, в свет, благодаря силе духа прежде всего.

Так всегда высокие образы вели народ и были началом воспитания молодежи. Так было не только в России. В Индии с древних времен дети воспитываются на примерах героев своего национального эпоса. Эти великие образы восхищают детей, любимы ими, побуждают к подражанию. Так, до сегодняшних дней любимыми героями индийского народа являются персонажи древнего эпоса «Махабхараты», «Рамаяны» и др. Один из таких героев — Будда, который в своих прежних рождениях на земле (как это говорится в буддийских текстах) был Бодхисаттвой — мудрым, сострадающим ко всему живому, бесстрашным и мужественным. Увлекательные и несущие большое воспитательное значение подвиги Бодхисаттвы изложены в книге, которую мы вместе, дорогой со-читатель, начинаем смотреть и слушать. Пусть нас не смутят национальные особенности этой книги, главное — мы увидим суть и красоту высшего человеческого проявления, которое называется ПОДВИГ. Не важно, где и кем этот подвиг совершался, он всегда остается общечеловеческой ценностью, сокровищем духа человеческого.

В.А.

Ом! Поклонение всем возвышенным буддам и бодхисаттвам!

1. Дивные и благодатные своим содержанием возвышенных качеств, восхваленья достойные, неповторимые, влекущие душу — чудесные подвиги, свершенные мудрым муні² в его прежних рождениях, — смиренно почту я поэмы своей горстью цветов!

2. Эти славные подвиги путеводными стали столбами: ими означен тот путь благой, что ведет к состоянию будды. Да снизойдет же благодать и на жестокие сердца, и да будут сказанья святого закона еще более пленительны.

3. На благо людей! — с этой мыслью я приложу все усилия к тому, чтоб заставить свое вдохновение достигнуть благосклонности слуха путем беспорочным, согласным со священным писаньем, а также с преданьем, изображая величие подвигов высочайшего в мире.

4. Того, кто жизнью своей на благо других достиг добродетели столь дивного блеска, недоступного для тех, кто стремится к личному благу; того, блеск славы которого в неложных слогах его именованья Всеведущий передан, того несравненного, совместно с законом святым и общиной, почту я склоненьем главы.

1. ДЖАТАКА О ТИГРИЦЕ

«Наш Владыка еще в прежних рожденьях всей своей сущностью был исполнен безграничной и бескорыстной любви ко всему живому; он жил душою в каждом существе. Поэтому мы должны быть проникнуты величайшею верою во владыку Будду. Вот как повествуется о следующем подвиге, совершенном владыкой в его прежнем рожденье, подвиге, восхваляемом моим учителем, почитателем трех сокровищ¹, достигшим всеобщего высокого уважения своим глубоким изучением добродетели и любви своего учителя — своей высокодобродетельной жизнью.

Владыка наш, будучи еще бодхисаттвой, в соответствии со своим высочайшим обетом, осыпал мир излияниями своего сострадания: дарами, добрыми словами, помощью и другими безупречными деяниями, проявлениями своей проникновенной мудрости. Он принял рождение в великом, высоковыдающемся брахманском роде, отличавшемся чистотою жизни вследствие преданности своим религиозным обязанностям. Очищенный надлежащим образом джатакарманом² и другими священными обрядами, он вырос и, благодаря природной живости ума, превосходной помощи в занятиях³, своему высокому рвению к знанию и усердию, очень быстро достиг степени учителя в восемнадцати областях знания⁴ и во всех искусствах, которые соответствовали традициям его благородного рода.

5. Был чтим он брахманами как само священное писанье, а кшатриями — словно царь их⁵; для народа был он словно бог тысячеглазый⁶, для тех, кто к знанию стремился, — благодетелем-отцом.

Благодаря своей чрезвычайно счастливой судьбе он достиг поразительной славы, почестей и богатства. Но Бодхисаттва, ум

которого был погружен в изучение святого закона, познавший отречение от мира, не наслаждался этими благами.

6. Разум его был прежней жизнью просветлен, он видел в наслаждениях земных источник многих зол и потому, покинув домохозяина ашраму⁷, словно она была болезнь, своим присутствием возвышенность лесистую украсил.

7. И там своею отрешенностью, спокойствием души, столь просветленной мудростью глубокой, он словно наставлял народ, который из привязанности к злым делам утратил добродетели спокойствие.

8. Спокойствие, проникнутое дружеской приязнью ко всему живому, казалось, изливалось из него и находило доступ в сердца зверей лесных; словно отшельники-аскеты, там жили звери хищные, забыв взаимную вражду.

9. Своею жизнью добродетельной и чистотою чувств⁸, удовлетворенностью и состраданием достиг того он, что даже незнакомым людям, живущим в мире, дорог стал, равно как и весь мир был дорог для него.

10. От скромности его желаний зависть была неведома ему: он был свободен от стремлений к наслаждению, выгоде и славе, сердца самих богов склонил он к поклонению и вере.

11. Услышав, что он сделался отшельником-монахом, люди, сердца которых привлекли к нему его высокие достоинства, оставив семьи и родных, к нему стекались и, как спасенья, добивались счастья сделаться его учениками.

12. По мере сил своих учил учеников он поведению доброму и целомудрию, обузданию чувств своих; сосредоточению внимания, удалению от мира, а также углубленным размышлениям о дружелюбии и прочем⁹.

Однажды, когда большинство его учеников, число которых очень возросло, было наставлено им на прекрасную стезю спасения и достигло уже совершенства; когда народ был направлен им на благой путь отречения от мира; когда врата погибели были как бы закрыты и, напротив, путь к блаженству словно превратился в широкую царскую дорогу, Великосущный гулял в сопровождении Аджиты, своего тогдашнего ученика, среди поросших кустарником горных пещер, столь располагающих к созерцанию, желая насладиться существующим порядком вещей.

13. И увидел он в пещере горной тигрицу молодую, которая пришла в изнеможение полное от мук родильных и двигаться была не в силах.

14. От голода ее глаза ввалились, бока запали у нее глубоко; и даже на своих столь маленьких детенышей она смотрела как на пищу.

15. И с жаждой молока ее сосцов к ней приближались дети доверчиво, без страха, как к матери, — она же, как врагам, грозила им раскатами ужаснейшего рева.

16. Бодхисаттва, увидав ее, как ни был тверд он духом, от сострадания в великой скорби задрожал, как от землетрясения дрожит царь гор¹⁰.

17. Какое это чудо, что милосердные душой, способные твердость полную хранить в страданиях великих личных, — дрожат при виде самых незначительных страданий ближних!

И Бодхисаттва, в волнение повторяя слова, тут обратился к своему ученику с такою речью, проникнутой великим состраданием и проявившей чудесное величие его природы:

«Милый! Милый!

18. Смотри, как лишена достоинств всех сансара¹¹ Животное ведь это от голода готово съесть и собственных детей, закон любви тем преступая!

19. Увы! О сколь ужасна себялюбия жестокость, из-за которой даже мать своих детей пожрать готова?

20. Да как же можно воспитать врага такого, как себялюбие, если из-за него мы можем сделать шаг к подлым действиям?

Пойди ж скорей и поищи где-нибудь что-либо, чем утолить ей муки голода прежде, чем она успеет погубить своих детей и самое себя. Я в это время постараюсь удержать ее от безумного поступка». И тотчас же тот ученик послушно отправился на поиски пищи. А Бодхисаттва, под этим предлогом отослав ученика, так стал размышлять:

21. «Зачем искать мне мяса у кого-нибудь другого, если мое все тело пригодно для этой цели? Удастся ли ему добыть что-либо, от случая зависит, а я возможность потерю долг исполнить свой.

К тому же:

22. Ведь бренно, тленно и бессильно наше тело; оно является источником страданий, оно неблагодарно и всегда нечисто. И кто не рад его употребить на благо ближних, тот недостоин называться мудрым.

23. Мы можем мимо проходить и не заметить ближнего страданий, либо когда привязаны мы слишком к наслаждениям личным, либо когда нет сил помочь. Но не могу я счастлив быть, когда страдает ближний; и если у меня возможность есть помочь, зачем стою я равнодушно?

24. Когда бы равнодушным я остался к горю даже злодея, погруженного в страдания, меж тем как у меня была б возможность облегчить их, то по свершении такого злодеянья огнем великим бы горело мое сердце, как сухой кустарник!

25. И потому падением с утеса лишу я жизни свое ничтожнейшее тело; и тем от пожирания детей тигрицу я избавлю, а детей — от матери голодной. И более того:

26. Примером будет тот для всех, кто жаждет благи мира, и поощрением пламенным для слабосильных; радостью для тех, кто сам способен на великие жертвы; для благородных сердцем же — призывом увлекательным.

27. Это вызовет уныние огромных полчищ Мары¹² и радость светлую у тех, кто добродетель Будды любит; то будет посрамлением всех, погрязнувших в делах своекорыстных, себе несущих гибель себялюбием и вождельем.

28. Поднимет это веру приверженцев лучшей колесницы¹³ и в изумление повергнет тех, кто глумится над самоотверженностью; расчистит путь широкий к небу на радость тем, кто сам стремится к самоотречению.

29. «Когда же я смогу принести добро какое-либо ближним и телом собственным моим?» — таково страстное мое желанье было; и вот теперь столь близко осуществление его и достижение совершенной мудрости.

К тому же:

30. Если истинно то, что решение мое проистекает не из самолюбия, не из желанья славы, не из стремления достигнуть неба или земного царства и не из жажды вечного блаженства для себя, а только из стремленья к благу ближних¹⁴,

31. То пусть чрез это у меня не иссякает сила в одно и то же время уничтожать страдания мира и счастье дать ему, подобно солнцу, что рассеивает тьму и миру свет дарует!

32. Войду в преданья я, и обо мне рассказывать повсюду будут, когда увидят добродетели мои; творить я вечно буду благо миру и к счастью вести его».

33. Решив так, он радости исполнился, что и кончиною своей он может ближним благо принести, и, тело бросив вниз, привел тем в изумленье даже спокойные сердца богов.

Шум от падения тела Бодхисаттвы возбудил любопытство и гнев тигрицы, и она, перестав думать об умерщвлении своих детей, стала озиаться по сторонам. Увидев бездыханное тело Бодхисаттвы, она быстро подскочила к нему и стала его пожирать.

Когда же ученик его, так и вернувшийся без мяса, не видя своего учителя, стал озиаться кругом, он увидел бездыханное тело Бодхисаттвы, которое пожирала молодая тигрица. И хотя он был поражен великой горестью и скорбью, однако удивление перед величиим необычайного подвига оттеснило эти чувства и выразилось в следующих прекрасных словах, которые как бы сами излились из его души, проникнутой преклонением перед добродетелями учителя:

34. «О сострадание великое к погрязшему в пороках миру! Сколь поразительно Великосущного пренебрежение к благу своему! О твердость добродетельных, достигшая в нем высочайшей степени, разрушившая славу громкую его врагов!

35. Как мягок от природы он и в то же время стоек, как любовь, страха лишенная, которой вся основа — добродетель! О сколь высокого почтения достойно его тело, и до того великое своими добродетелями!

36. Как мягок от природы он и в то же время стоек, как земля! Не мог спокойно видеть он страданий ближних! Увы, как ясно видна в этом совершенном блеске его душевной силы моя грубость.

37. Отныне мир оплакивать не должен нашедший в покровителе таком опору твердую. Теперь Манматха¹⁵, верно, вздохи испускает, обеспокоенный боязнью поражения своего!

Да преклонимся мы перед этим Великоблаженным, защитником всего живого, исполненным всеобъемлющего сострадания, несравненным, ставшим бодхисаттвой ради живых существ». Потом он поведал о случившемся своим соученикам.

38. Тогда его ученики, лица которых просияли изумлением пред подвигом его, а также и гандхарвы¹⁶, якши¹⁷, наги¹⁸ и цари богов покрыли землю, на которой кости драгоценные его покоились, венками, украшениями, одеждами, дождем из порошка сандала...

Таким образом, еще в прежних своих рождениях Владыка наш всей своей сущностью был исполнен безграничной и бескорыстной любви ко всему живому; он жил душой в каждом существе. Поэтому мы должны быть проникнуты великой верой во владыку Будду. [И родившаяся в нас вера во владыку Будду должна в нас пробудить величайшую радость; ибо таким образом мы как должно исправляем свою веру, — с этими словами должно нам предлагать этот рассказ. Точно так же следует с благоговением слушать святой закон, так как он достался нам лишь благодаря свершению сотен трудных подвигов. Также и в проповеди о сострадании должно сказать: «Сострадание, побуждающее нас к деяниям на благо ближних, способно проявить дивное величие нравственной сущности».]

Тема сострадания проходит через эпос и народное творчество многих народов. В той или иной форме, в тех или иных образах эта тема встречается в русских народных сказках, былинах, жизнеописаниях великих святых и подвижников. Сострадание не только к человеку, но и к миру природы, к животным можно найти во многих произведениях народного творчества. Так, Иван-царевич из сострадания не убивает медведицу, щуку, птицу, которые потом служат ему верой и правдой. Из великого сострадания преподоб-

ный Сергей Радонежский отдает последний кусок хлеба голодному медведю, который затем также становится ему другом и помощником. И таких примеров много. Подобные высоконравственные поступки, воплощенные в яркие образы, хорошо запоминаются и благотворно воздействуют на детей.

II. ДЖАТАКА О ЦАРЕ ШИБИ

Этот благой закон приобретен для нас Владыкой ценою сотен тяжких подвигов, поэтому должно с благоговением слушать его. Вот как об этом назидательно повествуется: некогда наш Владыка, бывший еще Бодхисаттвой, благодаря накопленному и усвоенному им в своей деятельности, длившейся в течение неизмеримо долгого времени, множеству заслуг, был царем племени Шибби. Его всегдашнее глубокое почтение к старшим, которое он проявил с самой юности, и высокая благовоспитанность привлекли к нему любовь народа; его ум, благодаря своей природной силе, был обогащен изучением многих наук; он был исполнен энергии, благоразумия и силы, и счастье во всем сопутствовало ему. Своим народом он правил, как родными детьми.

1. Потоки добродетелей, что соответствуют триаде¹, казалось, обитали в нем в соединении радостном и не теряли своего великолепия, хоть их различия могли бы к столкновениям привести.

2. И счастье, которое является насмешкою для тех, кто высоты достиг путем бесчестным, злым бедствием для глупых и опьяняющим напитком для душевно слабых, поистине там было тем, что этим именем обозначать нам должно.

3. Душою благородной одаренный, сострадания полный и весьма богатый, сей лучший из царей с великим наслаждением взирал на лица нищих, что яркой радостью сияли, когда он их желанья исполнял.

И вот этот царь по своей щедрости повелел устроить всюду в городе дома бесплатной раздачи всего необходимого: зерна, всякого добра и разнообразной утвари. И, пролив, подобно облаку Критаюги², достоинством своим высоким дождь даров, желанья каждого исполнил, чего бы кто ни захотел, с поспешностью дары сопровождая ласковыми словами. Нуждающимся в пище он предоставлял пищу, жаждущим он предлагал питье, иным давал постели, сиденья, платья, лакомства и благовония, венки, серебро, золото, — каждому давал то, в чем тот чувствовал нужду. И когда молва о дивной щедрости царя распространилась повсюду, то люди, жившие в самых различных отдаленных концах земли, с великим изумлением и радостью в сердцах устремились в эту страну.

4. Духовным взором обойдя весь мир, ни в ком не встретивши к себе расположения³, бедняки, сияя ра-

достью, к нему стремились, словно слоны лесные — к озеру большому.

Исполненные радости, в надежде на щедрое даяние, отовсюду нищие стекаться стали, и хоть они в своих дорожных запыленных одеждах выглядели непривлекательно, царь,

5. Глаза которого от радости раскрылись широко, встречал их, как друзей своих, вернувшихся издалека, и с удовольствием выслушивал их просьбы, будто радостные вести. Исполнив просьбы же, доволен был он более просивших.

6. Как ветер далеко разносит ароматы, так и молва тех бедняков распространила славу о щедрости его и сбила тем надменность всех других царей, как запах слона, что источает маду, лишает гордости других слонов⁴.

И вот однажды тот царь, обходя поочередно один за другим все свои благотворительные заведения и увидев лишь незначительное количество нуждающихся, ибо все уже были удовлетворены, остался недоволен, так как лишен был возможности далее проявлять щедрость...

7. Бедняк-проситель, к нему явившись, свою лишь жажду утолял, а он, просителей встречая, удовлетворенья щедрости своей не получал. Так сильно было в нем стремление к щедрости, что массой просьб своих они не в состоянии были стремление это победить.

И у царя явилась мысль: «Поистине блаженны те избранные среди праведных, к которым нуждающиеся доверчиво и без стеснения обращаются со своими просьбами, даже если они касаются их тела. Ко мне же нуждающиеся, словно испугавшись суровых слов отказа, приходили лишь с робкими просьбами об имуществе».

8. Узнав о размышленье столь высоковозвышенном царя, проистекавшем из стремления к подаянию, что победило даже любовь естественную к телу своему, сама великая земля, подобно любящей супруге, содрогнулась.

Когда же от землетрясения задрожал сияющий блеском различных сокровищ царь гор — Сумеру, Шакра⁵, владыка богов, стал размышлять о причине этого. Постигнув, что причиной землетрясения была лишь высочайшая мысль того царя, он исполнился глубокого сердечного изумления и подумал:

9. «Да подлинно ли это так? Действительно ли этот царь, чья мысль в стремлении блаженном к жертвам заходит так высоко, с готовностью глубокой жертвовать настолько тверд в решении своем, что может он отдать и тело собственное?»

Попробую я его испытать!»

И вот однажды царь сидел в собрании в своем приемном зале, окруженный советниками. Когда раздалось обычное при-

глашение: Кто из нуждающихся желает чего? — когда были открыты охранявшиеся казначеями запасы драгоценных камней, золота, серебра, денег; когда раскрыты были сундуки, наполненные разнообразными одеждами; когда было доставлено много прекрасных разнообразных колесниц, в которые были запряжены разные великолепные выездные животные, и когда нахлынул поток нуждающихся, Шакра, владыка богов, своей чудесной силою приняв вид старого слепого брахмана, явился перед глазами царя. Взор царя, спокойный, ясный и милостивый, исполненный сострадания и дружелюбия, словно встретил и обнял его. В ответ на вопрос царских слуг: «В чем твоя нужда?» — Шакра-брахман приблизился к царю и, после приветствия и благословения, обратился к нему с такими словами:

10. «Я стар и слеп, пришел издалека, молю: дай глаз один мне, величайший из царей! Чтоб править миром, о лотосокий повелитель, тебе достаточно и одного ведь глаза».

И Бодхисаттва почувствовал прилив высокой радости: осуществлялось ведь его заветное желание! Но потом, однако, в нем сомнение возникло: «Действительно ли, — думал он, — сказал брахман эти слова, или же мне так послышалось вследствие того, что я многократно представлял себе возможность этого?» И он, всем сердцем жаждавший услышать дорогие слова просьбы о глазе, обратился к просителю-брахману:

11. «Кто научил тебя прийти сюда, о лучший из брахманов, и обратиться с просьбою о глазе? Пословица ведь говорит: «С оком разлука — великая мука». Кто же столь высоко мыслит обо мне?»

Тогда, постигнув намерение царя, Шакра, повелитель богов, носивший личину брахмана, сказал так:

12. «То Шакра! Образ Шакры надоумил меня, и я пришел сюда к тебе, чтобы обратиться с просьбою об оке. Пусть не бесплодной будет его вера и моя надежда! О, дай мне око!»

Услышав имя Шакры, царь подумал: Конечно, по воле божества, брахман таким путем получит очи, себе на радость. И с этой мыслью обратился он к брахману с такою речью, в которой светилась радость:

13. «Твое желание, которым приведен ты был ко мне, исполню, брахман, я. Тебе, просящему один лишь глаз, отдам я оба!»

14. И ты с лицом, украшенным, как лотосы, расцветшими очами, иди тогда куда тебе угодно! И все, кто будут на тебя смотреть, как бы качаться будут на сомнениях: «Да подлинно ли это он?.. Иль нет?» — И в радостном потом ответят изумленные: «Да, это он действительно!»

Тогда министры царя, узнав о его решении отдать свои глаза, до глубины души смущенные, взволнованные и опечаленные, обратились к нему с такими словами:

15. «Ты в радостном стремлении к жертвам не заметил, что совершить готов неверный шаг, который нам грозит последствиями злыми. Будь милостив, о государь, не нужно поступать так! Не должен отдавать ты очи!

16. Ты ради одного лишь брахмана пренебрегать не должен нами! О, перестань же жечь огнем глубокой скорби свой народ, тобою к процветанью приведенный!

17. Дари источник процветанья — деньги — всем, блестящие и дорогие камни иль коров; давай им колесницы с упряжками обьеженных коней, давай слонов, сияющих красотой и силою, могучих в течке!

18. Дари дома, приятные в любое время года, что красотою превосходят облака осенние; дома, в которых раздается звон колец у женщин на ногах, — но не давай своих очей, о ты — единственное око мира!

И сверх того, великий государь, ты должен принять во внимание следующее:

19. Каким путем глаз одного другому вставить можно? И если б даже сила божества могла то сделать, то разве непременно нужен здесь твой глаз?

И далее, о государь:

20. Что пользы бедняку от зренья? Что сможет наблюдать? Чужое счастье? Поэтому ты лучше денег дай ему. О государь, остерегись свершить ты безрассудство!»

Тут царь к министрам обратился с такою мягкою увещающею речью:

21. «Кто скажет — «дам» и станет помышлять о том, как бы не дать, тот петлю жадности в душе своей завязывает снова, едва лишь распустив ее.

22. «Я дам!» — кто обещает, а затем решение изменит, от жадности колеблется в своем уме, — кто хуже может быть такого человека?

23. Кто укрепит просящего надежду своим — «я дам», вину за слово грубого отказа тот никогда не сможет искупить!

Что же до вашего соображенья: «Почему бы не исцелиться сто глазу силой одной лишь воли богов?» — то я скажу на это:

24. Да разве неизвестно всем, что для осуществления намерений необходимо много средств, и потому судьба, хоть и божественна, нуждается ведь в помощи других!

Поэтому вы не должны стараться отклонить меня от моей решимости к великой жертве!»

Министры сказали: «О государь! Благоволи дать ему денег, хлеба и драгоценных камней, но никак не свое око, таков наш совет. Ведь этим мы не увлекаем государя на неправый путь!»

Царь сказал:

25. «Должно давать лишь то, что просят. Какая радость получить, что не желаешь? К чему вода тому, кого уносят волны? Вот почему я дам ту вещь, которую он просит».

Тогда первый министр, который пользовался особой любовью и доверием царя, побуждаемый глубокою любовью, обратился к нему с такими словами, пренебрегая даже соблюдением должного почтения:

«О, не делай этого, государь!

26. Есть царство у тебя, которое своим благополучием может поспорить с царством Шакры, которое приобрести лишь созерцанием и подвигом тяжелым можно; им обладая, ты достигнуть можешь, свершивши сотни жертв, и славы, и небес; а ты теперь пренебрегаешь тем, что есть, и хочешь очи сам отдать свои. С какой же целью, почему? Как можно поступать так?

27. Своими жертвами достиг ты места среди богов, своею славою сияешь всюду! Смотри же, на ногах твоих ведь виден отблеск сияющих корон других царей! Чего еще стремишься ты достигнуть, когда даешь свои глаза?»

И царь обратился к министру с такой ласковой речью:

28. «Я этим не стремлюсь достичь владычества над всей землей, ни неба, ни конечного спасения, ни славы: спасти весь мир — единственная цель моя. Напрасной да не будет мука мольбы его, которую он обратил ко мне».

После этого царь велел вынуть глаза. Когда осторожно и согласно указаниям врачебной науки был вынут совершенно невредимым один глаз, чарующая прелесть которого напоминала лепесток голубого лотоса, он с величайшей радостью отдал его просившему. Тогда Шакра, владыка богов, сотворил своею чудесною силою так, что царь со всеми окружающими увидел, как его глаз вошел в глазную впадину. Сердце царя, когда он увидел, что его око расцвело у выпросившего его слепца, наполнилось величайшей радостью, и он отдал ему также и другое око.

29. Когда царь отдал очи, лицо его подобным стало пруду, лишившемуся лотосов. Но горожане радости его не разделяли. Брахман же смотрел совсем здоровыми очами.

30. Повсюду во дворце и в городе его земля орошена была слезами скорби. А Шакра изумленья преисполнился и радости высокой, увидев, как тверд, непоколебим был царь в своем стремлении к совершенной мудрости.

И сердце Шакры было полно изумления, и он размышлял так:

31. «О стойкость! О доброта! Высокое стремление к благу всех живых! Хоть этот подвиг был перед моими же очами совершен, с трудом в него поверить можно!

Поэтому сей муж столь дивной доброты не должен долго терпеть страдания, я постараюсь вернуть ему глаза, указав средство для этого».

И вот, когда постепенно зажили раны на месте глаз царя, значительно ослабела и перестала чувствоваться скорбь крестьян, горожан и обитателей дворца, царь в стремлении к полнейшему уединению сидел однажды, скрестив ноги, в своем загородном парке на берегу заросшего лотосами пруда, окруженного чудеснейшими деревьями, склонившимися под тяжестью цветов; приятный ветерок навевал прохладу и нес нежное благоуханье; рой пчел наполнял воздух однообразным жужжанием. И перед царем предстал Шакра, владыка богов. На вопрос царя: «Кто это?» — он сказал:

32. «Я — Шакра, владыка богов, я пришел к тебе».

Царь сказал:

«Добро пожаловать. Благоволи сказать, что тебе угодно». — Встреченный таким приветствием, Шакра снова обратился к царю:

33. «О царь, святой мудрец, дар выбирай себе! Скажи, чего ты хочешь».

Но царь, привыкший расточать дары и не вступавший никогда на скорбный путь печальных просьб, с удивлением и достоинством сказал:

34. «Богатства велики мои, и армии огромны и сильны, но из-за слепоты теперь хочу, чтоб смерть пришла моя».

35. Исполнил я желанья всех, кто с просьбой обращался, и теперь, когда не вижу я ни лиц, ни их очей, открывшихся широко от радости, веселья, — теперь желанна смерть мне, Индра!»

Шакра сказал:

«Оставь, оставь свое намерение! Ведь лишь истинно добродетельные люди достигают такого состояния, как твое. Я снова обращаюсь к тебе с вопросом:

36. Ведь в это состояние приведен ты теми, кто обращался с просьбой. Так почему же и теперь твое привязано к ним сердце? Скажи же слово. Не надо скрывать, ты можешь встать на путь другой, оставив это состояние».

Царь сказал:

«Почему ты настойчиво заставляешь меня хвастаться? Однако да услышит богов владыка!

37. Если и прежде и теперь еще молящие слова просителей приятны мне всегда, как будто бы слова благословенья, то пусть одно мне око возвратится!»

Едва успел царь промолвить эти слова, как силою его врожденной постоянной правдивости и множества накопленных высоких заслуг у него явилось одно око, как прекрасный лепесток лотоса, со зрачком подобным кусочку сапфира. Радуюсь всем сердцем такому чудесному появлению одного глаза, царь снова обратился к Шакре:

38. «Тому, кто у меня просил одно лишь око, я с радостью отдал сам оба; и если правда, что в моей душе одно высокое лишь было ликование и радость, то пусть же явится другое око у меня!»

Едва лишь успел царь произнести это, как появилось у него, словно соперничая с первым, и другое око.

39. Тогда земля и горы задрожали, и, выступив из берегов, повсюду океан разлился, и низкими, приятными тонами звучали в небесах литавры небожителей.

40. И дивная небес краса вокруг сияла безмятежной лаской, блистало солнце ярко, словно осенью; с небес посыпались различные цветы, окрашенные порошком сандала, что в воздухе носился.

41. Сбежались небожители туда с раскрытыми от изумления очами, за ними ганы⁶ и апсары⁷; подул приятный, нежный ветерок; в сердцах всего живого радость расцвела.

42. Со всех сторон слышались прекрасные напевы, с восторгом восхвалявшие высокий подвиг тот царя. Так гимны воспевали толпы существ могучих, полных радости и изумленья:

43. «О благородство! Состраданья глубина! Смотрите, чистотой какой его душа сияет! О дух, столь безразличный к личным наслаждениям! Хвала тебе, возвышенная стойкость, мужество!

44. Поистине нашел весь мир в тебе надежную защиту, когда твой чудный лотос-глаз, вновь пробужденный, засиял! О, никогда не могут быть напрасны великие сокровища святых заслуг: в конце всего святая праведность великую победу одержала!»

И Шакра повторял, выражая свое одобрение: Прекрасно, как прекрасно! Потом он снова обратился к царю:

45. «Нам не осталась неизвестной чистая твоя душа, и потому, о царь, тебе я очи возвратил твои.

46. Они дадут тебе неразрушимую способность видеть все вокруг на сотню йоджан⁸, хотя бы скрытое горами».

Сказав так, Шакра тотчас же исчез.

После этого Бодхисаттва, сопровождаемый приближенными, глаза которых, широко раскрытые от удивления, преисполнившего их сердца, с трудом могли мигать, привлекая взоры горожан, прославляемый и благословляемый брахманами, вступил в столицу, сиявшую великим торжеством, разукрашенную разноцветными флагами и развевающимися знаменами. И, воссев на трон в зале, куда явились для выражения своей преданности главный министр, брахманы и старейшины горожан и селян, стал проповедовать святой закон, приводя в пример то, что случилось с ним:

47. «Кто в мире будет медлить своим богатством просьбы бедняков удовлетворить, увидев, как заслугой щедрости своей я получил чудесной силой наделенные глаза?

48. На сотню йоджан все вокруг, и даже то, что скрыто за горами, я вижу всюду ясно, как будто это предо мною.

49. Какой путь к счастью может лучше быть, чем щедрости, рожденной состраданием к ближним и скромностью, если, отдав человеческие очи, я здесь еще смог получить чудесные глаза?

50. Шибийцы! Зная это, используйте свои богатства на даянья и получайте этим наслаждения — ведь это лучший путь и к счастью, и к славе как здесь, так и в грядущем мире.

51. Богатств единственная ценность — хотя бы и ничтожных. — в том, что стремящийся ко благу мира отдать их может: ведь то, что отдается, обращается в сокровище, а что не отдается, тому один конец — уничтоженье»⁹.

Здесь отмечены качества, на которые можно обращать внимание ученика в процессе воспитания: почтение к старшим, благовопитанность, ум, знание многих наук, энергия, воля, благоразумие, — всё это обеспечило герою счастье и любовь окружающих.

Если бы все состоятельные господа в разных странах так относились к своему богатству, сколько добра в жизни могло бы быть сделано, сколько полезного для всех, в том числе для них же!

Тема награды за добрые дела (причинно-следственная связь) также проходит и через многие народные сказки, эпос. С детьми нужно обсуждать прочитанный или рассказанный материал, вместе с ними размышлять над смыслом происходящего в нем. Это будет способствовать осознанию или всевозможных поступков героев сказок и легенд, а следовательно, большему воспитательному эффекту.

Таким образом, «этот благой закон добыт для нас владыкою ценою сотен тяжких подвигов», и потому должно с благоговением слушать его.

[Этот рассказ следует приводить, как и предшествующий, говоря о великодушии Татхагаты, а также поучая состраданию и показывая, что награда за добрые дела последует уже здесь, в этом мире, причем должно сказать: «Заслуги — эти приятные цветы растущей славы, — благоговейно собранные при помощи добрых дел, уже здесь проявляют свое влияние».]

III. ДЖАТАКА О КОМОЧКЕ КАШИ

Никакое даяние, поданное от чистого сердца высокодостойному лицу, не может быть малым, ибо велики его результаты. Вот как об этом назидательно повествуется. Наш Владыка еще в состоянии бодхисаттвы был царем племени кошала¹. Хоть пора-

зительно блистали в нем великие добродетели царей — энергия, благоразумие, величие, могущество и многие другие, блеск одной из добродетелей — счастья дивного — превосходил все другие.

1. И добродетели его, украшенные дивным счастьем, сияли еще ярче, подобно месяца лучам, когда их красоте расцветит осень.

2. Сама богиня счастья Шри² предана была ему и проявляла гнев свой, как и милость, к другим царям, руководясь его к ним отношением: она покинула врагов его, хоть те и были горды, и наслаждалась счастьем среди подданных его, словно влюбленная.

3. Он весь проникнут праведностью был, и дух его не выносил страданий ближних; и подданных к нему любовь так расцвела, что счастье отвернулось от его врагов.

Однажды он вспомнил свое рождение, то, что непосредственно предшествовало настоящему. От этого воспоминания пришел он в сильное волнение, и с большим еще, чем прежде, рвением стал расточать свои даяния — причину и главнейшее основание счастья — шраманам³, брахманам, беднякам и нищим; непрерывно и с большою твердостью он соблюдал доброе поведение, а также воздержание и пост в дни новолуний. Стремясь поставить свой народ на путь спасения тем, что еще выше поднимал значение добрых дел, царь с глубоким убеждением по многу раз в собрании и в своих покоях повторял два полных глубокого значения стиха:

4. «Услуга, самая ничтожная, оказанная буддам⁴, всегда богатыю, великую награду принесет. Об этом только говорилось раньше; теперь же можно в этом убедиться, взглянув на поразительно высокую награду лишь за комочек несоленой, грубой и сухой красновато-коричневой каши.

5. Моя могучая армия, с прекрасными конями, колесницами и темными свирепыми слонами, господство над землей, великие богатства, благосклонность богини счастья, супруга благородная — взгляните: все это блеск полученной награды за комочек каши».

Невольюно приходит на ум информация из журнала «Азия и Африка» № 8 за 1990 г.: «Индийские ученые из Бангалорского института психического здоровья и невропатологии провели исследование 250 зарегистрированных с 1975 г. фактов перевоплощения. По каждому из них было опрошено не менее 20 очевидцев. Как правило, эффект перевоплощения наблюдается у детей в возрасте от трех до семи лет. В 82% случаев дети отчетливо вспоминали свое имя в прошлом рождении и подробности былой жизни.

Ни его министры, ни старейшие из брахманов, ни знатнейшие представители горожан, — хотя сердца их и горели любопытством, не смели спросить его, что значили эти две строфы, которые столь часто говорил великий царь. Но вот сама царица проявила интерес к словам, которые царь многократно повторял. Она свободно выражала свои желания, и потому, когда в беседе представился удобный случай, она обратилась к царю в приемном зале с таким вопросом:

6. «Ты постоянно, о людей владыка, так говоришь, как будто радости, что в сердце у тебя, даешь исход. От этих слов твоих мое все сердце любопытством полно.

7. И если мне возможно то услышать, скажи, что значит это восклицанье, государь? О тайне ты не стал бы говорить открыто, и потому я обращаю свой вопрос к тебе».

Царь бросил на царицу взгляд, полный нежной любви, и с лицом, расцветшим от улыбки, сказал ей так:

8. «Услышав восклицание мое, значения его не понимая, не только лишь твое от любопытства взволновалось сердце.

9. Министров всех моих, весь город и гарем, всех тех, кто так волнуется и мучится от любопытства, сейчас я успокою тем, что расскажу.

10. Я, словно после сна проснувшись, припоминаю жизнь свою в рождение прежнем, когда я был вот в этом самом городе простым слугой. Хоть отличался я прекрасным поведением, однако свой насущный хлеб я зарабатывал трудом тяжелым, я нанимался на работу к тем, кто был возвышен лишь своим богатством.

11. Однажды я готов был приступить к своей работе подневольной, что доставляла столько унижений, труда тяжелого и горестей: стремление поддержать [свою семью], боязнь лишиться средств к существованию меня к ней гнали; вдруг увидел я просящих милостыню четырех монахов, свои все страсти обуздавших, словно сопровождаемых святою благодатью.

12. И с сердцем, верою смягченным, я поклонился им; в свой дом их пригласил и угостил комочком только каши. Росток [даянья этого] поднялся так высоко, что всех других царей короны находятся у ног моих, в пыли.

13. Вот почему, об этом размышляя, так, о царица, говорю. И удовлетворенье нахожу я в совершенье добрых дел и в лицезрении архатов»⁵.

Глаза царицы широко раскрылись от удивленья и высокой радости, и, с глубочайшим почтением подняв свой взор к царю, она промолвила: «О как прекрасна, сколь высока награда эта за добрые дела! Вот почему великий государь, являясь свидетелем того, как награждаются подобные заслуги, всем сердцем стремится

к добрым делам. По этой-то причине ты отвращаешься от зла и стремишься править своим народом справедливо, как отец; ты направил свои все помыслы на свершение множества добрых дел.

14. Сияешь блеском дивной славы ты, что милосердием твоим взлелеяна, и враги твои, почтительно склонившись, ждут приказаний. Храни же много лет своим правленьем справедливым ты землю всю до берегов далеких океана, вздымаемого ветром!»

Царь сказал:

«Почему бы этому не быть, о царица?

15. Я сам стремиться буду впредь идти тропой спасенья, которая прекрасными путеводительными знаками отмечена. И мир, узнав награду за даяния благие, дары захочет расточать. — «Зачем я буду все давать?» — никто тогда не скажет!»

Тут царь, с любовью глядя на царицу, сиявшую красою, как богиня, почувствовал в своей душе желанье узнать причину столь дивной красоты и снова обратился к ней:

16. «Как серп луны среди звезд, ты блещешь среди женщин: какой же подвиг совершила ты, прекрасная? За что дана тебе столь дивная награда?»

Царица сказала: «Да, государь, я также вспоминаю кое-что из прежнего моего рожденья». — «О, расскажи об этом!» — теперь почтительно обратился к ней царь, и она в ответ на эту просьбу сказала:

17. «Как будто в детстве то пережила я, вспоминаю, что я была рабыней и однажды с почтением глубоким отдала остаток пищи муну, изгнавшему свои все страсти⁶: и словно там уснула я, а пробудившись, оказалась здесь.

18. Так вспоминаю я, о государь, то счастье, которое меня, со всей землею вместе, под покровительство твое смогло привести. Ты говорил нам: «Что бы мы ни сделали для тех, кто одолел свои все страсти, ничто не может быть ничтожным». И так же говорил тот муну».

Тут царь, увидев, как в силу этого свидетельства высокой награды за добродетели все собрание, глубоко умиленное, прониклось великим изумленьем и глубочайшим почтением к заслугам, приобретаемым добрыми делами, стал учить закону правды и молвил примерно такие слова:

19. «Кто, видя блеск такой, величие награды за незначительные даже, но прекрасные дела, не стал бы сам стремиться к подвигам благим хорошим поведением и щедрости делами? И взгляда не достоин человек, даже богатство приобретший, чей ум окутан тьмою жадности печальной, кто не достигнет славы милосердия делами!

20. С богатством ведь помимо нашей воли расстаться должен каждый безо всякой пользы, а если, расста-

ваясь с ним достойным образом, тем самым можно добродетелей достичь, то кто, познавши сладость их, путь себялюбия избрать способен? Ведь добродетели, основанные на даянии, несут нам радость, и их сопровождает слава.

21. Даяние ведь есть великое сокровище, которое сопровождает нас, и в то же время недоступно для воров и прочих⁷; даяние есть очищение души от тьмы пороков себялюбия и жадности; даяние прекрасная есть колесница, которая избавит нас от тягости пути перерождений вечных; даяние есть самый близкий добрый друг, что нам стремится уготовить многие улады.

22. Великие богатства, блеск высокой царской власти и жительство во граде богов и тела красота чудесная: все, чего ни пожелаешь, всего достигнуть можешь при помощи даяний. Кто, поразмыслив так, не станет подавлять расточать?

23. Даяние, как говорят, есть извлечение пользы из богатств; даяние — величия основа; даяние есть подвиг благородства, и если простодушный горсть песку подаст, и то есть дар благой!»⁸

Тогда присутствующие, радостно приветствовав эту, с большим почтением прослушанную, захватывающую речь царя, преисполнились стремления к проявлению щедрости.

Таким-то образом никакое даяние, поданное от чистого сердца высокородному лицу, не может быть малым, ибо велики его результаты. [И тот, кто с чистым сердцем дает дар духовной общине, наиболее благоприятствующей накоплению святых заслуг, тот будет преисполнен радостью при мысли: «И от меня уж недалеко подобное и даже более высокое блаженство!»]

Здесь мы в очередной раз видим действие закона причин и следствий — «как аукнется, так и откликнется». Можно по-разному относиться к сказанному в этой джатаке, но воспитывать в детях сострадание, бескорыстие, доброту и самоотверженность — наша благородная задача.

IV. ДЖАТАКА О ГЛАВЕ ГИЛЬДИИ

Добродетельные жаждут проявить свое милосердие, хотя бы им угрожала гибель. Кто же не будет творить дела милосердия, находясь в полном благополучии? Вот как об этом назидательно повествуется.

Еще в состоянии бодхисаттвы наш Владыка был главою гильдии. Благодаря своей поразительно счастливой судьбе, а также необыкновенно успешной постоянной деятельности, он приобрел огромные богатства; непорочностью своей жизни и деятельности он снискал глубокое уважение народа; происходя к тому

же из знатного рода, он сделал свой ум еще более ясным при помощи изучения многих наук и искусств. Его благородные качества снискали ему высокое уважение самого царя. Вследствие его всегдашней щедрости у него не было своих богатств — они были у него общими со всем народом.

1. Просившие с сердечной радостью повсюду разносили молву о нем, и слава имени его, возвышенного доблестью и щедростью, достигла десяти стран света.

2. «Даст иль не даст?» — вот на таких качелях сомнения не качалось сердце бедняка. Славный подвиг щедрости его всем беднякам внушил доверье; они непридуманно излагали свои просьбы.

3. Он не скрывал от них сокровища свои для личных наслаждений, ни из стремленья превзойти других, ни ради низкой жадности. Не мог он выносить страдания просящих и оттого остерегался слово «нет» произнести.

И вот однажды, в час обеда, когда Великосущный совершил омовение, умастил свое тело и был готов уже надлежащим образом вкусить приготовленный опытным и благородным поваром обед, соединявший в себе разнообразнейшие достоинства в отношении цвета, запаха, вкуса, осязания и так далее и состоявший из различных блюд, — в этот самый час к его жилищу подошел нищий. То был *прагьякабудда*¹, который огнем мудрости сжег все топливо, поддерживающее пламень нечистых страстей², и теперь хотел увеличить мощь добродетелей Бодхисаттвы. Подойдя к дому, он остановился у ворот.

4. Спокойно, безмятежно, с выраженьем твердости и ласки стоял он там, взор опутив и глядя лишь на расстояние юги³, с умиротвореньем благородным на лице, держа в пальцах-лотосах рук своих для подаяний чашу.

В то время злейший Мара, который не мог вынести величия щедрости Бодхисаттвы, чтоб помешать ему творить добро, своей волшебной силой создал между почтенным и порогом дома ужасную на вид пропасть, необычайной глубины и шириной в несколько налей⁴; оттуда, колеблясь, поднимались языки пламени, слышался зловещий гул; и было видно там много сотен людей в ужасных муках. Тут Бодхисаттва, увидев *прагьякабудду*, подошедшего за подаяньем, сказал своей супруге: «Дорогая, подай благородному святому хлеба полную меру». Супруга повиновалась и вышла, взяв разной прекрасной пищи. Увидев бездну у ворот, она стремительно отпрянула назад, с остановившимся от страха и изумленья взглядом. Когда супруг спросил ее, в чем дело, она с трудом могла ответить ему, так как ужас сковал ей горло. Тогда Бодхисаттва, придя в волнение из-за того, что святой уйдет из его дома, не получив милостыни, не слушая свою супругу, взял все те прекрасные кушанья, желая наполнить чашу для подаяния тому Великосущному, подошел к воротам и увидел эту ужаснейшую бездну. И пока он размышлял о том, что бы это оз-

начало, злейший Мара вышел из стены дома и предстал перед ним в своей дивной, необыкновенной красоте. Стоя в воздухе, он обратился к Бодхисаттве, словно доброжелатель, с такою речью:

«О домохозяин, это великая преисподняя, по имени Махакаурава⁵.

5. Для тех, кто был прельщен хвалебными речами нищих и заражен пороком щедрости и кто хотел раздать свои богатства, для тех ты видишь обиталище на много тысяч лет; и выбраться отсюда очень трудно!

6. Богатство есть основа достижения трех целей жизни⁶. Кто его губит, губит праведность. А если разрушением богатства загублена и праведность, то как же не попасть за это в ад?

7. Ты согрешил своим пристрастьем к щедрости, разрушившим богатство, основу праведности; за это бездна, что своими пламенными языками подобна лику Наракантаки⁷, пожрать тебя сюда явилась.

8. Но пусть! От щедрости теперь хоть дух свой отврати, и тем избежать сможешь ты падения и не разделишь общей участи со всеми расточителями этими, которые, рыдая горько, извиваются в мучениях.

9. А тот, кто принимает лишь дары, не подлаваясь привычке богатства разлавать, достигнет состоянья божества. Ты откажись от страсти к подаяниям, что к небесам путь заграждает, и к воздержанью обратись».

В жизни встречаются подобные «благожелатели» и «мудрецы». Они пытаются убедить окружающих поверить в их вывернутую наизнанку правду.

Бодхисаттва, однако, все понял: «Несомненно, это зловерный [Мара] стремится воспрепятствовать мне щедрость про-явить». И, твердый в своем стремлении к добру, он обратился к Маре с решительною речью, не нарушая скромности и ласковости своих слов:

10. «Заботясь о благополучии моем, ты милостиво указал мне этот путь достойных. Ведь божествам особенно присуще состраданье к ближним.

11. Но надлежало бы вступать на путь искоренения болезни до появления ее иль сразу же после начала. Когда болезнь зашла уж далеко от небреженья иль лечения дурного, тогда губительно стремление к лечению.

12. И опасуюсь я, что мой порок — стремление к даяниям уж не поддастся излеченью; поэтому от щедрости мой дух не отвратится, хотя даешь ты добрый мне совет.

13. А что до слов твоих, что от даяний происходит зло и праведности главная причина есть богатства, то

слабый человеческий мой ум не постигает, как же без щедрости богатство дорогой к добродетели назвать.

14. Ведь это основание праведности люди укрывают, как сокровище, оно насильно похищается ворами, в морской пучине может утонуть или явиться пищей для огня.

15. А что до слов твоих: — «дающий попадает в ад, а принимающий достигнет мира небожителей», — от них мое стремление к щедрости лишь возросло, хоть ты стремился обуздать его.

16. Да будет не напрасным это твое слово: пусть на небо пойдут все те, кто обращался с просьбами ко мне; ведь я свои даяния расточал для блага мира, а не затем, чтоб самому достигнуть высшего блаженства».

Тогда зловредный Мара серьезно, как истинный доброжелатель, вновь обратился к Бодхисаттве.

17. «Ты взвесь мои слова, — добро ль я говорю, иль нечто праздное, — потом иди таким путем, каким захочешь сам, но верь, с почтением великим меня ты вспомнишь, когда осыпан будешь счастьем, иль будешь мучиться раскаянием поздним».

Бодхисаттва ответил:

«Господин, благоволи простить меня!

18. Скорей я добровольно брошусь вниз головою в ад, столь яростно пылающий огнем, и пусть меня там лижет пламя, чем вместо оказания почтения просящим, которые с доверьем обратились, я проявлю к ним полное презренье».

Промолвив это, Бодхисаттва, зная силу своей великой судьбы, уверенный, что щедростью нельзя навлечь страданье на себя, отстранил всех близких, у которых было одно желание — удержать его, и без малейшего страха в сердце, напротив, с еще большим желанием подать просящему, шагнул через пропасть.

19. И силою его заслуг вдруг лотос там расцвел, он вырос не из ила, как обычно⁸; тычинок белые ряды подобны были в нем зубам блестящим, и казалось, что лотос насмехается с презрением над Марой.

И Бодхисаттва по лотосам, созданным его великими заслугами, подошел к *пратьекабудде*; и с сердцем, полным спокойствия и радости, подал ему обильную милостыню.

20. Тогда, чтоб показать ему свое душевное удовлетворенье, поднялся в воздух нищий⁹; там просиял великим блеском он и пролил дождь, подобно озаренному сияньем молнии облаку.

21. Когда растоптаны его желанья были, Мара, утратив всю свою красу, позеленел от злости и вместе с пропастью своею вмиг исчез, взглянуть не смея в очи Бодхисаттвы.

Зачем же все это рассказано? Чтобы показать, что добродетельные жаждут проявить свою щедрость, хотя бы им угрожала гибель. Кто же не будет творить дела щедрости, находясь в полном благополучии? [Этот же рассказ следует привести в подтверждение того, что даже из страха добродетельные не могут быть увлечены на путь неправый.]

У. ДЖАТАКА О ГЛАВЕ ЦЕХА АВИШАХЬЕ

Ни из опасения утратить богатство, ни в надежде на обогащение истинно добродетельные не опускаются до пренебрежения к делам щедрости. Вот как об этом назидательно повествуется:

Будучи бодхисаттвой, наш Владыка был преисполнен разнообразнейших достоинств: щедрости и поведения хорошего, знатности и скромности, знания священных текстов и духовного знания, смирения и так далее; по своему великому богатству он был второй Кубера¹, дом его всегда был открыт для всех, как для желанных гостей, и беспрестанно в нем отпускались даяния, как в дни великого жертвоприношения *сампра*². Он жил для блага мира и сделался поэтому любимейшим из жертвователей. Был он в это время главою цеха. Не побежденный себялюбием и другими пороками, он носил славное имя Авишахья.

1. И появление нищих для него имело то ж значение, что появление его — для нищих: главнейшая причина пробуждения радости, конец сомнений в том, удастся ли достигнуть им желанной цели.

2. На беспрестанные моления «дай!» он слово «нет» не мог промолвить: привязанность к богатству в сердце, исполненном лишь сострадания, места не нашла.

3. Он в высшей степени был рад, когда проситель уносил ценнейшее, что было в доме: ведь знал он, что богатство — источник страшных бедствий и потрясений, что быстро и без видимой причины становится богатство безразличным.

4. Обычно так бывает. что богатства, из жалности возникшие, подобны каравану на дурной дороге: в руках же Бодхисаттвы богатства счастье доставляли и просящим, и ему и были тем, чем быть они должны.

Это полезно прочесть современным богатым. Сколько добрых, полезных для всех дел можно было бы сделать, если бы богатые люди так смотрели на свое богатство и власть!

Сегодня очень не хватает культуре средств, а тем, у кого они есть, — культуры.

И вот Великосущный удовлетворил всех нуждавшихся, которые к нему являлись отовсюду, щедрой рукой расточая свои богатства и исполняя желание каждого, украшая свои дела щедро-

сти особою приветливостью, предписываемой для таких случаев вежливостью. Тогда Шакра, владыка богов, услышав о его высокой щедрости, пришел в глубокое изумление и, желая удостовериться в твердости его решения все раздавать, заставил ежедневно исчезать все собираемые деньги, сокровища, и хлеб, и пищу, и одежды, так помыслив: «Может быть, он, озабоченный исчезновением своих богатств, начнет склоняться к себялюбию?» Однако Великосущный продолжал расточать свои дары просящим.

5. И всякий раз, как исчезали у него богатства, как капельки росы, украденные солнцем, приказывал он вновь нести дары из дома, как будто пламенем был дом объят, и щедрые раздачи продолжал.

Тогда Шакра, владыка богов, уверившись, что щедрость составляет глубочайшую потребность Великосущного даже тогда, когда ценнейшая часть его имущества исчезла, и придя от этого в еще большее изумление, в одну ночь отнял все его богатства, за исключением свернутой кольцом веревки и серпа. И Бодхисаттва, проснувшись, как обычно, на рассвете, увидел, что из дома вдруг исчезли и деньги, и одежды, и слуги, и хлеб, и все его богатство; дом его утратил свою прежнюю красу и стал пустым и мертвым, как будто его ограбили ракшасы¹. Бодхисаттва стал размышлять: «Что бы это могло значить?» — и увидел, обходя весь дом, только свернутую в кольцо веревку и серп. И у него появилась такая мысль: «Если кто-нибудь, кто не привык со своими просьбами к другому обращаться и живет лишь тем, что приобретает собственной энергией, таким путем оказал милость моему дому, то мои богатства нашли прекрасное применение; но если, в силу злой моей судьбы, кто-либо, завидуя моему высокому положению, унес мои богатства, не использовав их как надо, то это очень плохо!

6. Богатств изменчивая дружба давно была известна мне, но жжет теперь мне сердце горе бедняков.

7. Уже давно привыкнув наслаждаться гостеприимством и подарками моими, что будут делать бедняки мои, придя в мой опустевший дом? Они придут ведь со своею жаждой к пруду, в котором уже нет воды».

И Бодхисаттва, находя опору в мудрой своей стойкости душевной, не предавался ни печали, ни унынию, но и в этом состоянии не мог он обратиться с просьбой к другим, даже к своим близким: путь просьб ему был совершенно незнаком. «Как трудно обращаться с просьбами!» — подумал он, и сострадание к просящим в нем еще сильнее стало. И вот Великосущный, заботясь о том, чтобы хорошо принять всех тех, кто с просьбами к нему обращался, сам взял веревку и серп и, ежедневно добывая скудную выручку от продажи травы, употреблял эти деньги на проявление любви и почитанья к просящим. Тогда Шакра, владыка богов, увидев его бодрость и преданность делам щедрости даже в крайней бедности, исполнился чрезвычайного изумления и глубочайшего почтения к Великосущному, предстал пред ним

и чудесной небесной красоте, стоя в воздухе, и стал отговаривать его от дел милосердия, обратившись к нему с такими словами: «Домохозяин!

8. Твои богатства унесли не воры, не вода, не царь и не огонь. Ты сам своею щедростью чрезмерной дошел до состояния такого и в скорбь поверг сердца своих друзей.

9. Радея о твоём же благе, к тебе я обращаюсь: оставь порочную ты склонность к расточению имущества; ведь если перестанешь раздавать свои дары, то блеска прежнего, богатства вновь достигнуть сможешь.

10. От постоянных, хоть и незаметных трат с течением времени исчезнуть могут все богатства. Наоборот, от прибавлений муравейник все растёт, — из этого ты можешь видеть, что тому, кто хочет увеличить благосостояние, один есть путь — самоограничение».

Тогда Бодхисаттва обратился к Шакре, обнаруживая всю поразительную высоту своей души и преданность деяниям милосердия.

11. «Неблагородное едва ли может, о тысячеглазый, благородный совершить, хотя бы и в тяжёлом положении; и потому, о Шакра, мне не надобно богатств, из-за которых должен сам я обратиться в скрягу.

12. Кто же, себя считая благородным, сухою молниёю слова «нет» способен поразить несчастных, желающих найти лекарство от своих страданий на просьб пути, мучительном, как смерть?

13. Зачем подобный мне стал бы добывать сокровища, богатства или даже царство в небесах, если б не смог тем прояснить он лица бедняков, обезображенные мукой просьб?

14. Кто жить способен лишь затем, чтобы умножать грех себялюбья, и укрепить в себе не может склонность к щедрости, — того должны чуждаться люди, мне подобные, ибо он есть пагуба сокрытая.

15. Богатства все изменчивы; они подобны танцующим лианам молний, они всеобщи и несут немало бед, меж тем как в щедрости лежит источник счастья. Кто, благородный, станет в себялюбии искать опору?

16. Свою благу ты явил природу, о Шакра, и поразил меня своими добрыми словами, но радость щедрости для сердца моего уж столь привычна, что на другом пути оно едва ль найдет покой!

17. Молю тебя, владыка мой, не направляй свое ты сердце на гнева путь: ведь невозможно мне моею слабой силой твердыню недоступную врага — своей природы — одолеть!»

И Шакра сказал:

«Домохозяин! Ведь то, что описал ты, — это образ жизни человека богатого, у которого сокровищницы и житницы полны

доверху, есть много различнейших вещей, прекрасно изготовленных другими, у которого и будущее обеспечено, и который достиг высокого положения в свете, а не очутился в таком состоянии, как ты.

Смотри:

18. Прекрасным подвигом, где капли твоего ума могли бы проявиться иль где б ты следовал преданиям семейным, таким, которые твоей благоприятны славе, свои богатства должен ты собрать и блеском превзойти соперников своих, подобно солнцу.

19. Ты, даже от царя добившийся почтения и заключенный любящей богиней Шри в объятия, счастливым жребием своим делись при случае с народом и радость пробуждай в друзьях.

20. И тогда, коль склонность к щедрости иль к наслаждениям земным проявишь, никто тебя не сможет упрекнуть! Но при одном желании давать, без средств, подобен человек бескрылой птице: желание подняться в воздух одни страдания причиняет ей.

21. А так как приобрести богатства можно лишь ограничением себя и постоянством, оставить должен ты свое желанье раздавать. Ну что ж неблагородного есть в том, что ты не можешь дать, сам не имея ничего?»

Бодхисаттва сказал:

«Прошу тебя, владыка, не убеждай меня столь ревностно!

22. Даже тот, кому важнее польза личная, чем о других забота, все помыслы оставив о богатстве, должен щедрости дела творить: ведь и большим богатством не достигнешь радости такой, какой благодаря даяньям насладиться можешь, жадность победив.

23. Нельзя взойти на небеса при помощи богатства одного, меж тем как щедростью достигнуть всякий дивной славы может; кроме того, богатства ведь не избавляют от пороков — таких, как себялюбие и прочих. Кто ж после этого не обратится к щедрости?

24. Кто для спасения всего живого, измученного старостью и смертью, и самого себя готов отдать, влекомый состраданьем, кто не способен сам чем-либо насладиться из-за чужих страданий, тому какая польза от богатства, пусть бы оно пришло и от тебя?!

И далее послушай, царь богов:

25. Как процветание богатств непостоянно, так и жизни нашей длительность. Поэтому при встрече с бедным мы не ждем, пока придет богатство⁴.

26. Когда одна хоть колесница колею проложит на земле, той колеей другая уж смелей идет и третья также: вот почему не оставляю я прекрасный этот путь — мое ведь сердце не найдет покоя, неправды следуя путем!

27. А если преумножится опять имущество мое, конечно, привлечет оно сердца просящих, — но даже в этом состоянии по мере сил творить нам должно щедрости дела! Да не останемся мы нерадивы, Шакра, исполняя обеты щедрости!»

Когда Бодхисаттва промолвил эти слова, Шакра, владыка богов, сердце которого преисполнилось умиления, радостно приветствовал его словами: «Прекрасно! О, прекрасно!» — и, с глубочайшим почтением и ласкою взирая на него, обратился к нему с такой речью:

28. «Обычно ведь к богатству человек стремится, применяя низкие и грубые и даже имя доброе его порочащие средства. В своей привязанности к счастью личному не замечает он опасности, все дальше увлекаемый своим малоразумным сердцем.

29. Но ты и не помыслил об исчезнувшем богатстве, и об утрате личных наслаждений, и о моем соблазне не подумал — одна забота у тебя живет, в твоём столь непреклонном сердце — благо ближних. Ты обнаружил тем величие своей возвышенной природы!

30. О себялюбья тьма, рассеянная светом сердца, исполненного благородства несравненного! И ни богатств утрата, ни надежда возратить их испортить не смогли его, склонив к ограничению щедрости!

31. Страдаешь ты страданиями других и, состраданьем движимый, стремишься к благу мира. Поистине не чудо то, что ты от слов и дел моих не колебался в своем стремлении к жертвам, как не колеблется от ветра горная вершина, блещущая снегом!

32. Чтоб показать твою всем славу, ради испытанья, твои богатства я сокрыл — ведь камень драгоценный, хотя бы и прекрасный, не достигает без проверки сокровища высокой славы.

33. Теперь же проливай дожди даров на всех просящих, подобно облаку большому, что наполняет все пруды! С моей поддержкой никогда твои богатства не иссякнут. Благоволи ж простить поступок этот мой».

И Бодхисаттву приветствовав такими словами, Шакра ему вернул все его великие богатства и, получив прощение, исчез.

Таким образом, «ни из опасения утратить богатства, ни в надежде на обогащение истинно добрые не опускаются до небрежения к делам милосердия».

Наверно, неплохо было бы хотя бы изредка общаться со своими учениками на подобные темы, обсуждать прочитанное или случаи из жизни. Учитель мог бы выступить в роли испытующего сознание подопечных, задавая им аналогичные «провокационные» вопросы или ситуации. В жизни у всех было немало случаев, над которыми полезно поразмыслить.

VI. ДЖАТАКА О ЗАЙЦЕ

Достоверно известно, что добродетельные великосущные даже в образе животных проявляют щедрость, соответственно своим силам: кто не будет щедрым, имея образ человеческий?

Вот как об этом назидательно повествуется.

В некоей местности находился лес, который посещали отшельники. Весь он был покрыт густыми зарослями восхитительных деревьев, кустарников и трав и изобиловал цветами и плодами; по окраинам он был украшен рекой, течение которой сверкало своей блестящей синевой, подобной бериллу; вся поверхность земли манила там взор и осязание своим нежнейшим травяным покровом. Там жил Бодхисаттва в образе зайца.

1. Благодаря высокой благодати и тела красоте, необычайной крепости, огромной силе, что слабыми зверями не подозревалась, он безопасно жил в лесу, как царь зверей.

2. Он там блистал, словно отшельник мудрый; был облачен, как в кожаное платье, в собственную кожу, и заменяла шерсть ему мочальную одежду; свою потребность в пище он утолял побегами травы.

3. И так как помышления его, слова, поступки были друбною просветлены, то большинство животных диких, доступных прежде всяким злодеяниям, теперь друзьями сделались его, учениками.

Ближайшими его друзьями были выдра, шакал и обезьяна, сердца которых были привязаны к нему глубоким уважением и любовью, вызванными его возвышенными добродетелями. Слово родственники, взаимная любовь которых скреплена еще и узами родства, иль как друзья, чья дружба выросла в любви взаимной и взаимном уваженье, они проводили там время в сердечной радости. И, отвратившись от грубой, животной стороны своей природы, они проявляли состраданье ко всему живому и, угасив жадность в себе, забыли о воровстве; они вели там жизнь, согласную со святым законом, приобретая тем добрую славу себе; и, обладая проницательным умом, они были тверды в исполнении своих обетов. Такою жизнью, образцом для праведных людей, они вызывали изумление даже у богов.

4. Есть путь, благоприятный наслаждениям земным, стеснительный для добродетелей; и есть другой путь жизни, отлогий в сторону добра, крутой для наслаждений: ведь даже человек, на сторону добра став, сияет чудным блеском, насколько ж больше — в облике животном существо!

5. Под видом зайца Бодхисаттва был учителем их мудрым; и ставил он всего превыше состраданье к ближним; так много добродетелей его чудесную природу украшали, что слава их и мира небожителей достигла.

И вот однажды вечером к Великосущному пришли его друзья послушать наставления в святом законе и с глубочайшим почтением уселись около него; в это время почти полный диск луны, которая стояла очень далеко от солнца, сиял ослепительным блеском, словно серебряное зеркало без ручки. Он, посмотрев на луну и увидев, что одна сторона ее кажется не совсем круглой, вспомнил, что луна уже четырнадцатый день восходит в своей светлой половине, и обратился к своим друзьям:

6. «Луна как будто улыбается прекрасным полным диском, всем добрым говорит она о празднике *пошадха*¹.

Так, значит, завтра — пятнадцатый день луны. Посему вы должны надлежащим образом выполнить предписания, относящиеся к празднику *пошадха*, а именно: вы должны почтить гостя, явившегося в надлежащий час, прекраснейшею пищей, полученной надлежащим образом, и лишь после этого удовлетворить свои насущные потребности. Подумайте, о достопочтенные:

7. Соединение всякое кончается разлукой, за возвышением следует ужасное паденье; изменчива, непостоянна жизнь, как молнии зигзаги; поэтому особенно внимательны должны мы быть к исполнению долга.

8. Поэтому стремитесь щедростью и добрым поведением заслуг побольше накопить: подобные заслуги есть лучшая опора мира в его вращенье трудном по пути перерождений.

9. Что месяц чудным блеском превосходит звезд многочисленных сиянье, а солнце тысячью лучей своих горячим блеском затмевает все светила — та высота прекрасных качеств есть следствие заслуг великих.

10. И силою заслуг властителей земли их гордые министры и вассалы в великой радости, как кони добрые, несут ярмо их приказаний, забывши гордость всю свою.

11. Несчастье следует за теми, кто святых заслуг лишен, хотя б они стремились идти путем житейской мудрости²; боясь существ, заслугами богатых, оно как будто в злобе бродит возле тех, кто без заслуг живет.

12. Поэтому, оставив беззаконий путь бесславный, основу всех несчастий, направьте помыслы свои на уловление возможностей достичь святых заслуг — прекрасных средств блаженство получить».

«Да будет так!» — промолвили его друзья, выслушав это поучение, после чего приветствовали своего учителя и, почтительно обойдя его слева направо³, разошлись каждый в свое жилище. Как только удалились его друзья, Великосущный впал в такие размышления:

13. «Если придет к ним гость, возможность есть у них почтить его так иль иначе; мое же положение плачевно.

14. Нельзя же гостю предложить травы побегии, что я могу отгрызть зубами, такие горькие! Увы, беспомощность моя!

15. Что пользы мне от жизни столь печальной, от неспособности моей? Ведь даже наслаждение видеть гостя в муку переходит!

К чему же после этого мне тело мое ничтожное, раз я не в состоянии даже должным образом принять гостя? И будет ли кому какая польза, если его лишиться?»

Так размышляя, Бодхисаттва снова оживился и подумал:

16. «Имущество, которое вполне годится для того, чтоб гостя им почтить, легко так достижимо; оно в моей ведь власти, да и к тому же безупречно: мое то тело!

Чего же мне печалиться?»

17. Чем гостя угостить — нашел я! Теперь оставь, о сердце, свое уныние, печаль. Своим вот этим телом почту я гостя, желание его исполню!»

Придя к такому решению, Великосущный почувствовал необычайную радость, словно он наткнулся на ценнейшую находку, и остался у себя дома.

18. Когда же распустилась в его сердце мысль столь дивная, благоволение, сила проявились у небожителей.

19. Тогда, как бы от радости, земля вся задрожала, и с нею горы, и не осталось недвижимым одеяние ее — великий океан, раздалось в воздухе звучание божественных литавр, и горизонт прекрасным ясным светом озарился.

20. И с продолжительным далеким гроыханьем поплыли отовсюду облака, вокруг них пояс был из молний; и, улыбаясь, они над Бодхисаттвой ливень пролили цветов, которые пылью повсюду рассыпали.

21. И ветерок почтил его: подул он в направлении Бодхисаттвы и ароматную принес пылью цветов различнейших деревьев; казалось, в радости своей он одарил его тончайшею одеждой, узор которой был неразличим из-за ее движения.

Божества с глубоко изумлением и радостью повсюду прославляли это дивное решение Бодхисаттвы, и когда Шакра, владыка богов, о нем узнал, то сердце его преисполнилось удивления и любопытства. Желая испытать Великосущного, на другой день, когда солнце достигло середины неба и бросало жгучейшие лучи; когда на горизонт, одетый в ткань из сияющих лучей, окутанный массой сверкающего зноя, нельзя было взглянуть, когда сильно укоротились тени, когда внутренность леса звучала от все усиливающегося стрекотания цикад; когда птицы перестали летать; в то время, когда путники лишаются сил от усталости и зноя, Шакра, повелитель богов, под видом брахмана, как бы заблудившегося в дороге и измученного голодом, жаждой, усталостью, унынием и печалью, громко рыдая, стал звать на помощь, находясь неподалеку:

22. «Отбился я от каравана, брожу один в лесной глуши, измучено мое все тело усталостью и голодом. О добрые, меня спасите!

23. Утратил я способность различать дорогу, бездорожье, не знаю даже, где какая сторона, один блуждаю наобум в лесной глуши; я изнурен жарою, жаждою, усталостью. Кто ж оживит меня гостеприимным словом — «о, не бойся!»?»

И вот великосущные, у которых содрогнулись сердца от его жалостных слов и воплей о помощи, с чрезвычайной поспешностью устремились ему на помощь и побежали к тому месту. Увидев печальное зрелище — путника, сбившегося с пути, и приблизившись к нему, они почтительно приветствовали его и обратились к нему со словами утешения:

24. «О, перестань, не беспокойся, что в лесной чащобе заблудился, ведь возле нас ты, как среди своих учеников.

25. Мы просим, окажи нам милость, оставаясь здесь сегодня на нашем попеченье, путник дорогой. А завтра ты пойдешь, куда тебе угодно».

Тогда выдра, заключив из молчания путника, что их приглашение принято, побежала с радостной поспешностью и, принеся семь рыбок рохита⁴, обратилась к нему:

26. «Вот рыбки, семь их; словно от усталости уснув, они на берегу лежали: рыбак ли их забыл, или они от страха сами прыгнули на берег. Я их взяла, покушай же и оставайся здесь».

Также и шакал, принеся пищу, какая у него в то время оказалась, отвесив глубокий поклон, почтительно сказал так:

27. «Вот одна ящерица, с кислым молоком кувшин, здесь их оставил кто-то, путник. Будь добр и окажи свое благоволение — вкуси от них, и в этом пусть лесу твоя обитель будет, о обителище всех добродетелей».

Промолвив так, он поднес ему пищу с высочайшей радостью в сердце. Тогда пришла и обезьяна с плодами мангового дерева. Они были совершенно зрелые и мягкие, ярко-оранжевые, словно окрашенные порошком красного мышьяка, совершенно гладкие, без бугорков; кончики стеблей были ярко-красные. Смирно поклонившись, обезьяна обратилась к путнику с такими словами:

28. «Вот манго зрелые плоды, приятная вода и тень, что освежает подобно наслаждению общенья с добрыми. Вот что могу я предложить тебе, о лучший из знатоков *брахмы*! Вкуси от этой пищи и найди ты здесь себе приют».

Затем к нему приблизился и заяц и после вежливых приветствий, глядя с глубочайшим почтением на путника, стал приглашать его, предлагая ему в пищу свое тело.

29. «У зайца, выросшего здесь в лесу, нет ни бобов, ни зерен риса, ни семян сезама; о, приготовь же на огне мое хоть тело и, подкрепившись им, сегодня останься ты в лесу отшельников!

30. От радости при встрече с нищим каждый, чтоб удовлетворить желание его, показывает все свое богатство, но у меня ведь, кроме тела, богатства нет иного; возьми же все, что мне принадлежит!»

Шакра сказал:

31. «Как может человек, подобный мне, убить живое существо, не говоря уж о тебе, ко мне явившем дружескую любовь!»

Заяц сказал:

«Действительно, то, что ты сказал, приличествует брахману, склонному к состраданию. Все же окажи нам милость, останься здесь до тех пор, пока я найду какое-либо средство выразить свое расположение». Тогда Шакра, владыка богов, постигнув его намерение, своею божественной силой создал целую кучу углей без дыма, из которой летели во все стороны искры; угли сверкали, как расплавленное золото, и над ними вилось легкое пламя. И вот заяц, озираясь по сторонам, увидел этот костер, его сердце исполнилось радости, и он сказал Шакре:

«Я нашел средство выразить тебе свое расположение. Благоволи же сделать надежду на твою милость не бесплодной, прошу тебя, насладись моим мясом!

Посмотри, о великий брахман:

32. Я должен щедрости дела творить, и рвется к жертвам сердце; к тому ж я встретился с таким, как ты, достойным гостем. Возможно ль без труда достигнуть столь счастливого стечения обстоятельств? О, да не будет же напрасным это, поскольку от тебя зависит».

Обратившись к нему с такими словами, Великосущный убедил его своим проявлением высокого почтения, уважения и гостеприимства.

33. Потом с великой радостью он бросился в пылающий огонь, как будто скряга, вдруг увидевший сокровища, или как дивный лебедь, ныряющий в заросший лотосами пруд.

Когда Шакра, владыка богов, увидел это, его сердце было поражено величайшим изумлением, и он, приняв свой божественно прекрасный облик, почтил его словами, приятными для сердца и для слуха, предварив их целым потоком небесных цветов. Затем он взял его своими руками, прекрасными, как лепестки цветов белого лотоса, пальцы которых украшали их, как драгоценности, и показал его божествам:

«Взгляните вы сюда, о боги-небожители! Возрадуйтесь вы великому подвигу Великосущного!

34. О! Как сегодня он без размышлений, из любви лишь к гостю, легко расстался с телом! Меж тем как слабодушные без дрожи не расстаются даже и с цветами, которые от жертвоприношения остались.

35. Какая противоположность меж его животным обликом и этой тонкостью ума и благородным самоотречением! Сколь поразительный урок для тех богов, людей, что нерадивы в накоплении заслуг!

36. Как сильно ум его проникнут блеском постоянных упражнений в добродетели! О, как своим поступком благородным к достойной жизни любовь он проявил!»

После этого Шакра, заботясь о благе мира, чтобы увековечить этот дивный подвиг, украсил изображением зайца, как счастливым предзнаменованием, верх лучшего из своих храмов — Вайджаянты⁵ и залы собраний небожителей — Судхармы⁶, а также диск луны.

37. Поэтому еще теперь на полном месяце сияет в небесах изображение того зайца, как будто отражение в зеркале серебряном.

38. С тех пор ночи украшение — месяц, что заставляет расцветать улыбкой лотосы, известен в мире стал под именем Шашанка («Со знаком зайца»).

А выдра та, шакал и обезьяна были взяты после этого с земли и перенесены на небеса благодаря тому, что имели такого святого друга.

Таким образом, добродетельные великосущные даже в облике животных проявляют щедрость, соответственно своим силам; кто же не будет щедрым, имея человеческий образ?

[Это же следует приводить в подтверждение мысли, что добрые почитают также и животных за их преданность добродетели. Помня об этом, нам следует стремиться к добродетелям.]

И снова мы видим полную самоотверженность и жертвенность...

Отдача себя во имя чего-то высшего — вот, наверно, главный смысл этой сказки. Отдача своего тела — материальный образ-символ, но за ним скрыт духовный смысл.

VII. ДЖАТАКА ОБ АГАСТЬЕ

Героическое проявление щедрости является украшением даже лесных отшельников, а тем более домохозяев.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Будучи еще Бодхисаттвой и идя для блага мира по пути перерождений, Владыка осчастливил своим рождением великий брахманский род, отмеченный среди других своей хорошей жизнью, добродетелями и чистотой; он был украшением всей земли, подоб-

но тому как поднявшийся высоко полный месяц осенью украшает небо своим ярким диском. Над ним были исполнены в надлежащем порядке различные священные обряды, предписанные священным писанием и священным преданием, — *джатакарман* и так далее; изучив *Веды с Ангами*¹ и весь ритуал, он наполнил весь мир славой о своей учености; благодаря же богатствам, которые он собрал, обращаясь к щедрым людям, ценившим высокие моральные достоинства, он составил значительное состояние.

1. Как облако большое, над страной дождем пролившись, так он своим богатством всем нес радость — родным своим, и близким, и друзьям, и людям, жившим под его защитой, — всей толпе несчастных бедняков, а также и наставникам и почитаемым гостям своим.

2. Блеск его славы, что ученостью своей он приобрел, сиял еще сильнее от дивной щедрости его: так совершенная краса луны становится еще прелестней, когда она прояснена осенней ночью.

Но вот Великосущный постиг, что состояние домохозяина является источником греховности и тесно связано с деяниями дурными, оно — причина упоения мирскими делами и пренебрежения к религиозному долгу, оно причиняет беспокойство, вынуждая заниматься приобретением имущества и его охраной; оно — мишень для сотен стрел пороков и страстей, противных успокоению; оно изнурительно, так как связано с исполнением множества деяний, и в то же время не дает удовлетворения. Узревши также, что отречение от всего земного, столь благодатное и свободное от всех этих пороков, благоприятное для выполнения религиозных обязанностей, является тем состоянием, в котором можно приступить к осуществлению святых законов правды, ведущих к освобождению, он, отбросив, как траву, свое богатство, приобретенное им без особенных усилий и привлекательное для него лишь тем, что благодаря ему он пользовался уважением среди народа, весь отдался аскетизму — отречению от мира и строгому исполнению обетов. Однако, хотя Великосущный и ушел из мира, благодаря чудесному сиянию его славы, воспоминаниям о его прежнем восхвалении, отличавшему его спокойствию и преклонению перед его высокими достоинствами, народ, привязанный к нему всем сердцем за его многочисленные добродетели, в своих исканиях спасения стремился к нему так же, как и прежде. Он же, избегая подобных встреч с мирянами, как нарушающих высокое блаженство уединения и служащих препятствием к освобождению от страстей, в своей любви к уединению удалился из прежних мест и украсил дивным сиянием своего подвижничества остров Кара². Остров этот находился далеко в Южном океане. Берега его были одеты гирляндой шаловливых волн, которые, колыхаясь от ветра, сверкали, как темно-синие куски смарагда; земля на острове покрыта была чистым белым песком; он был разукрашен различными деревьями, а на их ветвях красовались

цветы, побеги и плоды; недалеко от берега находилось озеро с прозрачной водой.

3. И, сильно исхудавший от тяжких подвигов, сиял он там, прекрасный, как на небе сияет тонкий месяц молодой, очарованья полный.

4. Подобно мудрому отшельнику, он жил в лесу, весь погруженный в исполнение обетов и подвигов, все чувства, действия его спокойны были благодаря спокойствию души; и звери дикие, и птицы понимали это, насколько позволял им слабый ум, и подражали в действиях своих ему.

Но в это время Великосущный, сохранивший, даже живя в лесу отшельников, старую привычку к подаяниям, продолжал почитать являвшихся к нему по временам гостей собранными надлежащим образом кореньями и плодами, чистой водой и сердечными, приятными речами приветствий и благословений, приличествующих отшельнику-аскету. Сам он пищу принимал в количестве, необходимом лишь для поддержания жизни, и питался только остатками скудной лесной пищи после угощения гостей.

Слава о его поразительных подвигах распространилась повсюду и привлекла сердце Шакры, владыки богов; и он, желая испытать стойкость Великосущного, заставил постепенно исчезнуть в этой лесной пустыне все употребляемые отшельником в пищу коренья и плоды. Однако Бодхисаттва, мысли которого были поглощены созерцанием, привыкший к чувству удовлетворенности, равнодушный к внешнему миру и потому безразличный к еде и своему телу, не обратил даже внимания на причину исчезновения всего. Приготовив на огне нежные листья деревьев, он ел их, не желая ничего другого, не стремясь к лучшей пище, и проводил время в таком же спокойствии, как и раньше.

5. Нигде не будет затруднений в пище того, кто верен обету удовлетворенности. Где же не найти травы, иль листьев, или пруда с водой?

Шакра, владыка богов, был еще более изумлен таким поведением Бодхисаттвы, и глубокое уважение к его добродетелям стало в нем еще сильнее. Для нового испытания он снял, подобно знойному ветру в летнюю жару, всю массу зелени со всех кустарников, трав и деревьев в той местности в лесу, где Бодхисаттва жил. И Бодхисаттва, собрав еще свежие опавшие листья, питался ими, нисколько не падая духом, и, всем сердцем наслаждаясь блаженством созерцания, он проводил там время, словно питаясь амритой³.

6. Ведь скромность образованных и бескорыстие богатых, аскетов удовлетворенность, в лесу живущих, — вот наилучший путь украсить добродетели свои⁴.

Тогда Шакра, удивление которого еще более возросло от этой необыкновенной постоянной удовлетворенности, словно раздраженный этим, предстал пред ним как гость под видом брахмана,

как раз в то время, когда Великосущный, совершив согласно со своим обетом жертвоприношение агнихотра⁵, шептал последние молитвы и озираясь, желая увидеть гостя. И Бодхисаттва, чье сердце исполнилось радости, приблизился к брахману и после предварительных приятных слов приветствия пригласил его откусать, возвестив, что настало время принятия пищи. И, заключив из молчания гостя, что его приглашение принято, Великосущный,

7. От радости глубокой, что сможет проявить свою щедрость, расцвел прекрасным ликом, расширились его глаза, и, гостя ласково приветствовав словами нежными, приятными для сердца и для слуха, ему он пищу всю свою отдал, добытую с таким трудом, а сам как будто радостью одной насытился.

И вслед за этим он, войдя в свой дом для созерцания, провел тот день и ночь в великой радости. И вот Шакра являлся перед ним подобным же образом во время, предназначенное для исполнения обета [гостеприимства], и во второй, и в третий, и в четвертый, и в пятый день. И Бодхисаттва с все возрастающей радостью ему постоянно оказывал почтение.

8. У добрых ведь стремление к даяниям, которое основано на постоянном проявлении сострадания, не ослабеет малодушно даже из-за смертных мук.

Тогда сердце Шакры исполнилось глубочайшего изумления, и он постиг, что если только Бодхисаттва возымеет желание, он в силу своих несравненных подвигов сможет достигнуть даже блеска дивного — владычества над самими богами; в сердце Шакры зародились опасения и заботы, и он, приняв свой полный божественный красоты облик, обратился к Бодхисаттве с вопросом о причине его подвигов:

9. «Оставив дорогих родных в слезах и состояние свое, источник наслаждений, — куда забросил ты крючок своих надежд, сам опираясь на эти тяжкие страдания — подвиги?

10. Презрев легкодоступные улады жизни, повергнув в скорбь родных, их оставляют мудрые ведь не по прихоти пустой и сами отправляются в леса отшельников, далекие от наслаждений.

11. Коли находишь ты возможным это мне сказать, благоволи ты утолить мое большое любопытство: что же за цель та, высокие достоинства которой даже твой прельщают ум?»

Бодхисаттва сказал:

«Да услышит господь, что является целью моих стремлений.

12. Повторные рожденья — зло ужасное, а также старости несчастье и различные тяжелые болезни; а мысль о неизбежной смерти рассудок помутить способна. От этих зол спасти весь мир — вот я к чему стремлюсь!»

После этого Шакра, владыка богов, понял, что Бодхисаттва стремится не к его божественному великолепию, и успокоился в своем сердце; ум его был умилен прекрасными словами Бодхисаттвы, и, с похвалой назвав речь его прекрасной, он предложил ему выбрать желанный дар:

13. «Отшельник Кашьяпа⁶, я за твои прекрасные достойные слова⁷ тебе дам все, чего бы ты ни пожелал, так выбирай же!»

В ответ на это Бодхисаттва, равнодушный к счастью и наслаждениям бытия и считая неприятным обращаться с просьбами, так как он был весь проникнут удовлетворенностью, сказал Шакре:

14. «Если ты хочешь дать мне милостивый дар, то выбираю я, о лучший из богов, такой дар:

15. Жадности огонь, который жжет не знающие удовлетворенья сердца тех, кто получил желанную супругу и детей, достиг богатства и могущества — и даже больше, чем желал, — да не проникнет в мое сердце».

Тогда Шакра, умиленный еще в большей степени его стремлением к удовлетворенности, так ярко выраженным в его прекрасно сказанных словах, снова обратился к Бодхисаттве и, похвалив его возгласом: «Прекрасно! О, прекрасно!» — предложил ему выбрать еще один дар:

16. «Отшельник! Я в награду за твои прекрасные, достойные слова с высокой радостью даю тебе еще дар».

Тогда Бодхисаттва, под предлогом просьбы о желанном даре, имея в виду показать трудность достижения освобождения от врожденных дурных страстей, снова дал ему наставление в законе:

17. «Желанный если дар ты мне даешь, о Васав⁸, вместилище достоинств чудных, то выбираю я ничуть не худший дар другой, о величайший из богов:

18. Да будет ненависти пламя, которое, как враг, созданными овладевая, заставить может их прийти к утрате всех богатств и к осквернению касты и блага доброй славы, да будет пламя то далеко от меня».

Услышав это, Шакра, повелитель богов, с изумлением выразил свою похвалу: «Прекрасно! О, прекрасно!» — и снова обратился к нему:

19. «Поистине возлюбленной подобна слава, она сопровождает всюду тех, кто мир покинул! За эти дивные слова свои ты получи здесь от меня еще другой желанный дар!»

Тогда Бодхисаттва по своей вражде ко врожденным дурным страстям, выражая порицание общению с существами, зараженными этими страстями, как бы принимая предложенный дар, сказал:

20. «О, сохрани меня ты от несчастья слушать где-нибудь глупца, иль на него смотреть и говорить с ним!»

Не дай мне испытать тяжелый гнет совместной жизни с ним! Сей дар я выбираю, его я у тебя прошу».

Шакра сказал:

21. «О, без сомнения в беду попавший человек особенно достоин сострадания добрых; глупость ведь корень всех несчастий, а потому она и есть страшнейшее несчастье.

22. Но почему же ты, столь сострадательный, не хочешь даже видеть глупого — того, кто больше всех других достоин сострадания?»

Бодхисаттва ответил:

«По причине его неизлечимости, о господин. Пойми, владыка:

23. О, если б глупого возможно было излечить тем или иным путем, то разве человек, подобный мне, не приложил бы всех усилий ради его блага?

Но человек такой, должен ты понять, совершенно недостоин, чтоб принимались за его лечение.

24. Он поступает недостойно, но считает праведным такое поведение, и потому других направить на превратный путь стремится; он не привычен к скромности и честности пути и гневом закипает, когда дают ему благой совет.

25. Когда такое существо, жестокое в своей ужасной злобе, безумьем воспылает от уверенности в мудрости своей и обнаглеет от недостатка скромности и воспитания, скажи, какое средство есть тогда к добру его направить?

26. По этой-то причине, от невозможности помочь, о бог великий, те, кто склонен к состраданию, встречаться с глупым избегают, поскольку он неизлечим!»

Услышав это, Шакра одобрил его слова возгласом: «Прекрасно! О, прекрасно!» — и, изумленный, вновь сказал:

27. «Никто не может оценить сокровище — прекрасно сказанное слово; но в радости своей я словно горсть цветов даю тебе теперь — возьми же дар желанный!»

После этого Бодхисаттва, желая показать, что добродетельный может быть счастлив во всех положениях, обратился к Шакре с такими словами:

28. «Хотелось бы мне видеть мудрого, его послушать, а также жить с ним вместе, Шакра! Хотел бы с ним вести разумные беседы: сей дар ты дай мне, лучший из богов!»

Шакра сказал:

«Мне кажется, ты слишком уж привержен к мудрым. Скажи, однако, мне:

29. Что сделал мудрый для тебя? Скажи, о Кашьяпа, причину, зачем ты, как немудрый, так стремишься видеть мудрых?»

Тогда Бодхисаттва, желая показать ему величие добродетельных, сказал:

«Да узнает господин, почему мое сердце стремится видеть мудрых!

30. Ведь мудрый сам идет путем благим, а также и других ведет дорогой той же; слова, как ни были б они суровы, в нем раздражения не вызывают, коль сказаны они ему на благо.

31. Всегда украшен мудрый скромностью и прямо-той, всегда принять во благо оказанное может, и так как дух мой сам стремится к добродетели, то он склоняется к сторонникам добра».

Тогда Шакра выразил свое одобрение словами: «Прекрасно! О, великолепно!» — и с возросшей милостью он предложил Бодхисаттве избрать себе еще дар:

32. «Конечно, ты достиг всего, приобрета душевное удовлетворенье, но окажи мне милость и благоволи еще один ты дар принять.

33. Ведь милость, что предложена с любовью, с надеждой помощь оказать по мере сил своих, становится источником страданий тяжких, когда она отвергнута!»

Тогда Бодхисаттва, увидев великое стремление Шакры проявить свою милость и желая сделать ему благое и приятное, показывая всю силу своей жажды проявлять щедрость, сказал:

34. «Пусть пища дивная твоя, свободная от пагубы и разрушенья, и сердце, что сияет решимостью быть щедрым, а также просящие, украшенные чистым поведением, — да будет это все мое! Сей лучший дар я выбираю!»

Шакра сказал: «Ты целая сокровищница прекрасных речей!» — и далее он произнес:

35. «Как ты просил, все так и будет, и сверх того тебе даю я новый дар за то прекрасно сказанное слово».

Бодхисаттва сказал:

36. «О, если хочешь даровать мне дар благой, являющий твое расположение, о превосходнейший из всех живущих в небе, то не являйся мне опять в таком сиянье дивном — сей дар я выбираю, сокрушитель дайтьев!»

Тогда Шакра, как бы раздраженный, в изумлении сказал: «Не говори так, господин!

37. Народ весь жаждет лицезреть меня, стремясь достичь того путем молитв, обетов, жертв и изнурительных тяжелых подвигов. Ты ж этого не хочешь. По какой причине? Ведь я пришел сюда с желанием дар предложить тебе».

Бодхисаттва сказал: «О, откинь свое недовольство! Тебя я успокою, о повелитель богов! Это не есть ни недостаток учтивости, ни выражение недостаточно высокого почтения, ни желание больше не встречаться с тобой в одном и том же месте, о владыка! Напротив!

38. Когда я созерцаю дивный образ твой, нечеловечески прекрасный и полный ясной прелести, сияющий небесным блеском, меня охватывает опасенье: — «О, как бы не забыть о подвигах своих!» — боюсь я даже вида твоего, столь милостиво благосклонного!»

После этого Шакра, поклонившись Бодхисаттве и обойдя его с почтением слева направо, исчез. На рассвете Бодхисаттва увидел большое количество небесной пищи и питья. Это было ниспослано силою Шакры. И увидел он также много сотен *пратьекабудд*, явившихся по приглашению Шакры, и много божественных юношей, высоко опоясанных поясами, готовых служить им.

39. Отшельник мудрый, угостив той пищей и питьем великих риши¹⁰, пришел в возвышенную радость, а потом он наслаждался жизнью, отшельнику приличную, все время проводя там в исполнении обетов несказанных, созерцанье и спокойствии души.

Таким образом, «героическое проявление щедрости является украшением даже лесного отшельника, а тем более домохозяйина». Помня об этом, добродетельные должны украшать себя героизмом в делах милосердия.

[Эту же джатаку следует приводить, говоря о несравненной радости щедрого человека, при порицании жадности, ненависти, ослепления и глупости, говоря о добродетелях, развивающихся от общения с прекрасными друзьями, о чувстве удовлетворенности и о величии Татхагаты¹¹.

Таким образом, даже в своих первых рождениях наш владыка был дивным кладезем сокровищ — прекрасных слов; тем более, когда он достиг просветления.]

К сказанному хочется добавить, что предшествующие джатаки — изречения, приписываемые Будде, находят свое воплощение в его же поступках. Также и любому учителю не стоит проповедовать качества, которые хотя бы в малой степени не были присущи ему. Только тогда мы не разочаруем ребенка, который многое видит и чувствует. Будет честно, если учитель даст понять, что и сам хотел бы приобрести некоторые недостающие ему качества, и вместе с ребенком устремится к их достижению. Такой учитель наверняка вызовет в детях уважение, доверие и любовь.

XXX. ДЖАТАКА О СЛОНЕ

Даже страдание, если оно несет благо ближнему, праведные ценят высоко, словно прибыль. Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва как-то был большим слоном, живущим одинокой жизнью в некоем пригодном для жительства слонов лесу, словно украшенном нежными порослями прекрасных деревьев, верхушки которых были скрыты плодами, цветами и побегами; с

землей, покрытой разнообразными кустарниками, деревьями и травами; с горами и возвышенностями, которые словно задержались здесь, привязавшись всем сердцем к чарующей красоте леса и не тоскуя по другим местам. Этот лес, имевший многоводное и глубокое озеро, отделенный со всех сторон от населенных мест великою пустыней, где не было ни дерева, ни куста, ни воды, служил прибежищем лесных животных.

1. Деревьев листьями и лотоса побегами, водой питаясь, как подвижник, он наслаждался удовлетворением и спокойствием.

Однажды Великосущный, проходя по опушке этого леса, услышал доносившийся из пустыни человеческий крик. У него явилась мысль:

«Что бы это могло быть? Ведь через эту местность не проходит никакая дорога, идущая в какую-либо страну; не похоже, чтобы эту великую пустыню пересекли охотники, тем более ради связанной с большими лишениями ловли моих сородичей-слонов.

2. Значит, либо с дороги это сбившиеся люди, проводники которых заблудились, иль люди, изгнанные гневом царским либо беспутством собственным своим.

3. К тому же слышится оттуда звук бессильный, лишенный радости, веселья, бодрости и полный лишь одних страданий, как будто кто-то там рыдает!

Во всяком случае, я это узнаю».

И с этой мыслью Великосущный, увлекаемый состраданием, устремился туда, откуда слышались звуки человеческого голоса. Когда он услышал более ясные вопли, полные отчаяния и уныния, эти умоляющие крики преисполнили состраданием его сердце, и он побежал туда еще быстрее. Выйдя из лесной чащи и посмотрев вдаль, — а та местность была лишена деревьев и кустарников, — он увидел людей, числом семьсот, ослабевших от голода, жажды и усталости, обративших взоры к тому лесу и умоляющих о помощи. Люди эти тоже заметили Великосущного, приближавшегося к ним, словно движущаяся вершина снежной горы, или сгустившийся белый туман, или осеннее облако, как будто гонимое к ним силою ветра; заметив, что он обратился в их сторону, охваченные отчаянием и унынием, они подумали: «Он убьет нас теперь, мы погибли!» Но даже когда ужас овладел их сердцами, лишенные сил от голода, жажды и изнеможения, они не смогли сделать усилия, чтобы бежать.

4. Отчаяньем охваченные, бессильные от голода, усталости и жажды, даже в опасности они попытки сделать не могли к спасенью бегством.

И Бодхисаттва, видя их испуг, промолвил: «Не бойтесь, о не бойтесь! Вам от меня нет никакой опасности!» — и поднял свой хобот с гладким, медно-красным широким пальцем, успокаивая

их. Приблизившись к ним, он, испытывая сострадание, спросил: «Кто вы? И как вы попали в эту страну?»

5. От пыли, солнечных лучей вы побледнели и исхудали! Тоской, усталостью измученные, кто вы, зачем пришли сюда?»

И те люди, пришедшие в себя благодаря его обращению человеческим голосом, выразившим не только то, что он даровал им безопасность, но и готовность прийти на помощь, поклонились ему и сказали:

6. «Сюда мы гневом царским на глазах родных, отчаявшихся в скорби, заброшены, слонов владыка.

7. Но, видно, не совсем еще несчастна наша доля; теперь лицом к нам счастье обратилось, когда ты нас увидел, прекраснейший из всех друзей и родичей!

8. Теперь же выпало нам счастье лицезреть тебя, и потому мы знаем, что позади остались наши беды! Тебе подобного даже во сне увидев, кто от несчастья бы не спасся?»

И великий слон сказал им: «Сколько же вас?» Люди ответили:

9. «Была нас тысяча мужей, оставленных здесь государем, о прекраснотелый! Но многие, не знавшие страданий раньше, от голода, от жажды и тоски погибли.

10. И вот нас здесь, слонов владыка, семь сотен лишь осталось, которых смерти пасть вот-вот проглотит; для нас ты воплощенным утешением явился!»

Когда Великосущный услышал это, от присущего ему сострадания у него на глазах выступили слезы и, охваченный жалостью к путникам, он сказал им приблизительно так:

«О горе!

11. Увы! Как жалости лишен, стыда не знает, о мире том не беспокоится ум этого царя! О, каково же к собственному благу пренебрежение чувств его, которых увлекает великолепье царское, изменчивое, как зарница.

12. Я думаю, не знает он, что смерть близка, не слушает, что грех плохим кончается. Увы, как же беспомощны цари, что, очень плохо рассуждать умея, столь невнимательны к словам совета.

13. Ведь тела одного лишь ради, вместилища болезней, от смерти гибнущего, подобная к живым жестокость! О неразумие великое!»

И вот у повелителя слонов, обратившего свои взоры, полные нежности и сострадания, на тех людей, явилась мысль:

«Измученные голодом, жаждою и усталостью, сильно ослабевшие телом, как смогут они без целительной пищи пройти эту безводную, без всякой тени, простирающуюся на много йоджан пустыню? Что могло бы без особых затруднений послужить для них пропитанием хотя бы на один день, даже и в этом лесу слонов? Тем не менее они смогли бы, захватив в дорогу мое мясо и

набрав воды в мои внутренности, как в мехи, пересечь эту пустыню, но никак иначе!

14. Поэтому пусть станет мое тело, вместилище столь многих сотен немощей, ладьею для спасения от несчастья обьятых муками людей.

15. Для достижения блаженства — и неба, и освобожденья конечного — пригодно рождение человеком. Но трудно достигается оно. Так пусть же не пройдет оно для них бесследно.

16. В своей я местности здесь нахожусь; пришедшие сюда — мои ведь по закону гости! В несчастье впавшие, родни лишенные, они особенного сострадания достойны!

17. О, наконец-то многих немощей сосуд, труда так много доставляющая из-за своих болезней постоянных, носящая название «тело», зла громада на пользу ближних здесь себе употребление найдет!»

Некоторые из пугников, с телами, истощенными от страдания, голода, жажды, усталости и зноя, сложив руки в мольбе, со слезами на глазах, поклонились ему и, в изнеможении, знаками рук просили у него воды:

18. «Ведь ты прибежище для нас, родни лишенных, защита наша! Благоволи спасти нас, высокоблаженный, путем, который знаешь ты!»

Так жалостно они ему говорили. Другие, более сильные духом, просили его указать место, где есть вода, и дорогу для спасения из гибельной пустыни:

19. «С водою пруд, с холодною водой река здесь если есть иль водопад, тенистые деревья иль зеленая лужайка? О царь слонов, ты нам их укажи!»

20. И если полагаешь ты, что из пустыни этой можно выйти, то, милосердие проявив, нам направление это покажи!

Ведь мы уж много дней бродим здесь, в пустыне. Посему да благоволит владыка нас спасти!»

И сердце Великосущного еще сильнее преисполнилось состраданием из-за этих жалостных просьб, и так как из этой пустыни можно было спастись, то он, показывая им на гору своим поднятым, как изгиб большой змеи, толстым хоботом, сказал: «Под этой горой находится большое озеро с чистой водою, украшенной цветами лотоса; вот этой дорогой вы и идите. Там вы освободитесь от зноя и жажды и от усталости. Недалеко отсюда вы увидите тело слона, упавшего с горы. Захватив с собой в дорогу его мясо и, как в мехи, набрав воды в его внутренности, идите все в том же направлении. Таким образом без больших бед вы выйдете из этой пустыни». Так Великосущный сперва утешил этих людей, а затем поспешил уйти отсюда другою дорогою, поднявшись на вершину той горы; в стремлении спасти эту толпу

людей он решился отдать им свое тело и подкрепил свое твердое решение такими словами:

21. «Не для того стараюсь я, чтобы достигнуть состояния лучшего, и не из-за стремления к зонту, знаку величия царского, ни к наслаждениям несравненным в небесах или к блаженству Брахмы или конечного освобождения благу.

22. Но если есть заслуг хотя немного у меня, то пусть, стремясь спасти в пустыне гибнущих людей, буду я спасителем для мира, блуждающего в сансаре, как и в пустыне».

Придя к такому решению, Великосущный, в радости своей не думая о мучительной смерти от удара при падении, согласно со своим решением бросился с обрыва.

23. Сиял он, падая, как облако осеннее, или как с диском опрокинутым садящийся за Астагири¹ месяц, или как покрывало снежное вершины горной, сброшенное ветром, стремительным от взмахов крыльев гаруды².

24. И, потрясая землю и ее горы, а также сердце Мары, властью опьяненное, как вихрь, с ужасным шумом падал он на землю, склоняя долу все лианы леса и лесные божества.

25. И, несомненно, обитавшие в лесу в то время боги, глубоко изумившись, от радости простерли к нему руки, украшенные пальцев вытянутых нежными побегами, и от восторга поднялись у них на теле волоски.

26. Благоуханными цветами, окрашенными сандаловой пылью, его осыпали одни, другие — украшениями или блиставшими узорами из золота одеждами своими.

27. Одни, благоговейно созданными гимнами, вверх поднимая сложенные руки, похожие на лотоса цветок, склоняя головы в чарующе прекрасных диадемах, в почтительных молитвах славили его.

28. Благоуханным и насыщенным пылью цветочной ветром, убиравшим венками пены волны, его другие оведали; а некоторые в воздухе над ним воздвигли балдахин из облаков густых.

29. Его почитать желая, одни в благоговенье в небесные литавры били; другие же украсили тогда деревья расцветшими не в их положенное время цветами, плодами и побегами.

30. А небеса осенней прелестью украсились, и солнца руки словно бы длиннее стали от радости его коснуться, и даже океан в своем стремлении к нему взметнул высоко волны.

Между тем путники, придя, наконец, к озеру и избавившись от зноя, жажды и усталости, как и было сказано Великосущным,

недалеко от озера увидели тело недавно умершего слона. У них явилась мысль:

«О, как этот слон похож на того владыку слонов!

31. То брат того великого слона, иль родственник какой-нибудь, иль сын? Ведь и того, и этого красой вершины снежной блистает тело дивное, хоть этот слон разбился.

32. Как будто красота всех лотосов в одно слилась, иль лунный свет в громаду обратился, иль тень того слона на зеркала поверхности здесь отразилась?»

И у некоторых, которые были более проникательны, явилась мысль: «Насколько мы видим, это тот же самый слон, необычайною красой подобный слонам-миродержателям. Заботясь о спасении людей, настигнутых несчастьем, лишенных родственников и друзей, он сам бросился с обрыва.

33. Так, значит, шум, что был нам слышен, подобный шуму урагана, землю потрясшего, паденьем вызван был его.

34. Сомнений нет — его ведь это тело, — краснеющее, будто корни лотоса; с украшенною пятнами изящно шерстью белой, как месяца лучи; и те же с белыми ногтями ноги, как у черепахи; тот же хребет, изогнутый красиво, словно лук.

35. Тот самый это, мады струйками блистающий, благоуханье ветру отдающий, продолговатый полный лик; и та же голова, высокоподнятая, великолепная, на крепкой шее, которой никогда погонщика не тронуло бодило.

36. Клыков та ж пара медоцветных, со знаком гордым, покрывшимся откоса красной пылью; тот самый хобот, с длинным пальцем-лотосом, которым нам дорогу показал.

Поистине, это самое необыкновенное чудо!

37. О, какую дружбу проявил он к нам, чья вера, поведение, происхождение известны раньше не были ему. Не слышал даже он о нас, судьбой убитых! Так какова же доброта его к друзьям или родным!

Всяческая слава и поклонение да будет ему, высокоблаженному!

38. К таким, как мы, несчастием измученным, от страха и тоски отчаявшимся людям, на помощь приходя и тем поддерживая гибнущее поведение праведных³, кто же такой он в образе слона?

39. Где научился он такой необычайной доброте? У ног какого же учителя в лесу сидел он? — «Одна телесная лишь красота без добродетелей не радуется», — народ так говорит, и здесь воочию увидеть это можно.

40. О, как своей природы дивной совершенством святую доброту он, как и должно, проявил! Поистине он

даже мертвый, найдя себе удовлетворенье, как будто радость выражает телом, сияющим, как снежная вершина.

Так кто же теперь сможет есть мясо того высокодобродетельного существа, которое, своей добротой далеко превосходя любящих родственников и друзей, явилось спасти нас и пожертвовало даже своею жизнью ради нас? Нам надлежит, оказав должное почитание, уплатить наш долг ему сожжением и похоронами его останков».

И, видя, что они, словно у них умер родственник, всем сердцем отдались скорби, что глаза их полны слез и рыдания прерываются в горле, более твердые духом, видя разницу в данном случае, сказали:

«Не так должен быть нами почтен и превознесен этот великий слон. Нам должно оказать ему почтение осуществлением его намеренья, вот так мы полагаем.

41. О нашем ведь спасении заботясь, он, незнакомый нам, пожертвовал свое так тело, что было дорого ему, ради любимых еще более гостей.

42. Поэтому намеренье его нам следует исполнить; иначе будет ведь напрасным этот подвиг!

43. Он из любви пожертвовал, чтоб оказать прием гостям, всем, что имел; так кто же, не приняв его, напрасным сделает его гостеприимство?

44. Приняв его слова, как наставление учителя, мы сможем оказать ему почтение и обеспечить безопасность для себя.

45. Избавившись от этих бедствий, потом все вместе или порознь окажем почести ему. Для этого великого слона исполним все обряды, которые для родственника должно совершать, ушедшего от нас».

Тогда те люди, помня намерение того великого слона, вытекавшее из его заботы о спасении их из пустыни, и не противясь его слову, взяв с собою мясо Великосущного и, как мехи, наполнив его внутренности водою, по указанному им направлению благополучно выбрались из пустыни.

Таким образом, «даже страдание, если оно несет благо ближнему, добродетельные ценят высоко, словно прибыль». [Это следует сказать при восхвалении добродетельных. Это же должно рассказать в слове о Татхагате. Или научая внимательно слушать святой закон. В слове о приобретении доброты должно говорить: «Таким образом, доброта, которую упражняли в других рождениях, проявляет свое действие и в последующих!» Следует также рассказывать об этом, научая добродетели постоянной щедрости: «Таким образом, привыкнув жертвовать имением, люди без труда жертвуют и любовью к себе самому». И о словах, сказанных Владыкой в час великой нирваны, когда он был окружен небесными цветами и звуками музыки: «Не так, о Ананда, не таким образом почитают Татхагату!» — это должно рассказать так: «Таким обра-

зом, почитание должно быть оказано осуществлением намерения, а не благоуханием венков и прочими приношениями».]

Во всех джатаках мы встречаем действие и еще раз действие. Духовность в действии. Самоотверженным, лишенным эгоизма поступком герои этих сказаний выражают себя, свою веру, надежду и любовь.

XXXI. ДЖАТАКА О СУТАСОМЕ

Общение с добродетельными, так иль иначе достигнутое, сулит спасение; зная это, стремящемуся к спасению следует искать опоры в добрых людях. Вот как об этом назидательно повествуется.

Будучи еще бодхисаттвой, Владыка принял рождение в знаменитом царском роде Кауравья, известном своею славою и знатностью и благодаря своей глубокой привязанности к добродетелям пользовавшемся искреннейшей любовью своих подданных. Его величие заставило гордых соседей склониться перед ним. Своему сыну, украшенному венцом лучей сотен добродетелей, приятному для глаз, как Сом¹, отец дал имя Сутасома. Подобно месяцу в светлой половине, ежедневно возрастала его красота и прелесть; с течением времени достигнув совершенного знания в области *Вед с Ангам* и *Упаведами*, сделав большие успехи в светских науках и искусствах, с их добавлениями, он сделался предметом глубокого уважения и любви народа. Вследствие своей всегдашней готовности оказать надлежащую поддержку, все возраставшего почтения и самоотверженной охраны народа он сделался как бы родственником добродетелей.

1. Прекраснейшее поведение, ученость, щедрость, сострадание, самообладание и подвигов сияние, кротость, мудрость, стойкость и смирение, а также скромность и стыдливость, разум, красота и слава, учтивость, проницательность и сила, чистота —

2. Подобные разнообразные, прекраснейшие добродетели, как бы украшенные юностью его и чистотой и благородством привлекавшие сердца, как *калы*² в месяце, в нем обитали.

И царь, видя его полную способность управлять народом, его великую и благую природу, возложил на него великолепие сана наследника престола.

3. И из любви к науке ему в высокой степени приятны были все изречения прекрасные, закону посвященные, и воздавал он почести высокие тому, кто с изречениями прекрасными к нему являлся.

И вот однажды Великосущный объезжал пригородные парки, которые были особенно приятны благодаря прелести разукрашенных могуществом весны побегов и чарующим улыбкам рас-

пускающихся цветов. Свежая трава, как ковром, повсюду устила-ла землю; пруды с синей прозрачной водой были устланы лепес-тками белых и голубых лотосов; воздух наполняло жужжание роев пчел, ползавших по цветам; резвились стаи кукушек и пав-линов; дул нежноароматный прохладный и приятный ветерок, и душу осеняла радость. Окруженный не особенно большим отря-дом войска, он заехал для игр в один парк.

4. Он в том саду, самцов-кукушек криками напол-ненным, украшенном чудесными беседками, бродил с любимыми подругами своими, как добродетельный в Нандане, среди склонившихся под тяжестью цветов прекраснейших деревьев.

5. И наслаждался там он пеньем мелодичным, со-провождаемым игрой на музыкальных инструментах и пляскою искусною с призывами и милыми игривыми движениями от опьянения веселостью блиставших жен-щин, а также и чарующего леса красотой.

Когда он находился там, к нему пришел некий брахман, сла-вившийся своими прекрасными изречениями. После того как ему был оказан учтивый прием, он уселся и погрузился в созер-цание дивной красоты царевича. И вот Великосущный, хотя он по своей юности наслаждался различными играми, выпавшими ему на долю, тем не менее по прибытии брахмана в силу своих великих заслуг почувствовал к нему глубокое уважение; но не ус-пел еще брахман насладиться плодами своего прихода, заключа-вшимися в чтении прекраснейших изречений, внезапно поднялся страшный шум, заглушивший звуки пения и музыки, убивший радость, рожденную увлечением игрой, породивший страх и от-чаяние среди женщин.

Услышав его, царь ласково велел стражам гарема: «Узнайте, что это такое». И стражи, со страхом, отчаянием и печалью на лицах, в смущении поспешно прибежав к нему, сказали: «Это, государь, пожиратель людей Калмашапада, сын Судасы, подо-бный самой смерти; по своей привычке губить сотни людей он более жесток, чем ракшаса; нечеловеческой силы, мужества и де-рзости, подобный ракшасу по своему страшному, наводящему ужас виду, он — воплощение ужаса, и он приближается сюда. Рассеяно наше войско: его стойкость пожрал страх, расстроены ряды колесниц, всадников, слонов; смешались воины. Поэтому пусть будет готов государь к сопротивлению или же примет ре-шение, подходящее для данного времени». И Сутасома, хотя и знал все сам, сказал им: «Да кто же тот, кого вы называете сы-ном Судасы?» Те ответили ему:

«Разве не известно государю, что был царь по имени Судаса. Отправившись на охоту и сброшенный лошадью, забравшись в лесную чашу, он соединился там со львицей, и эта львица забере-менела, а через некоторое время родила мальчика. Пойманный лесниками, мальчик этот был приведен к Судасе. «Бездетен я», —

подумал Судаса и воспитал его. Когда же отец ушел во град богов³, его царство унаследовал этот юноша. Благодаря порокам матери он чувствовал склонность к мясу. «Это мясо имеет лучший вкус, чем то», — подумал он, попробовав человеческого мяса и, убивая в большом количестве своих же горожан, стал пожирать их. И горожане собрались убить его. Испуганный сын Судасы обещал демонам, пожирающим приношения из человеческого мяса и крови: «Если я избавлюсь от этой опасности, я принесу в жертву демонам сто царевичей». И он избежал опасности. Много уже царевичей было похищено им, и теперь он пришел похитить и государя. Ты все услышал, государь, воля твоя».

И Бодхисаттва, знавший об извращенном, греховном поведении сына Судасы, из сострадания еще прежде положил в своем сердце излечить его; и так как он был уверен в своей способности уничтожить извращенность его поведения, то с радостью, словно приятную новость, выслушал известие о прибытии сына Судасы. Он сказал приблизительно так:

6. «Лишившийся престола из страсти к человеческому мясу и, словно пьяный, неспособный владеть собой, отпавший от закона своего, заслуги уничтоживший и славу, пришел он в состояние, достойное лишь сожаленья.

7. Возможность есть ли здесь для применения моих сил, иль только для боязни и смятения перед подобным человеком? Я уничтожу его греховность злую без напряжения, смятения и силы.

8. Даже если бы он ушел, и то достоин был бы сожаленья моего, но он ведь сам пришел в мои владенья. Мне подобает гостя надлежащим образом почтить. Ведь так все добрые относятся к гостям!

Посему каждый из вас пусть исполняет свои обычные обязанности».

Повелев так стражам гарема и прежде всего успокоив своих гелохранительниц — юных женщин, которые с широко раскрытыми от отчаяния глазами, заикаясь от волнения, приготовились преградить дорогу врагам, он направился туда, откуда неся этот страшный шум. Между тем сын Судасы, грязные одежды которого, не стянутые поясом, развевались во все стороны; с повязкой из мочалы на голове, с пыльными и грязными, спутанными волосами, обросший бородой, густо покрывавшей его лицо, словно тьмою; со страшными глазами, вращавшимися от гнева и ярости, с высоко поднятым мечом и щитом преследовал бежавшее войско царя. Увидев сына Судасы, царь бесстрашно и спокойно сказал: «Послушай, вот я — Сутасома! Вернись сюда! К чему заниматься подобным избеганием несчастных людей?» Эти слова вызова задели гордость сына Судасы, и он, как лев, повернулся к нему. Увидев Бодхисаттву, одного и безоружного, с естественной приветливостью во всем виде, он закричал: «Тебя-то я и ишу!» — и, недолго ду-

мая, внезапно в ярости стремительно бросился к нему и, подняв его на плечи, убежал с ним. Бодхисаттва же, понимая, что сердце его было возбуждено яростью и гордостью, дух же был исполнен смятения, а вследствие бегства царского войска в нем поднималась радость и тщеславие, подумал: «Теперь не время наставлять его», — и остался хладнокровно спокойным. А сын Судасы, добившись такой великой ценности и словно получив желанное, с великою радостью в сердце вступил в свое недоступное жилище.

9. Ужасная земля, покрытая людей убитых трупами и кровью орошенная, зловещими шакалов криками как будто людям злобно угрожала;

10. Деревья, покрывавшие ту землю, зловещее прибежище ворон и коршунов, от дыма погребальных множества костров поблекли; их листья пожелтели; злые духи, привидения там исполняли отвратительные пляски; и издали то место страшным представлялось путника глазам, от ужаса застывшим.

Опустив на землю Бодхисаттву, необычайная красота которого приковала его взор, и упорно смотря на него, сын Судасы стал отдыхать. А у Бодхисаттвы, когда он вспомнил брахмана, который пришел к нему с приношением прекрасных изречений и не был надлежащим образом почтен и ожидал его возвращения в увеселительный сад с надеждою в сердце, явилась мысль:

«О горе!

11. Прекрасных изречений приношение ароматное неся, с надеждою издалека он пришел; что ж будет делать брахман тот, услышав, что похитили меня.

12. Надежд разрушенных огнем охвачена его душа, еще острее его усталость от отчаяния. Вздыхать он будет, сожалея обо мне, или своей судьбе упреки посылать».

При этих мыслях у Великосущного, сердце которого горело такой мукой, от великого сострадания выступили слезы. И сын Судасы, увидев слезы в глазах Бодхисаттвы, разразившись смехом, сказал:

«О, не нужно этого!

13. Ты мудр и добродетелями славен! Но, во власть мою попав, ты слезы проливаешь! Действительно, прекрасно говорится:

14. В несчастиях бесплодна мудрость, в скорби ученость бесполезна. И нет такого существа, что не дрожало бы, коль бьют его!

Поэтому скажи мне правду:

15. О жизни ли приятной, о богатстве, средстве к наслаждениям, иль о родных, о сани царском сожалея, чадолюбивого ль отца, или в слезах заплаканные лица детей ты вспомнил, что из глаз твоих так полились обильно слезы?»

Бидхисаттва сказал:

16. «О, не о жизни, родителях иль детях, не о родных, не о супруге и не о наслаждениях царской власти я вспомнил, что выступили слезы у меня. Надежд исполненный, с прекраснейшими изречениями ко мне пришедший брахман, услышав, что похищен я, отчаянья огнем горит, наверно! Вот это вспомнил я, и слезы оросили очи.

17. Поэтому ты отпустить меня благоволи, чтобы я сердце брахмана, крушением надежд смятенное, почтения водой обрызгав, оживил и выпил бы его прекрасных изречений мед.

18. И, уплатив таким путем долг брахману, вернусь, чтоб и тебе не оставаться должным. Увижу я, как вспыхнут радостью нетерпеливо ждущие глаза твои при возвращении моем.

19. «Для бегства то предлог!» — ты этим подозреньем не омрачай души своей. Путь мне подобных, государь, отличен от пути, каким другие люди ходят!»

Сын Судасы сказал:

20. «Никак нельзя поверить в то, что ты с такой уверенностью произносишь, заслуживающим внимания. Кто ж, невредимым убежав из пасти смерти, к ней добровольно снова бы явился?»

21. Какая может быть тому причина, чтобы ты, страх смерти трудноодолимый оставив позади и наслаждаясь безопасностью в своем прекраснейшем дворце, ко мне опять явиться захотел?»

Бодхисаттва сказал:

«Как это? Разве ты не понимаешь очень важной причины для моего возвращения? Разве не дал я обещанья, что вернусь? Поэтому ты перестань подозревать, приравнивая меня к лжецам! Я ведь Сутасома!»

22. Правда, бывает, что из жадности или из страха смерти люди правду, как будто бы солому, оставляют; для добродетельных же правда есть имение и жизнь, поэтому и в злой беде они ее не покидают.

23. Ни жизнь, ни наслаждения земные от бедствий не спасут тех, кто от правды удалился. Так кто бы захотел оставить правду ради них? Она сама ведь воплощение хвалений, славы, наслаждений!

24. Кого все видят на погибельном пути, в ком сильного стремления к прекрасному не видно, того благое поведение доверия не вызывает; но что во мне заметил ты, что подозрение свое направил даже на меня?

25. Когда бы страх был пред тобою у меня, или стремление к наслаждениям, иль сострадания не было бы в сердце, то на тебя, известного жестокостью, с вы-

соко поднятым оружием и щитом пошел бы я, гордясь отвагою своей.

26. С тобой знакомство это ведь могло бы даже быть желанным для меня. Тому дваждырожденному награду за труды воздав, приду я снова сам к тебе. Ведь мне подобные не произносят слов неправды!»

Тогда сын Судасы, раздраженный этой речью Бодхисаттвы и считая ее притворной, подумал: «Прекрасно! Он так хвалится своею правдивостью и справедливостью! Ну так я проверю его привязанность к правде и любовь к справедливости! Чем, собственно, грозит мне его утрата? Ведь у меня есть уже целая сотня царевичей, которыми я овладел великой силой своей десницы, их я и принесу, как хотел, в жертву демонам». Так подумав, он сказал Бодхисаттве:

«Хорошо, иди! Посмотрим, какова твоя верность обещаниям и твоя справедливость!»

27. Иди и, брахмана того желание исполнив, скорее возвращайся! Тем временем костер здесь погребальный я приготовлю для тебя!»

И Бодхисаттва, промолвив: «Слушаю», — отправился в свой дом, где его радостно приветствовали домоладцы. Позвав того брахмана, он выслушал от него четыре *гатхи*. Выслушав его и умиленный до глубины души прекрасными изречениями, Великосущный, исполненный радости, выразил ему сначала приятными словами почтение и, оценив каждую *гату* в тысячу золотых, вознаградил затем брахмана желанным богатством. Его отец, имея в виду удержать его от неуместной расточительности, воспользовавшись представившимся случаем, ласково сказал ему так:

«Милый, в выражении почтения за прекрасные изречения ты должен все же знать меру; ведь тебе нужно поддерживать большой двор, а от богатства казны зависит и блеск царя.

Поэтому я скажу тебе:

28. Одною сотнею почтить прекрасные те изречения в полной мере можно, и больше этого давать не подобает; у слишком щедрого надолго ли сияния Куберы станет, хотя б он был богат, как сам Кубера?

29. Действительное и наилучшее здесь средство есть — богатство, ведь без него приятного никак нельзя достичь! Ведь на царя богиня счастья, как блудница, и не взглянет даже, коль не полна его казна!»

Бодхисаттва сказал:

30. «О, если бы установить возможно было цену, о государь, прекрасных изречений, то ясно, что тобой указанным путем я не пошел бы: за них в награду все царство даже дал бы я свое!»

31. Ведь слушая их, сердце спокойствие, стремление к спасенью и твердость обретает, а разум, все возрастая,

от тьмы освобождается: их покупать не должно ль даже и ценою своей плоти?

32. Священное писание — светильник, что ослепления тьму один рассеять может; то наилучшее богатство, которое и воры не похитят! То меч, чтоб ослепление — нашего врага — пронзить, наставник в жизни и советник наилучший!

33. Даже в беду попавшего друг неизменный; против недуга скорби безболезненное средство; это — полки могучие, стирающие в порошок полки пороков, и лучший кладезь славы и блаженства.

34. А красноречие при встречах с праведными — дар чудесный: оно в собраниях ученых примиряет; как солнце, свет оно бросает в спорах; соперников высокомерие и славу посрамляет.

35. Необразованные даже люди приходят в восхищение и подтверждают превосходство красноречия сияньем глаз и лиц довольных, с одобреньем хлопая в ладоши.

36. Для четких доводов искусно взятые примеры из книг священных или из трактатов оно нам позволяет приводить. Изысканностью, нежностью, очарованьем оно сравниться может лишь с неувядающей гирляндой.

37. Оно сияет блеском лампы совершенной, благодаря ему растет победоносно слава. И вот основа красноречия такого — благое знание, священных текстов применение — нам открывает путь к желанной цели.

38. Их слушая, на путь трех целей, свободный от мешающих пороков, вступают люди и, следуя в своих поступках священным текстам, легко пересекают поток рождений труднопроходимый.

39. Известных за их многие достоинства, полученных как дар желанный, как мне не почитать священных текстов? С другой же стороны, как твой приказ нарушить?

40. Поэтому вернись-ка я к сыну Судасы, не надо мне тревог о царской власти и тех, которые навлечь могу я, пойдя путем греховным, если бы нарушил обещание вернуться».

Тогда отец, придя в волнение из-за любви к нему, озабоченно сказал ему:

«Сын мой, я ведь говорил так, только желая тебе блага. Поэтому ты не должен предаваться обидам. Пусть враги твои попадают в руки сыну Судасы! Ну, конечно, ты пообещал прийти к нему, поэтому ты, желая быть честным, хочешь выполнить свое обещание. А я все же не разрешу тебе этого. Нет никакого греха в том, что человек вступает на путь неправды, если он делает это ради спасения собственной жизни или ради старших, — такое правило есть в *Ведрах*. Зачем же тебе надо стараться от него отказываться? Люди, опытные в

житейской мудрости, называют такую преданность праведности, ясно враждебную материальным интересам и удовольствиям, порочным правлением и дурным обычаем царей. Поэтому перестань настаивать, терзая мое сердце и пренебрегая своими личными интересами. Но ведь ты, мой дорогой, считая это позорным и противоречащим праведности и не привыкнув отказываться от своего обещания, не решишься на это. Если даже и так, то у меня есть наготове армия из слонов, конницы, колесниц и пехоты, рвущаяся в бой ради твоего спасения. Это преданное нам превосходное войско, устрашающее, как неистовый поток воды, состоит из воинов, умело владеющих оружием и не раз отличавшихся в битвах. И вот с этой армией отправляйся к нему и или покори его, или предай смерти. Таким образом, и обещание твое пустым не останется, и себя спасешь».

Бодхисаттва сказал:

«Я не хочу, о царь, обещать одно, а делать другое; или же нападать на такого рода заслуживающих жалости людей, увязших в болоте дурных привычек и катящихся в ад, которых я считаю моими друзьями, так как они лишились своих родных и чьего-либо покровительства. Более того:

41. Ведь этот людоед по отношению ко мне на редкость благородно поступил: он отпустил меня, хотя я был в его руках, поверив только слову моему.

42. И я, отец, благодаря ему узнал эти прекрасные реченья. Он сделал мне добро и потому особенно достоин сострадания.

И пусть царь не опасается чрезмерно за меня. Разве он в силах причинить вред, если я сам вернулся к нему?»

Таким образом он убедил своего отца. Отклонив просьбы друзей и верной армии, жаждавших удержать его, Великосущный один, без страха и уныния, хранивший верность правде, пришел в жилище сына Судасы, намереваясь ради блага людей смягчить его нрав. Сын Судасы еще издали увидел Великосущного и пришел в чрезвычайное изумление, причем еще больше возросли его уважение и приязнь. Хотя его ум был осквернен жестокостью, усилившейся от долгого ее проявления, он задумался:

43. «Ведь это чудо из чудес, невиданное из невиданного, сверхчеловеческая, сверхбожественная, царя возвышенная верность слову!

44. Ко мне, чей нрав, как смерть, свиреп, вернулся сам он, страх и трепет подавив. Вот это стойкость! Слава слову верному!

45. Недаром слава далеко идет о верности его своим словам, ведь ради верности решил расстаться он и с жизнью, и с саном царским».

Меж тем Бодхисаттва подошел к нему, пораженному в самое сердце изумлением и уважением, и сказал:

46. «Обрел сокровище прекрасных изречений, достойного почтил я, и в сердце радость снизошла благо-

даря тебе. И вот я здесь, съешь, как желал, меня или для жертвоприношения используй».

Сын Судасы сказал:

47. «Съесть тебя я не спешу, тем более что дымом костер окутан погребальный, а мясо, лишь без дыма приготовленное, вкусно. Поэтому давай послушаем твои прекрасные реченья».

Бодхисаттва сказал:

«Что пользы для тебя, дошедшего до такого состояния, в прекрасных речениях?»

48. Безжалостный к подданным, желудка ради ты подобный образ жизни принял. А эти строфы прославляют праведность, и праведность не уживается с несправедливостью.

49. Для тебя, жизнь отвратительную ракшасов ведущего, оставившего благородных путь, нет веры и откуда праведность? Зачем тебе святыя тексты?»

Тогда сын Судасы, раздраженный этим презрением, сказал: «Ну нет, не говори так!

50. Ты назови такого мне царя, который бы, лук натянув, не убивал лесных животных в своем саду для игр. Если подобно им для поддержания жизни людей я убиваю, так говорят уже, что я — несправедливый, но не они — живых существ убийцы!»

Бодхисаттва сказал:

51. «Нет, никогда не были праведными те, чьи стрелы направлены в животных, испуганно бегущих. Но пожиратели людей заслуживают порицания большего. Высокий род людей как пища ведь служить не должен».

Тогда, хотя Бодхисаттва поучал очень резкими словами, обаяние исходившего от него дружелюбия покорило жестокий нрав сына Судасы, и он, спокойно приняв эти слова, улыбаясь, сказал:

«Послушай, Сутасома!

52. Ты, мной отпущенный, придя в свой дом, прекрасный пышным блеском царского величия, ко мне вернулся. Так не большой же ты знаток житейской мудрости!»

Бодхисаттва ответил:

«Наоборот, я очень опытен в житейской мудрости, и поэтому я не хочу прибегать к ней.

53. Что в опытности той, которая, когда ее пускают в ход, не к достиженью счастья ведет, а к полному от праведности отпаденью!

Чего уж больше:

54. Кто постоянно следует путем житейской мудрости, тот после смерти в несчастье попадает. Поэтому,

покинув извороты мудрости житейской и верность слову соблюдая, к тебе вернулся я.

55. Так вот именно я, который, ложь оставив, правдой наслаждался, и есть знаток житейской мудрости. Не назовут ведь знающие судьи тот поступок мудрым, который слава добрая, довольство, польза не сопровождают. Сын Судасы сказал:

56. «Оставив дорогую жизнь, родных в слезах и удовольствия, дарованные царским саном, какую пользу из правдивости ты собираешься извлечь, что ради слова соблюдения вернулся?»

Бодхисаттва ответил:

«Много добродетелей основано на правдивости. Выслушай коротко об этом.

57. Правдивость превосходит красотой цветов гирлянды, а сладостью все яства, а также подвиги аскетов и полные трудов к святым местам паломничества благодаря тому, что без труда заслуги добродетельные накаплиются.

58. Правдивость, среди людей способствуя распространению доброй славы, ей открывает путь к проникновению в три мира. Она врата в обитель небожителей и мост через трясины перевоплощений».

Тогда сын Судасы, воскликнув: «Прекрасно! Правильно!» — и поклонившись, сказал, глядя на него с удивлением:

59. «Попавшие под власть мою другие люди, в отчаянье придя, от страха мужество теряют, отчаяньем проникшись. Тебя же доблестная стойкость не оставила; не вижу я в тебе, о царь, пред смертью страха».

Бодхисаттва ответил:

60. «Если нельзя чего-то избежать даже усилием большим, к чему тогда трусливый страх, негодный как защита?

И все же трусливы люди, хотя знают удел всего живущего.

61. Ведь оттого, что связь со злом людей терзает, что для деяний чистых они не напрягают сил, страшась, предчувствуют страдания в том мире, их расслабляет страх пред неизбежной смертью.

62. Но я не помню, чтобы сделал я что-либо, из-за чего терзался бы мой ум; впитал в себя я чистые деянья. Кто, праведность храня, бояться станет смерти?

63. Не помню я просителей, которые не принесли бы удовольствие себе и мне. Кто, радость в щедрости найдя и праведность храня, бояться станет смерти?

64. И сколько бы ни вспоминал, не помню, чтобы хоть в мыслях сделал шаг я в сторону греха. Так если путь мне в небеса расчищен, зачем я стану страх испытывать пред смертью?

65. Брахманам, родственникам и друзьям, тем, кто зависит от меня, народу бедному и украшениям обителей — отшельникам я щедро раздарил огромное богатство, давая по заслугам; для каждого я сделал то, что для него и было нужно.

66. Я выстроил великолепных сотни храмов, для бедняков приюты, обители, для игр площадки, залы для собраний, водоемы. И у меня, таким путем достигшего удовлетворенья, нет страха смерти. Так в жертву принеси меня иль съешь!»

Слушая эти слова, сын Судасы со слезами умиления на глазах, с поднявшимися волосками на теле, забывший мрачность своего злого характера, почтительно глядя на Бодхисаттву, сказал:

«Пусть прекратится зло!

67. Пусть тот проглотит сам яд халахалу⁴, или змею свирепую, иль раскаленное железо, пусть разлетятся голова и сердце у того на сто кусков, кто пожелает зла тебе подобному, о тур среди царей!

Поэтому скажи мне и те прекрасные изречения. Мое сердце смягчилось цветочным дождем твоих слов, и еще больше возросло мое любопытство услышать их. И вот что:

68. Увидав поведенье безобразное свое в зеркале праведности и придя в волненье, могу я разве жадно не стремиться к дхарме сердцем?»

Тогда, считая, что он всем сердцем желает услышать благой закон и совершенно этого достоин, Бодхисаттва сказал ему: «Тебе, стремящемуся к благому закону, следует слушать его в должной позе, соответствующей этому действию:

69. Сидя на самом низком сидении, тем выражая красоту смиренья, с глазами радостными, словно мед речей вкушая,

70. Свой ум, спокойный, чистый направляя на цель единственную — проявление самого глубокого вниманья, — так слушать следует закон благой с почтеньем, как слушает больной слова врача».

Тогда сын Судасы, покрыв своим одеянием самый высокий камень, предложил Бодхисаттве сесть на него, а сам уселся на голый земле перед ним и, устремив со вниманием глаза на лицо Великосущного, сказал: «Теперь говори, о почтенный!» И Бодхисаттва, как будто наполняя весь лес своим низким, звучным голосом, чарующим, как гром из только что образовавшейся тучи, сказал:

71. «Даже случайная, даже единственная встреча с праведным достаточна для нерушимой, вечной дружбы, которая не ищет новых встреч».

Услышав это, сын Судасы воскликнул: «Прекрасно! Прекрасно!» — и, кивнув головой и сделав жест одобрения, сказал Бодхисаттве: «Еще, продолжай!» Тогда Бодхисаттва произнес *гамху*:

72. «Не нужно жить вдали от праведных людей и почитать их должно, послушно следуя за ними. Ведь ароматная пыльца цветов их качеств совершенных, повсюду разлетаясь, того коснется без труда, кто близко подошел».

Сын Судасы сказал:

73. «Всей душой, о доблестный, ценя изящные реченья, ты, без сомнений, правильно свое богатство поместил, и правильно, что ты при этом своих трудов не принимаешь во внимание.

Еще, продолжай!»

Бодхисаттва ответил:

74. «Сияющие золотом и драгоценностями колесницы царей, а также их тела от старости становятся уродливыми. Но праведность людей достойных старости не поддается, ведь к добродетелям привязанность у них сильна».

«Это дождь из амриты! О, как велико мое удовлетворение! Еще, продолжай!» — [воскликнул сын Судасы].

И Бодхисаттва сказал:

75. «Как от земли далеко небо и друг от друга океана берега, как от горы на западе⁵ далек восход, так еще дальше добродетельных закон от поведения неправедных людей».

Тогда сын Судасы, преисполнившись любви и уважения от удивления и радости, сказал:

76. «Чудесными словами превзойден блестящий смысл в твоих прекрасных *гитхах*. Блаженство радости ты дал мне; и, чтоб тебя почтить, хочу я дать тебе в ответ четыре дара.

Так выбирай все, что от меня ты хочешь!»

И Бодхисаттва, удивляясь и чувствуя к нему уважение, сказал: «Кто ты, чтобы раздавать дары?»

77. Страстью к дурным поступкам побежденный, ты даже над самим собой не властен. Какой же дар ты можешь дать другому, ты, сердцем отвернувшийся от праведного поведения?

78. Назвал бы я желанный дар, но ослабеет вдруг в уме твоём желание дарить. Кто, сострадательный, несчастье такое может вызвать?⁶ Поэтому довольно, достаточно ты сделал для меня».

И сын Судасы, несколько пристыженный, опустил голову и сказал Бодхисаттве:

«Не надо больше сомневаться во мне.

79. Хочу тебе я дать эти дары, хотя бы жизнь пришлось оставить мне; поэтому, о царь, спокойно выбери ты все, что хочешь».

Бодхисаттва сказал:

«Ну, тогда —

80. Прими правдивости обет и перестань вредить живому; всех пленных без остатка отпусти; не ешь отныне больше человеческого мяса; даруй мне, о герой среди людей, четыре этих несравненных дара».

Сын Судасы ответил:

81. «Я дам тебе три первых дара, четвертый выбери другой. Не знаешь разве ты, что я не в силах от человеческого мяса отказаться».

Бодхисаттва воскликнул:

«О! Так вот каково твое поведение! Разве не говорил я: кто ты такой, чтоб раздавать дары? Более того,

82. Как сохранишь обет правдивости и как вреда не причинишь живому, если не бросишь ты, о царь, есть человечье мясо?»

Позор!

83. Не говорил ли ты сначала, что дашь свои дары, вплоть до того, что жизнь оставишь?

А получается другое!

84. Что говорить о неврежденье, когда людей ты убиваешь ради мяса? А если так, что могут стоять данные тобой три дара?»

Сын Судасы сказал:

85. «Как я оставлю то, из-за чего, покинув царство, терпел мучения в лесу, разрушил праведность и славу погубил?»

Бодхисаттва сказал:

«Именно поэтому ты и должен отказаться от людоедства.

86. Ради подобной обители несчастья погибли праведность, богатство, наслаждение, слава. Как ты не можешь отказаться от нее?

87. А это сожаление об отданном бывает только в самом подлом человеке. Так как же эта низость тебя вдруг одолела?

Перестань же следовать этому злему пороку! Очнись! Разве ты не сын Судасы?

88. Искусно приготовленного и разрешенного врачами есть много мяса для тебя — домашнего скота, в воде живущих рыб, оленей. Вот им себя и ублажай!

Но, пожалуйста, оставь привычку к человеческому мясу, достойную сурового осуждения.

89. Бой барабанов, гремющий, словно голос облаков, водою напоенных, ночью звуки песен и другие царской власти различные блага, родных детей и слуг, тобой любимых, покинув, чем ты можешь в лесу уединенном наслаждаться?

90. Не следует тебе, о царь, идти по воле своих мыслей. Ты лучше встань на путь, благоприятный для пра-

ведности и богатства. Царей с войсками их один в сражениях побеждая, не будь же трусом, когда бороться надо с мыслями твоими.

91. О мире том, людей владыка, тоже задуматься бы надо, поэтому не стоит поддерживать дурное, хотя бы и приятное тебе. И если есть путь, привлекательный, способствующий доброй славе, прими его, как даже неприятное лекарство принимают».

Тогда сын Судасы, со слезами умиления на глазах, бросился к Бодхисаттве и, обняв его ноги, прерывающимся голосом воскликнул:

92. «Как справедливо, что слава о тебе расходится повсюду, пылью цветочной добродетелей твоих мир усыпая и наполняя благоуханием твоих заслуг святых. Ко мне, погрязшему во зле, в жестокости, что сделали меня посланцем смерти, кроме тебя, никто другой не ощутил бы сострадания.

93. Ты мой наставник, мой учитель, божество мое! Я славлю, голову склонив, твои слова. И никогда, о Сутасома, не буду есть я человеческое мясо. Я сделаю все так, как ты мне скажешь.

94. А те царевичи, которых ради жертвы я похитил, истерзанные пыткой заключения, утратили свое великолепие, и скорбь сердца им гложет! — Пойдем, освободим их вместе!»

Тогда Бодхисаттва ответил ему согласием и пошел с ним туда, где были заключены царевичи. Увидев Сутасому, они пришли в величайшую радость: «О, мы свободны!»

95. При виде Сутасомы на их лицах просияла расцветшая улыбки красота, как белый лотос распускается в объятиях месяца лучей с приходом осени.

Придя к ним, Бодхисаттва успокаивающе обратился к ним с ласковыми словами приветствия и, взяв с них клятву не хранить зла к сыну Судасы, освободил их от оков. Вместе с сыном Судасы, сопровождаемый этими царевичами, он вернулся в свое царство и, оказав им почетный прием, согласно их достоинству, возвел каждого на свой трон.

Таким образом, «общение с добродетельными, так или иначе достигнутое, сулит спасенье; зная это, стремящемуся к спасению следует искать опоры в добрых людях». [В проповеди о Татхагате должно говорить так: «Еще в прежних рождениях наш владыка Будда, стремясь творить добро, был другом даже незнакомым людям». А также, поучая внимательно слушающему закона, нужно говорить: «Таким образом, слушание праведного закона ведет к уменьшению греха и приобретению добродетелей». Прославляя священное писание, следует сказать: «Много достоинств имеет священное писание». А также, прославляя честность, нужно говорить: «Таким образом, доб-

родительные, не считаясь с жизнью, удовольствиями или властью, держат свое слово» — равным образом в проповеди о сострадании.]

В русской сказке «Аленький цветочек» младшая дочка аналогично сдержала слово, вернулась к чудищу и расколдовала его своей любовью и чистотой.

Учителю нужна такая убежденность, сила веры и сострадания. Тогда учитель станет живым примером, непосредственно влияя на ребенка.

XXXII. ДЖАТАКА ОБ АЙОГРИХЕ

Даже блеск царского величия не закрывает дорогу к спасению для людей, чья душа пришла в глубокое волнение, поэтому должно проникаться этим волнением.

Вот как об этом назидательно повествуется.

Будучи бодхисаттвой, наш Владыка убедился, что этот мир измучен страданиями, что он не имеет ни защитника, ни покровителя, ни руководителя и полон несчастных случайностей, как болезни, старость, смерть, разлука с приятным и прочее. Благородный характером, движимый состраданием, он решил спасти мир и принести высшее счастье и благо даже противникам своим и незнакомым ему людям. И вот как-то он принял рождение в царском роде, прославленном своим добродетельным поведением. Великая судьба этого рода проявлялась в неуклонном процветании и благоденствии благодаря любви и преданности подданных, в расширении владений вследствие подчинения гордых соседей. Своим рождением он доставил великое счастье не только царской семье, но и всей столице, делившей с царской семьей и радость и горе.

1. Обрадовались брахманы полученным дарам, в восторге были слуги в прекрасных одеяниях; звучали мелодично турьи, повсюду были танцы и представления веселые.

2. Смешались песни, игры, смех и возгласы; в объятиях взаимных радость проявлялась. Словно подарку, радуясь приятному известию, люди царю желали счастья.

3. Двери темниц раскрылись, узников свободив; на перекрестках высоко вздымались стяги разноцветные; земля была усыпана цветами и вином окроплена; весь город в праздничном убранстве ликовал.

4. Дождем одежд и украшений золотых, что лился из домов богатых, как будто мир желая напоить, как Ганга, разыгралось счастье.

Но, как правило, все сыновья у этого царя умирали, едва родившись. И он, считая, что это дело не человеческих рук, ради без-

опасности этого сына повелел растить его, совершив над ним все должные обряды, начиная с *джатакармана*, в прекрасном доме, сделанном целиком из железа и украшенном драгоценными камнями, золотом и серебром и порученном покровительству богов соответственными благоприятствующими церемониями. Согласно демонологии и традициям, установленным *Ведами*, такой дом обладал силой отражать и убивать злых духов. И нечистые силы не посмели тронуть Великосущного в силу накопленных им добродетельных заслуг и хорошей заботы о его защите. С течением времени над ним были совершены все обряды. Знаменитые своим поведением, происхождением и знанием священных текстов учителя, почитаемые за славу, которую они обрели ученостью, непревзойденные в умиротворенности, скромности и мудрости, посвятили его во многие науки. С каждым днем его тело наливалось красотой юности, и благодаря врожденной скромности он завоевал наивысшее уважение среди друзей и незнакомых людей.

5. Ведь благородный человек, пусть не родной и не знакомый, как далеко бы он ни находился, людей, как друг любимый, привлекает, причина этому — блеск добродетелей его.

6. Когда осенний месяц в небе, улыбаясь, лучей сиянье напускает, чем привлекает он людей?

И вот Великосущный наслаждался многими божественными благами, выпавшими на его долю вследствие великих заслуг. Уверенно и без опасений смотрел на него отец, относившийся к нему с большой любовью и уважением.

Однажды царевич пожелал видеть прекрасные украшения столицы, устроенные по поводу наступившего праздника Каумуди. Получив позволение у отца, он взошел на царскую колесницу, отделанную украшениями из золота, драгоценных камней и серебра, на которой развевались сверкающие разноцветные флаги и знамена. Ловкий, опытный, красивый, скромный и стойкий возничий управлял хорошо выезженными лошадьми в изукрашенной золотом упряжи. Царевича сопровождала свита в ярких блестящих нарядах и вооружении. Предшествуемый чарующими звуками музыкальных инструментов, он проезжал по столице, рассматривая живописные толпы горожан и сельских жителей, разодетых в лучшие праздничные одежды, которые, стремясь всем сердцем увидеть его, бросали любопытные взгляды и встречали его выражениями почета и уважения, приветствуя сложенными руками, поклонами и возгласами благословения. Но, хотя это был прекрасный случай для сердца радоваться, он, благодаря свойственному ему чувству душевного смятения, вспомнил о прежних рождениях.

7. Увы! Как жалок этот преходящий мир! От праздничного блеска Каумуди останется одно воспоминание!

8. И все же, хотя таков закон для всех живых существ, опасностью пренебрегают люди: на всех дорогах

их встречает смерть, они ж веселью предаются беззаботно.

9. Да разве же разумный человек найдет возможным веселиться, когда пред ним стоят неодолимые враги, готовые сразить: болезни, старость, смерть, и неизбежен переход в потусторонний мир?

10. Увитые сверкающей гирляндой золотой из молний облака, грохочущие, словно океан, и изливающие яростно воды ревушие потоки, едва возникнув, снова исчезают.

11. Уносят реки стремительным теченьем половодья и берега, и в них корнями вросшие деревья, но постепенно снова иссякают, как будто пламя иссушило их.

12. Вершины гор и массы облаков уносит быстрый ветер. Он взвихривает и волнует воды океана, но очень скоро пропадает его сила.

13. Сверкая высоко взметнувшимися языками пламени, разбрасывая искры, огонь уничтожает лес, но гибнет сам при этом. И, подчиняясь вечному порядку, цветет и исчезает красота лесов и рощ.

14. Где встреча, что была б не связана с разлукой? Где счастье, за которым вслед не шла бы неудача? Не замечая зыбкого непостоянства мира, беспечно радуются люди.

Так размышляя, Великосущный в душевном смятении отратился сердцем от веселого праздника и перестал обращать внимание на живописные толпы людей, украшавшие своим видом столицу. Только вернувшись домой, он пришел в себя. Проникнутый еще большим волнением, он подумал, что прибежище можно найти только в праведности, ибо она безразлична к мирским наслаждениям, и потому решил обратиться к ней. Придя к царю, когда представился случай, он, почтительно сложив руки, попросил у него разрешения уйти в лес отшельников.

15. «Уйдя в отшельники, я тем желаю благо принести себе. На это дай мне разрешение, как знак твоей великой милости ко мне».

16. Услышав это, царь, любивший сына, от скорби, охватившей его сердце, задрожал, как слон, отравленной стрелой пронзенный, как океан глубокий, возмущенный ветром.

17. Стараясь удержать его, обняв с любовью, с рыданьем в голосе промолвил царь: «О сын мой, почему ты вдруг решил покинуть нас?»

18. Кто недруг твой, причина собственной гибели, таким путем себя на смерть обрекший? Глаза чьих родителей должны наполниться слезами горя?

19. Или ты что-нибудь подозреваешь, или услышал от меня обидное? Скажи, чтоб положил я этому конец, ведь сам я ничего подобного не вижу».

Бодхисаттва ответил:

20. «Какая может быть обида на тебя, ведь ты относишься ко мне с такой любовью! Да и вообще кто может причинить мне неприятность?»

«Так почему же тогда ты хочешь покинуть нас?» — спросил царь со слезами на глазах, и Бодхисаттва ответил ему: «Из страха перед смертью! Пойми, о царь!

21. С той самой ночи, о герой среди людей, как в лоне матери жить начинает человек, он день за днем неотвратно движется навстречу смерти.

22. Хотя бы наделенный мудростью житейской и здоровьем, никто не в силах одолеть ни смерть, ни старость. Преследуют всех в мире эти двое. Поэтому я обращаюсь к жизни праведной в лесу.

23. Могучие и гордые цари одолевают армии из пехотинцев, конницы, слонов и колесниц. Но победить врага единственного — смерть — не могут. Поэтому возникло у меня желание к праведности обратиться.

24. Быстрых коней, слонов, пехоты, колесниц рядами защищенные цари успешно избавлялись от врагов. Но, начиная с Ману¹, все они со всеми армиями их бессильны были против смерти и покорялись власти этого могучего врага.

25. Клыками, как пестами, в порошок слоны ворота городские растирают в бешенстве, а также в битве — колесницы, воинов и вражеских слонов. Но смерть, представшую пред ними, прогнать не могут даже бивнями, что сокрушают укрепленные ворота.

26. Искусный лучник стрелами разит издалика врагов, одетых в прочную броню, и только смерть, истинного врага, он поразить не в силах.

27. А львы, вонзая острорежущие когти в виски слонов, сбивают пыл своих врагов и с ревом рассекают уши им. Но, встретившись со смертью, засыпают, лишившись гордости и силы.

28. Вине согласно налагают наказание на врагов, свершивших преступление, цари. Но если преступление совершено таким врагом, как смерть, они бессильны.

29. Врагов, свершивших преступление против них, цари одолевают всеми средствами, начав с переговоров мирных². Но смерть свирепую, чья дерзость возросла от долгих упражнений, не подчинить ни уговорами, ни средствами другими.

30. Змеи людей кусают острыми зубами, несущими огонь смертельный яда, зажженный гневом; но даже не

пытаются ужалить смерть, хотя бы стоило ее убить за зло, которое она искусно причиняет.

31. Если укушен человек змеей, неистовой от гнева, врачи в нем яд лекарствами и заклинаниями подавляют. Но смерти яд, змеи опасной с вечным жалом, не поддается никаким лекарствам или заклинаниям.

32. С ужасным шумом, подобным грому облаков, взмахами крыльев разбрасывают стаи рыб играющих и воду океана, хватают змей протянутыми лапами хищные птицы. Но так же дерзко нападать на смерть не смеют.

33. Ведь тигры быстротой даже оленей, бегущих в страхе, превосходят, сбивают с ног разящим, словно молния, ударом лапы и пьют их кровь. Но, встретив смерть, такую ловкость проявить не в силах.

34. Даже столкнувшись с острозубой пастью тигра, олень спастись случайно может. Но кто избегнет пасти смерти с ее огромными клыками болезней, старости, мучений?

35. Ужасные, уродливые духи граха³, вцепившись крепкой хваткой, все жизненные силы выпивают у людей; но если смерть им предлагает схватку, теряют свою наглость и надменную ухватку.

36. Кто знает магию, тот может воспрепятствовать злым демонам, когда они мешать приходят почитанию богов. Но смерти демону нельзя противодействовать ни силой подвига, ни заклинаниями, ни лекарством.

37. А те, кто в фокусах искусен, людей обманывают на глазах в большом собрании. Как же могуча смерть, что и они ее глаза не могут обмануть!

38. Все лучшие врачи, кто силой подвига и заклинаниями волшебными уничтожали яды, кто изгонял болезни с помощью лекарств, все гибли сами, начиная с Дханвантари⁴. Поэтому склоняется мой разум к жизни праведной в лесу.

39. То появляются, то исчезают, летят по воздуху и снова опускаются на землю видьядхары⁵; огромно их могущество благодаря различным заклинаниям. Но, встретившись со смертью, свое могущество они теряют.

40. Высокомерных асуров⁶ ведь отражают боги и, в свою очередь, богов высокомерных — асуры. Но даже все их армии, объединившись и выступая гордо, смерть победить не могут.

41. И, сознавая неизбежную жестокость смерти — нашего врага, не радуюсь я жизни в доме. Не из-за гнева или уменьшения любви я ухожу, а потому, что я решил праведную жизнь вести в лесу».

Царь сказал: «Но если неотразим страх смерти, чего ты ждешь от жизни в лесу? Какие надежды возлагаешь на праведную жизнь?»

42. Разве в лесу со смертью ты не встретишься? Разве в лесу не умирают праведные риши? Везде один порядок неизменный. Какой же смысл, оставив дом, искать убежища в лесу?»

Бодхисаттва ответил:

43. «Хотя для смерти все равно, живет кто в доме или в лесу, кто праведник или добродетели лишен, но ведь у праведного нет причин для угрызений совести, и легче праведную жизнь вести в лесу.

44. Ведь дома — вместилище забвенья к долгу, высокомерия, вражды, корысти, похоти; и разве место в нем найдешь для праведности, противоречащей порокам этим?

45. Когда вступить домохозяин может на путь, ведущий к умиротворенью, если его все время многие дела дурные отвлекают? Он занят добыванием и защитой состояния, и ум его не отдыхает от различных неудач.

46. В лесу же счастлив человек; оставив множество дурных занятий, освободившись от мучительных забот о состоянии, заботясь только об умиротворенности, с довольным сердцем, он достигает счастья, праведности, славы.

47. Лишь праведность — защита человеку, а не богатство или сила. Лишь праведность ведет к великому блаженству, а не богатства обретенье. И преданному праведности смерть приносит радость потому, что он рождения дурного не страшится.

48. Как существуют для добра и зла особые поступки, признаки различные, так плод нечистого — несчастье, а плод прекрасный праведности — состояние блаженства».

Таким образом, Великосущный убедил своего отца и, получив у него разрешение, отбросил, как траву, весь царский блеск и нашел себе прибежище в лесу подвигов. Там он достиг несравненных степеней созерцания и, утвердив в них человечество, попал на небо Брахмы.

Таким образом, даже блеск царского величия не закрывает дорогу спасения для людей, чья душа пришла в глубокое волнение, поэтому должно проникаться этим волнением. [То же должно рассказывать при изложении вопроса о смерти: «Осознание скорой смерти ведет к смятению души». Так же при изложении того, что должно всегда помнить о смерти, следует приводить высказывания о невечности, а именно: «Невечны, преходящи все формы существования». «Ненадежно все сущее, мир беспо-

мошен и беззащитен». А также следует поучать, что в лесу легче достигнуть праведности, чем в доме.]

Чтобы вести честную, нравственную жизнь, думаю, не нужно уходить из дома. Можно во всех делах домашних и служебных проявлять высшие человеческие качества. Но, увы, такой человек неизбежно сталкивается с непониманием окружающих. Ему трудно. Нужно большое мужество, великодушие и терпение, чтобы все это выдержать. Поэтому подобный путь жизни всегда подвиг. И лес, в который ушел Великосущный, — это «лес подвигов».

Что касается смерти, то неизбежно каждый о ней когда-то вспоминает, и учителю необходимо иметь свое отношение к этому вопросу. Хорошо, если оно будет мудрым.

XXXIII. ДЖАТАКА О БУЙВОЛЕ

Лишь в том случае можно проявить кротость, когда представляется случай простить кого-либо. Поэтому добродетельные даже причиняющих им зло почитают как приносящих пользу. Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва жил как-то в одном лесном уголке в облике дикого буйвола, с телом в грязных пятнах тины, похожего на движущееся темное облако. Пребывая даже в таком, полном заблуждений, состоянии животного, в котором трудно познать праведный закон, он все же благодаря своему острому уму всеми мыслями ревностно стремился к праведному поведению.

1. И никогда его не оставляло сострадание, что, долго следуя за ним во всех рожденьях, его неотделимым свойством стало. Но все ж его какие-то поступки повлияли на то, что он родился в этом состоянии.

2. Поэтому Владыка говорил, что непонятна связь между поступками и воздаянием за них. Хотя он был проникнут состраданием, на долю его выпало рождение животным. Но и тогда сознание праведности было у него.

3. Без кармы нет рождений ряда, и добрые дела не могут принести дурного плода. Однако, хоть и праведности преданный, он иногда в различных состояниях рождался, определенных мелкими частями кармы¹.

И вот одна низкая, подлая обезьяна, видя его всегда проявляемое врожденное благородство и понимая, что благодаря своему милосердию он не может прийти в гнев или ярость и потому его нечего бояться, различным образом очень сильно досаждала Бодхисаттве.

4. Вель самую большую наглость проявляет неголяй по отношению к сострадательным и мягким. доходит он до самых безобразных действий. так как нисколько не боится их. Но только лишь почувствует малейшую опас-

ность. каким смиренным он становится. как быстро исчезает его наглость!

Истинно, так и в жизни!

Эта обезьяна то внезапно прыгала сверху на Великосушного, когда он спокойно засыпал или в полудреме клевал носом, то, взобравшись на него, как на дерево, она раскачивалась на нем. Иногда, когда он был голоден, она, загораживая ему дорогу, мешала пастись. Иногда она тыкала ему в уши палкой. Когда он желал искупаться, она забиралась ему на голову и закрывала ему глаза руками, а иногда, взобравшись на него и нахально усевшись ему на спину, она по-нукала его поднятой палкой и изображала из себя Яму².

Великосушный Бодхисаттва прощал ей безо всякого волнения, гнева или раздражения, считая все это наглое поведение обезьяны как бы даром.

5. Для грешников естественно идти дурной дорогой невоспитанности и нахальства. Для добродетельных же кротость — дар желанный, так долго шли они таким путем.

И вот как-то некий якша, возмущенный такими оскорблениями, наносимыми Великосушному, или же желая испытать его характер, когда низкая обезьяна ехала верхом на буйволе, остановился на пути у них и сказал: «Не довольно ли с тебя? Разве эта низкая обезьяна купила тебя или обыграла тебя в кости, или же ты чего-нибудь опасаясь с ее стороны? Или же ты не знаешь собственной силы, что, подчинившись ей, возишь ее на себе? Поистине:

6. Твои ведь острые рога, подобно молнии, дробят алмаз, стволы деревьев расщепляют, а ноги месят гору в ярости, как будто бы болото.

7. Твое же тело крепкое похоже на утес, и совершенна красота его в соединенье с силой. Известна мощь твоя всем хищникам могучим, и даже льву опасно подходить к тебе.

8. Так сокруши ее копытом смело, иль рога острием разрушь ее нахальство. Зачем страдаешь ты от наглой обезьяны и сносишь все мученья, как бессильный?

9. Да разве скромностью и добротой и отношением добродетельным к нему возможно излечить злодея? Где действительны лишь острые, горячие и грубые лекарства, от неуместного подобного лечения лишь возрастает дерзость, как болезнь, происходящая из флегмы».

Тогда Бодхисаттва, взглянув на якшу, сказал мягким голосом, выразившим его приверженность к кротости:

10. «Я знаю нрав ее непостоянный, к распушенности склонный. Поэтому я прав, когда ее прощаю.

11. И разве это называют кротостью, если сильнейшему не можешь ты ответить? А праведному, стойкому в смирении и поведенье добродетельном, нам нечего прощать.

12. Поэтому, даже имея силу отомстить, сносить нам следует от слабых оскорбления. Лучше стерпеть обиду от него, чем добродетелей лишиться.

13. Слабого дурное обращение — возможность лучшая для проявления добродетели. Зачем же тот, кто предан добродетелям, в подобных случаях применит свою силу, чтоб в результате стойкость потерять?

14. Обычно ведь для проявления кротости удобный случай зависит от других и трудно достижим. И если кто-то нам дает для этого возможность, к чему здесь в ярость приходить?

15. Не думая о разрушение собственного блага, ведет себя он так, словно старается мои грехи очистить. И если кротость я не проявлю, то кто же, как не я, окажется неблагодарным?»

Якша сказал: «Тогда ты никогда не освободишься от ее преследований.

16. Не уважающего добродетели нахального злодея как можно укротить, не отказавшись от смиренного терпенья?»

Бодхисаттва сказал:

17. «Если счастье достается благодаря мученьям ближних, иль отвращается таким же образом беда, то счастья в результате не достигнуть, и так не стоит поступать.

18. А если он того не понимает, в чем наставляю я его своим терпением, то потом столкнется с тем, кто не прощает, и тот свернет его с неправого пути.

19. Узнав дурное обращение, он перестанет относиться дурно ко мне подобным. Наказанный, он больше так себя вести не станет, и я тогда освобожусь».

Тогда якша, преисполнившись верой, изумлением и уважением, воскликнул: «Прекрасно, прекрасно!» — кивая головой и делая одобрительные жесты, и прославил Великосущного следующими словами:

20. «Откуда у животных поведение такое? Откуда безграничное почтение к добродетелям? С каким-либо намереньем ты принял этот облик. несомненно; наверное, ты — подвижник, обитающий в лесу».

Враг, при таком понимании, становится нашим испытателем, как бы учителем. С помощью врагов мы учимся, закаляемся. Спаси-бо врагам!

Так восхвалив Бодхисаттву, якша сбросил негодную обезьяну с его спины и, научив его предохраняющим чарам, исчез.

Таким образом, «лишь в том случае можно проявить кротость, когда представляется случай простить кого-нибудь, поэтому добродетельные даже причиняющих им зло почитают, как приносящих пользу». [Так должно говорить, проповедуя о кротости. Также следует говорить: «Так проявляется непоколебимая стойкость бодхисаттв даже в животном облике; может ли человек или давший обет отречения от дома быть лишенным ее?» А также следует излагать этот рассказ при восхвалении Татхагаты и в проповеди о почтительном внимании к праведному закону.]

Вот мудрость, высшее понимание! Христос говорил о том же.

Слава мудрости вечной, которая как солнце светит нам через века, помогая оставаться людьми. Главное иметь открытое сердце навстречу лучам этого солнца. Солнце мудрости Востока одинаково согреет и Россию, и Запад, если не иметь предвзятости, предрассудков, а смотреть в суть, в корень. А корень этот един для всех — это наш дух, наша совесть. Они общечеловечны, планетарны, всекосмичны. Спасибо тем, кто сохранил эти строки и донес их до нас... А мы понесем этот свет детям!

XXXIV. ДЖАТАКА О ДЯТЛЕ

Даже побуждаемый к дурным поступкам, добродетельный человек не будет совершать их в силу своей непривычности к ним. Вот как об этом назидательно повествуется.

Бодхисаттва как-то жил в одной лесной стране в облике дятла, отличавшегося своим сияющим различными оттенками оперением. Проникнутый состраданием, даже в таком состоянии, он не следовал обычному образу жизни дятлов, оскверненному причинением вреда живым существам.

1. Он был вполне доволен нежными побегами деревьев, благоухающими ароматами цветов и сладкими плодами, разнообразными по вкусу, запаху и цвету.

2. Он наставлял как должно в праведности ближних, посильно помогая в беду попавшим, удерживал неблагоприятных от безнравственных поступков, свою заботу проявляя так об интересах ближних.

Таким образом, в том лесном уголке счастливо процветало под покровительством Великосущного множество животных, словно имевших в его лице наставника, родственника, целителя и справедливого царя.

3. И в той же степени, как многократно увеличивалось их число под покровительством величия сострадания его, в такой же мере росли и добродетели им охраняемых животных.

И вот однажды Великосущный, чувствовавший сострадание к живым существам, гулял по лесу. Он увидел корчившегося от нестерпимо острой боли, словно пронзенного ядовитой стрелой, льва с грязной от пыли и растрепанной гривой.

Подойдя к нему, движимый состраданием, он спросил: «Что случилось, о царь зверей? Я вижу, что ты, несомненно, тяжело болен.

4. Из-за того ль, что слишком заносился ты перед слонами, или из-за стремительной погони за оленем? Чем вызвано твое недомоганье? Усталостью, стрелой охотника или какой-нибудь болезнью?

5. Скажи же, что с тобой, а также объясни, что нужно сделать для тебя. И если есть возможность у меня прийти на помощь другу, то будешь ты доволен тем, как я ее использую, чтобы вернуть тебе здоровье».

Лев рассказал: «О добродетельный, лучший из птиц! Мое недомогание вызвано не усталостью, не болезнью, не стрелой охотника. Кусок кости, застряв в горле, непрерывно терзает меня, как острые стрелы. Я не могу ни проглотить его, ни выплюнуть. Поэтому только друзья могут помочь мне. И если ты знаешь, как помочь, то сделай меня счастливым». Тогда Бодхисаттва, обдумав своим пронизательным умом способ извлечения этого острого осколка, взял палку, достаточную по размерам, чтобы вставить ее в виде распорки в пасть льва, и сказал ему: «Открой рот, насколько можешь». Тот так и сделал. Тогда Бодхисаттва, укрепив как следует палку между двумя рядами зубов, проник до основания его глотки. Взяв клювом торчащий поперек горла кусок кости за один конец и расшатав его, он схватил его с другой стороны и наконец вытащил. Вылезая, он выбросил палку, удерживавшую челюсти льва.

6. Хирург искусный и умелый так ловко не извлек бы, сколько ни старался, подобную занозу, как вытащил ее он благодаря своим талантам, развившимся не от упражнений, а шедшим вслед за ним через рождений сотни.

7. Извлеки вместе с костью боль и причиняемые ею мученья устранив, возрадовался он тому, что удалил страдания причину, не меньше льва, спасенного от кости.

Такова праведная натура добродетельного человека:

8. Доставив счастье или отвратив несчастье от другого существа, хоть и с трудом великим, гораздо более доволен добродетельный, чем если бы с легкостью он своего добился счастья.

Таким образом, Великосущный, избавив льва от страданий и радуясь этому всем сердцем, попрощался с ним и, выслушав его почтительную благодарность, отправился своим путем.

И вот однажды этот дятел летал повсюду, сияя блеском своих расправленных крыльев, и не смог нигде найти ничего пригодного для еды. Сжигаемый пламенем голода, увидел он того само-

го льва, наслаждавшегося мясом недавно убитой молодой антилопы. С испачканными кровью пастью, когтями и гривой он был похож на осеннее облако, освещенное отблеском заката.

9. Даже оказав когда-то льву услугу, он с неприятными словами просьбы к нему все ж обратиться не посмел. И хоть он был в речах искусен, на этот раз его заставила стыдливость дать обет молчания.

10. И все-таки, желая своего добиться, он стал прогуливаться с робким видом пред его глазами. Но негодяй, хотя следил за ним, не произнес ни слова приглашения.

11. Как семя, брошенное на скалу, как жертва, вылитая на потухший пепел, иль как цветок на дереве ви-дула, — такой же плод дает неблагодарному услуга, когда расплачиваться нужно.

Тогда Бодхисаттва, подумав, что лев, конечно, его не узнает, приблизился к нему, не испытывая никаких опасений, и попросил у него уделить что-нибудь, сопровождаая просьбу, по обычаям просителей, надлежащими словами благословения:

12. «Да будет тебе благо, царь зверей, своей отвагой жизнь свою поддерживающему! Прошу тебя почтить просителя и увеличить тем свои заслуги и славу добрую».

Но даже когда к нему обратились с такими приятными словами благословения, лев, чье поведение из-за его жестокости и себялюбия было недостойно благородного, посмотрел искоса на Бодхисаттву, словно желая испепелить его взглядом своих глаз, покрасневших от пламени гнева, и сказал:

«Довольно!

13. Достаточно того, что ты ушел живым, попавши в пасть ко мне, не знающему сострадания и пожирающему трепетных оленей.

14. Ты снова оскорбил меня, своею просьбой беспокоя. От жизни, видно, ты устал и хочешь мир иной увидеть».

Тогда его отказ, выраженный такими грубыми словами, вызвал чувство стыда у Бодхисаттвы, и он поднялся в небо. Он полетел своим путем, говоря ему шумом своих распростертых крыльев, что он — птица.

Между тем некий лесной бог, то ли потому, что не мог вынести такого оскорбительного обращения, или же желая испытать пределы его сдержанной стойкости, взлетел в небо и сказал Великосущному:

«О лучшая из птиц! Почему ты, оказав этому негодяю услугу, прощаешь его оскорбительное обращение, хотя в силах отомстить ему? Что значит твое бесстрастное отношение к этому неблагодарному?»

15. Как ни могуч он, но, напав внезапно, ты можешь вырвать у него глаза, иль пищу утащить, зажатую в его зубах. Зачем же наглость ты его прощаешь?»

Тогда Бодхисаттва, хотя и оскорбленный грубым поведением, несмотря на подстрекательства лесного бога, ответил ему, раскрывая все благородство своей натуры:

«Довольно говорить о таких поступках. Не этим путем идут мне подобные.

16. Из сострадания, не из корысти поможет добродетельный в беду попавшему, и безразлично для него, поймет ли это тот. К чему же гнев здесь?

17. И тот — другой, не зная благодарности, обманывает только сам себя. Ведь кто, желая платы за услугу, второй раз сделает ему добро?

18. А тот, кто оказал услугу, в мире ином достигнет праведности и ее плодов благодаря спокойствию, а здесь — блестящей славы.

19. Если услуга — праведный поступок, то кто же будет сожалеть потом? А то, что сделано в расчете на награду, — не услуга, а лишь отдача в долг.

20. Кто замышляет вред ближнему, в обиде на его неблагодарность, тот, добродетелью своею сначала славу добрую сыскав, затем ведет себя слонам подобно.

21. Если же ближний по неразумению не знает, как отблагодарить, он не достигнет того блеска, который любит только добродетели. Так кто ж благоразумный предпримет шаг такой, чтобы разрушить высоко поднявшуюся славу?

Вот что мне кажется наиболее подходящим.

22. Кто дружелюбья не питает, даже после услуги, оказанной ему достойным человеком, того покинуть следует спокойно, без грубости, без гнева».

Тогда бог, радуясь всем сердцем подобным прекрасным словам, несколько раз с похвалой воскликнув: «Прекрасно, прекрасно!» — сказал ему несколько приятных слов:

23. «Не носишь ты пучка волос на голове, себя не затрудняешь ты одеждой из рогожи, но в остальном ты настоящий риши, грядущее постигший. Ведь не одежда делает святого, поистине святой лишь тот, кто добродетелями наделен».

Отличив и почтив его таким образом, он исчез.

Таким образом, «даже побуждаемый к дурным поступкам добродетельный человек не будет совершать их в силу своей непривычности к ним». [Так следует говорить, восхваляя добродетельных. Это же нужно приводить в проповеди о кротости и говорить так: «Человек, проникнутый кротостью, не знает ни с враждой, ни с оскорблениями. Он приятен многим людям, любящим его». Говоря о благоразумном спокойствии, следует привести следующие слова: «Мудрые, великие в своем благоразумном спокойствии, сохраняют блеск своих добродетельных качеств». Так же, восхваляя величие души Татхагаты и

постоянное проявление благородства его натуры, следует говорить: «Таким образом, даже в состоянии животного стремление к проявлению благородства характера не дает уйти с правильного пути».]

VIII. ДЖАТАКА О МАЙТРИБАЛЕ

Сокрушаясь о страданиях ближних, высокосострадательные не обращают внимания на собственные удовольствия. Вот как об этом назидательно повествуется:

Некогда Бодхисаттва, всегда направлявший все свои помыслы на спасение мира, отдался всей своей высокой душой состраданию и, преуспевая в возвышенных добродетелях, способных облагодетельствовать мир, таких, как щедрость, смирение, самообуздание, благожелательность и так далее, всем сердцем исполненный дружелюбия ко всему живому, был царем по имени Майтрибала.

1. Случалось ли несчастье или радость у его народа, все это царь переживал, как личное свое: умел искусно он народ свой охранять; и потому, смотря по обстоятельствам, за меч он брался или за законы¹.

2. Но меч его служил лишь украшением; ведь приказанием его цари внимали, почтительно склонившись перед ним; закон же ярко проявлялся в мудрых мерах, несущих людям благо.

3. И, применяя наказание или поощрение, не нарушал он этим справедливость. Все помыслы направив на добро, весьма искусный в управленье царством, он, как отец, вникал в дела народа.

В то время как он столь справедливо охранял народ свой, стремясь всем сердцем доставить ближним счастье правдивостью и щедростью, спокойствием и мудростью, и тем преуспевал в необычайных и возвышенных деяниях своих, служащих средством для достижения состояния *бодхи*², в царство его пришли однажды пять якшей оджохара³, привыкших убивать других и изгнанных царем⁴ из царства якшей за какую-то провинность. Увидев, что в этом царстве, благодаря отсутствию всяких бедствий, народ живет в довольстве и радости и в полном благополучии, проводя время в постоянных разнообразных празднествах, они возымели желание лишить жителей этой страны силы.

4. Но хоть и с крайним напряжением взялись они за дело, однако же у жителей страны той силы не смогли отнять.

5. Могущество царя столь поразительно огромно было, что мысль его «мое» высокою защитой становилась; и оттого они не в состоянии были лишить кого-нибудь в стране той силы.

Когда, несмотря на величайшие усилия, они не смогли отнять силу у кого-нибудь из жителей этой страны, то стали так говорить между собой:

«Да что бы это могло значить, друзья?

6. Ведь нет у них особых преимуществ в знании, в волшебной силе или подвигах, при помощи которых они могли бы противодействовать великой нашей мощи; и все же пришли сегодня мы к тому, что наше имя «оджохара» бессмысленным казаться стало».

И вот те якши, приняв вид брахманов и блуждая по стране, увидели вдруг некоего пастуха, живущего в лесу; он сидел на зеленой траве у подножия тенистого дерева; на ногах его были башмаки, на голове — венок, сделанный из цветов и побегов лесных деревьев; направо от него лежали его палка и топор. Он был один и занимался тем, что вил веревку, напевая себе под нос веселую песенку.

Приблизившись к нему, они сказали: «Тха-тха-тха, да-да, ка-ка-ка-ка! Эй ты, защитник коровий! Как же не боишься ты, живя один в этом глухом, безлюдном лесу?» Тот, взглянув на них, сказал: «Чего же мне бояться?» Якши сказали: «Разве ты не слыхал еще, что якши, ракшасы⁵ и пишачи⁶ жестоки по своей природе?

7. Ведь даже находясь в толпе друзей, вооружившись знанием, подвигами и *свастьяной*⁷, от них едва ли найдется спасенье человек, хотя бы, как герой, он презирал опасность.

8. Они ведь пожирают человеческое мясо. И как ты не боишься ракшасов — здесь без друзей, один в глухом лесу пустынном, наводящем ужас!»

Выслушав их, рассмеявшись, пастух ответил:

9. «*Свастьяна* народ сей охраняет; ведь потому и сам богов Владыка его не может тронуть; что же говорить о пишачах!

10. Поэтому в лесу я словно дома, а ночью — будто днем, один — как бы в толпе друзей, без страха здесь живу».

Тогда те якши в сильном любопытстве, почтительно поощряя его, сказали: «А ну-ка, расскажи нам, расскажи же, братец, что тут у вас за особенная *свастьяна*?» Тот, усмехаясь, им в ответ сказал:

«Узнайте же, какова у нас необычайная, чудесная *свастьяна*:

11. Как камни Золотой горы, так грудь его крепка, лицо прекрасно, как манящий сердце осенний ясный месяц; как палицы из золота, длинны и крепки руки; его глаза и сила — как у быка: то царь наш!

Такова наша дивная *свастьяна*. — Промолвив это, он с раздражением и изумлением посмотрел на якшей и снова к ним обратился: «Но ведь это удивительно.

12. Гремит повсюду слава о могуществе царя, так как же вы могли о нем не слышать? Иль, может быть, вы слышали о нем, но из-за необыкновенности та весть за-былась?

13. Боюсь, что люди той страны, откуда вы пришли, или к исканиям высоких качеств не способны, иль любопытства вовсе не имеют; а может быть, лишились счастья знать о славе нашего царя вы из-за уменьшения своей судьбы счастливой.

Ну да, видно, есть еще у вас остаток счастливой судьбы, если из такой дикой страны прибыли сюда».

Якши спросили: «Друг, расскажи нам, откуда такая великая мощь у вашего царя, что даже всякие ракшасы, якши и прочие не в состоянии повредить народу, населяющему его страну?» Пастух сказал:

«Мощь великого царя, нашего владыки, достигнута величием его души. Смотрите, о великие брахманы.

14. Могущество его есть дружелюбие: могучее же войско. с высокими знаменами. здесь сохраняется лишь по привычке: не знает злобы он и слова грубого не молвит никогда: как надлежит. свою страну оберегает. Его руководитель — справедливость. не извороты хитрые житейской мудрости: его богатства существуют лишь затем. чтоб выразить почтение добродетельным: он — воплощение чуда дивного. и все же гордости он выше и богатства злых людей.

Важно сказать детям, что подобные добродетели всегда были истинной силой человека: дети должны знать, в чем настоящая сила.

Вот какими добродетелями и еще сотнями других одарен наш государь. Поэтому никакие бедствия не могут причинить вред народу, живущему в его стране. Но как мало я могу сказать вам! Если вы хотите услышать о добродетелях великого царя, вам следует отправиться в столицу. Там вы увидите людей, ревностно соблюдающих свои обязанности, крепко держащихся установленного ариев^а, благодаря всегдашнему спокойствию и довольству они жизнерадостны и живут в достатке, они одеты в прекрасные, но скромные одежды; в высшей степени они приветливы к гостю, зашедшему к ним; всем сердцем они увлечены добродетелями царя; в радостном воодушевлении распевают хвалебные гимны во славу его, словно молитвы или сулящие счастье заклинания; увидев все это, вы сможете сделать заключение о величии добродетелей самого царя.

И если в вас уже родилось почтение к высоким качествам его, то, желая увидеть царя, вы непременно заметите и все добродетели его».

Тогда те якши, сердца которых и без того пылали злобой против дивного царя за сопротивление их силе, конечно, не смягчились, услышав тот, проникнутый любовью, рассказ о его добродетелях.

15. Обычно ведь бывает так, что сердце глупого, пылающее злобою к чему-нибудь, еще сильнее распаляется от восхваления этого предмета.

Узнав о сильной склонности того царя к даяньям, якши, желая причинить ему зло, пришли к царю в приемный час и попросили пищи.

И царь, всем сердцем радуясь, отдал приказание слугам, назначенным для этого, подать скорее брахманам самой лучшей пищи.

Однако якши, не прикоснувшись даже к принесенной пище, хоть она была достойна царского стола, как тигры, не прикасающиеся к зеленой траве, заявили: «Подобной пищи мы не вкушаем».

Услышав это, царь, приблизившись, спросил их: «Какого ж рода пищу вам получить желательно? Нужно поискать такой!»

И якши сказали:

16. «О лотосоокий, лишь свежее и теплое еще мясо людей и кровь их — вот якшей пища и питье, знай это ты, о не нарушающий обетов».

Промолвив это, приняли они свой безобразный, ужасающий вид: страшные клыки высывались из их пастей, косые, красные жестокие глаза их сверкали; у них были вывернутые, безобразные плоские носы; борода и волосы их — рыжие, как пылающий огонь, а сами они — черные, как напоенная водою туча. Рассмотрев их, царь сразу же решил: «Ведь это пишачи, не люди, поэтому они и не хотят нашего питья и пищи».

17. И у царя того, сострадательного по природе и сердцем чистого, явилось еще большее к ним сострадание.

С сердцем, преисполненным глубочайшей жалости, он, скорбя за тех якшей, наверно, впал в такие размышленья:

18. «О, как же трудно сострадательному достать подобное питье и пищу! И ежедневно нужно ведь искать! Что за великие мучения отсюда происходят!

19. А кто жесток, коль не способен пищу он подобную добыть, усилия все его не достигают цели, а если может пищу он добыть, насколько тяжелее положение его в необходимости всегда творить лишь зло!

20. Когда ж придут к концу страдания этих якшей, вкушающих такую пищу, сердца которых скверны преисполнены и сострадания лишены! Ведь ежедневно они губят свое счастье.

Как же мне теперь быть? Как могу лишить я жизни близких или причинить им страдания, чтобы доставить якшам пищу, хотя бы на один день?

21. С другой же стороны, не помню, чтобы когда-нибудь, надежды обманув, поверг в уныние я тех, кто обращался с просьбами ко мне, чтобы убил я красоту, сияние на лицах их, как губит лотосы холодный ветер. Ну, так и быть! Я знаю, что мне делать!

22. От своего я тела дам им мяса с кровью, большие жирные куски. Какой же может у меня другой быть выход? Они ко мне ведь с просьбой обратились!

23. Ведь мясо тех, кто умер своей смертью, холодным будет и без крови; оно им не понравится, конечно, а по их телам измученным заметно, что страшный голод их снедает.

Хотя бы я и хотел, откуда ж взять мне мяса у другого живого существа? Они пришли ко мне с запавшими от голода и жажды глазами на исхудалых лицах. Если будут обмануты их надежды и желанья, то как они будут возвращаться, с сердцами, измученными и разбитыми еще больше? Я вижу, что время уже наступило.

24. С тяжелой раной сходное, всегда болезненное тело источником страданий было для меня; в возмездие за это причиню ему я боль, однако в высшей степени приятную, воспользовавшись им для высочайшей цели».

Решив так, Великосущный с сияющими глазами и лицом, расцветшим от нахлынувшей радости, показывая свое тело, обратился к якшам:

25. «Вот это мясо вместе с кровью я сохранял для блага мира только, и если подойдет оно для угощения гостей, то день сегодняшний великим праздником, великим счастьем будет для меня».

Тут якши, хоть и знали образ мыслей этого царя, все же ему не поверили — ведь слишком необычайно было это! — и обратились они к нему с такою речью:

26. «Когда просящий обнаружил души страданье скорбной просьбой, кому, как не дающему, знать лучше всех, что дать?»

И вот царь, с мыслью: «Они на мое предложение согласны!» — в сердечной радости велел позвать своих врачей, чтоб вскрыли ему жилы. Но советники царя, узнав, что он решил отдать свое мясо вместе с кровью, вне себя от возбуждения и возмущения, любя его всем сердцем, такие приблизительно слова ему сказали:

«О государь великий! В своем необычайном радостном стремлении к жертвам ты не должен забывать о народе, который тебя любит! Подумай, будет ли добром или злом это для народа? К тому же неизвестно государю:

27. Все то, что злом грозит народу, о высокий повелитель, для ракшасов приятно, и действия, несущие страдания другим, дают им удовлетворенье, безупречный: таков уж род их по своей природе.

28. Ты не привязан к наслаждениям, государь. Ты носишь бремя управления царством единственно для блага мира: поэтому оставь намеренье отдать свое им тело, покинь ты ложный путь решения своего!

29. О, несомненно, государь, они не могут одолеть народ, хранимый доблестью твоею; и вот, когда разрушены хитросплетения их и козни, они теперь стремятся искусным планом наш народ в несчастье ввергнуть.

30. Ведь даже боги радуются жиру, салу и другим подобным возлияниям в огонь при жертвах, а этим якшам не понравилась и совершенная, искусно приготовленная пища, такая чистая и с твоего стола!

Конечно, люди, нам подобные, не должны, о великий государь, высказывать своих воззрений, однако ж преданность своему долгу теперь побуждает нас оставить путь учтивости, приличный нам. Всего лишь ради этих пятерых ты хочешь ввергнуть в несчастье весь мир — да разве может такая мысль быть путем к праведности, о государь? К тому же, почему такое отсутствие любви к нам? И почему наши тела, наполненные горячей кровью, которые употреблялись нами на службу господину, остались тобой незамеченными, и хотя они еще ведь не исчезли, государь все же отдать желает свои кровь и мясо?»

В ответ на это царь сказал своим советникам:

31. «Как мог бы человек, подобный мне, когда к нему с столь ясной просьбой обращаются, промолвить «нет», сказать «не дам» или сказать неправду, меж тем как есть просимое?

32. В вопросах справедливости я — вождь народа, и если бы на путь неправый уклонился сам, в каком же положении народ мой оказался бы? Ведь он в своих поступках следует моим путем!

33. И потому, радея о народе, спасу из тела я наимценнейшее. Как смог бы принести я благо миру, когда б впал в малодушие и сделался доступным себялюбью?

Что касается ваших слов, исполненных любви и глубокого доверия, проистекающих из любви и вашего высокого уважения к нам, а именно: «Зачем такое охлаждение к нам, что, хотя еще не исчезли наши тела с кровью, царь хочет отдать свое тело», — я успокою вас. Не думайте, что недостаток доверья стал препятствием на пути моей любви к вам или что этот путь стал недоступен из-за глубокой пропасти подозрения. Однако:

34. Когда богатство постепенно убывает или благодаря превратностям судьбы совсем исчезнет, тогда уместна просьба, обращенная к друзьям; а как богатый может попросить у бедного?

35. Ведь тело у меня достаточных размеров, крепкое, покрыто толстым слоем мяса и легко доступно для просящих; и было бы неблагоприятным ваши пожелать тела.

36. Я не способен выносить страдания даже незнакомых мне существ; какой бы мог быть разговор о вас? И потому хочу отдать свое я мясо, к тому же с просьбой обращаются они ко мне, не к вам!

Поэтому не нужно удерживать меня от исполнения святого долга, хотя ваша смелость проистекает из великой любви ко мне. Поистине, вам не подобает так вести себя по отношению к тем, кто приходит ко мне с просьбою. К тому ж вам нужно обратить внимание вот еще на что:

37. Как нам назвать того, кто преграждает путь желающему ради пользы собственной дать пищу и питье? Хорошим будет ли его поступок иль дурным? Тем более в подобном случае.

Оставьте же свое упорство. Взвесьте твердо и разумно все, как подобает моим слугам, и не пускайте свои сердца по ложному пути. Вам были бы приличнее радостные, ободряющие речи, чем этот малодушный вид. И вот почему:

38. Ведь каждый день мы можем видеть тех, кто просит денег, которые одно имеют применение. Подобных же просителей нам невозможно встретить, даже умиловив богов!

39. Когда приблизится подобный к нам проситель, — а тело наше бrenно и является вместилищем страданий, — то даже размышлений путь нам говорил бы об отсутствии душевной высоты, а себялюбье жалкое глубокой было бы тьмою.

Поэтому, друзья, вы не должны меня удерживать».

И, убедив их таким образом, царь, позвав в свою залу врачей, повелел им открыть пять жил в своем теле и обратился к якшам с такими словами:

40. «Благоволите оказать мне помощь в благочестивом деле этим и радость высочайшую доставьте, приняв сей дар!»

Они ответили согласием на это и пригоршнями стали пить кровь царя, темно-красную, как красный сок сандала.

41. И царь, позволив этим призракам ночным пить кровь свою из ран, весь просиял, из золота как будто его тело было, подобно горе Меру, облаченной облаками, зарей вечернею окрашенными и осевшими под тяжестью воды.

42. От радости необычайной и дивной стойкости и от телесной силы не ослабело его тело, не перестало биться сердце, и крови не уменьшилась струя.

И, утолив свою жажду, те якши сказали царю: «Довольно этого».

43. Когда вместилище страданий бесконечных, тело, неблагодарное всегда, здесь средством стало выразить почтение к просящим, высокой радостью наполнилась душа царя.

Тогда царь расцвел радостью, его лицо и глаза были полны ясного спокойствия, и, взяв острый меч, клинок которого, голубой, без пятнышка, был похож на лепестки голубого лотоса, а чудная рукоятка была украшена сияющими драгоценными камнями, он стал отрезать кусками свое мясо и давать якшам.

44. Душа его от постоянно приливавшей радости свершать даяния утратила возможность воспринимать страдания от истязаний.

45. Влекомая ударом каждым острым мечом и радостью отбрасываемая далеко, боль, как бы усталостью охваченная, медлительною стала, проникая в сердце государя.

46. С такой глубокой радостью насытил якшей он свою плоть, что даже демонов жестокие сердца смягчились.

47. В своей любви к закону правды или из сострадания, отдав на пользу ближним тело драгоценное свое, ведь можно в злато веры чистое их обратить сердца, хоть и пылающие ненависти пламенем.

И якши, посмотрев на царя, занятого вырезыванием кусков собственного мяса, и видя, что лицо его сохраняет ничем не нарушимое спокойствие и на нем не дрожит ни один мускул, несмотря на боль от вырезывания мяса, пришли в чрезвычайное умиление и изумление.

48. «О чудо дивное! О, что ж это такое? Да правда ль это?» — такие радостные мысли в них поднимались, и, забыв свою всю злобу против этого царя, они с хвалою и с умилением в сердце склонились перед ним.

«Довольно, довольно, о государь! — они сказали. — О, перестань же причинять страдания своему телу. Мы совершенно удовлетворены твоим чудесным подвигом, чарующим сердца просящих!» С этими словами они в великом возбуждении, склонившись, остановили царя. Их лица были орошены слезами умиления, и, с глубочайшим почтением подняв на него глаза, они снова обратились к царю:

49. «Как прав народ твой, что, благоговей пред тобою, стремится всюду разнести он славу о тебе! О, как права богиня Шри, презревшая лес лотосов и гордая лишь тем, что жить с тобою рядом может! О, несомненно, небо, хотя находится оно под покровительством у бога Шакры, кругом обмануто, когда без зависти взирает с высоты на эту землю, хранимую твоим геройством!

Зачем тут многословие? Поистине блажен весь род людской, имея такого покровителя! И нас сжигает скорбь, что мы согласились причинить тебе страдания. Общаясь с таким существом, как ты, можно даже существам, нам подобным, спасти себя. И, надеясь подавить свою дурную натуру, мы спрашиваем тебя:

50. Куда стремишься ты таким путем, какого состояния сверхчудесного достигнуть хочешь, презревши счастье царя, столь верное тебе, дающее так много наслаждений?

51. К чему же ты стремишься подвигами столь великими: к владычеству ли над вселенной, иль хочешь сделаться Куберой⁹ или Индрой, иль хочешь ты соединиться с *брахманом*¹⁰ и тем достичь конечного освобождения?

52. Чего бы ни решился ты достигнуть, желанное совсем уж недалеко. Об этом, если слышать мы достойны, благоволи, о господин, нам рассказать».

Царь сказал:

«Услышьте же, какова цель моих стремлений:

53. На бытии основанное счастье, достигнутое тяжкими усилиями и гибнущее без труда, не доставляет наслаждения никакого, ни удовлетворенности, не говоря уж о спокойствии души. Вот почему я не стремлюсь к счастью даже богов владыки, тем более к иному!

54. Взирая на создания беспомощные эти, отягощенные работою тяжелой и тяжкими пороками, к которым мы привязаны, — уничтожением страданий только личным не удовольствуется мое сердце.

55. Заслугой этою всеведения достигнув и победив своих врагов — все страсти злые, хочу спасти я мир из океана бытия, где воздымаются столь страшные валы, как смерть, болезнь и старость».

И вот якши, у которых от умиления и радости поднялись волоски на теле¹¹, поклонившись, сказали царю:

«Этот подвиг твой достоин такого великого решения! Посему недалеко уже прекрасная та цель, к которой стремятся тебе подобные. С полной уверенностью в сердцах мы возвещаем это.

56. О, несомненно, к благу мира направлены стремленья все твои. Благоволи же вспомнить и о нас тогда и удели особое вниманье благу нашему.

57. Что по незнанию тебе, о господин, здесь причинили столько мук, — благоволи простить нам: мы даже пользы собственной не ведали совсем!

58. Благоволи ж нам повеленье дать теперь, которое исполнив, мы заслужили б твою милость, и даруй свое доверье нам, как слугам собственным».

И царь, узрев, как их сердца смягчились верой, обратился к ним: «Вы мне не страдания причинили, а оказали услугу. Оставьте свою ненужную печаль. К тому же,

59. Когда столь труден путь закона истинного, — зачем же спутников своих я буду забывать, достигнув совершенного познания? Вас первых приобщу к бессмертью я, вам первым сообщу закон конечного освобождения.

60. И если вы стремитесь сделать мне приятное, — как яда избегать должны вы прегрешений: причинения вреда живым, стремления к чужой жене или богатству, злословия и опьяняющих напитков».

После этого якши, ответив ему: «Да будет так», — поклонившись и обойдя его слева направо, тотчас исчезли.

Когда Великосущный принял решение пожертвовать своим мясом и кровью,

61. Неоднократно содрогнулась вся земля и в сотрясенье привела Златую гору: от сотрясения зазвучали там литавры, посыпались цветы с деревьев.

62. Посыпавшись на землю вниз, они казались то облаком, гонимым ветром, то стаей птиц, то балдахином, а с иного места похожи были на гирлянду завитую, — и разом вокруг царя, рассыпавшись, упали.

63. Сам океан великий с возбуждением, все возмставшим, казалось, удержать хотел властителя земли, и яростно вздымались волны, кидаясь с страшным ревом. Казалось, вся громада моря готова ринуться вперед.

64. «Что это?» — думал царь богов, охваченный волнением; потом, постигнувши причину, обеспокоенный опасностью, грозившею царю, он быстро полетел сам в царский дом, где вся семья царя была потрясена боязнию и скорбью.

65. Глубоко изумленный спокойствием на лице государя, которое он сохранил и в этом состоянии, приблизившись к нему, прославил в радости и умиление Шакра сей подвиг дивный своим прекрасным голосом:

66. «О высочайшая вершина жизни добрых! О несравненное величие сокровищ, здесь упражнением в добродетели добытых, о дух, украшенный благоволением к ближним, — в твоей руке нашла вселенная надежную опору!»

Почтив царя такой хвалой, Шакра, владыка богов, при помощи различных небесных и применяемых людьми трав, способных немедленно исцелять раны, сделал его тело столь же здоровым и безболезненным, каким было оно раньше. И, приняв выражение почтения царя, которое тот оказал ему с приятностью, вежливостью и с благовоспитанной учтивостью, удалился снова в свою обитель.

Таким образом, «сокрушаясь о страданиях ближних, высоко-сострадательные не обращают внимания на собственные удовольствия». [Зная это, кто же не освободится от привязанности к тому тлену, каким является богатство? Это следует рассказывать, чтобы возпламенить сердца сострадательных; равным образом, говоря о сострадании, о величии Татхагаты и для побуждения к благоговейному вниманию к святому закону. Также и слова вла-

дыки: «поистине великие подвижники — эти пять монахов», — должны быть связаны с этой джатакой, ибо в это время те пятеро (первых учеников)¹² были якшами. Ибо их, как это и было обещано раньше, владыка первыми приобщил к бессмертию святого закона.]

В этой джатаке мы видим, что зло побеждается силой добра. Конечно, созданные образы весьма сложны для нашего восприятия, но тем самым они и сильно запечатлеваются.

Помимо самого действия, происходящего в джатаке, важны рассуждения персонажей. Через эти рассуждения раскрывается философия буддизма. Если для нас сложны такие понятия, как многократность жизни, стремление к прекращению этих земных проявлений и достижение высшего существования, высшего мира и т.п., то общечеловеческие, общенравственные аспекты джатак доступны и близки нам. С учетом некоторой обработки эти тексты могли бы быть рассказаны детям. Как и русские былины и древние сказания других народов, они представляют собой сокровищницу человеческой мудрости и нужны для воспитания нравственного, всесторонне развитого и культурного человека.

IX. ДЖАТАКА О ВИШВАНТАРЕ

Низкие душой не способны даже возрадоваться благу, содеянному Бодхисаттвой, а тем более поступать так же, как он. Вот как об этом назидательно повествуется.

У шибийцев был царь по имени Санджая: он укротил и совершенно подчинил себе все чувства и благодаря своей доблести, житейской мудрости и скромности был победоносен и счастлив; благодаря постоянно проявляемому им строгому почтению к старшим он постиг истинный смысл трех *Вед* и логики; его справедливое управление и суд высоко восхвалялись преданным ему народом, который с усердием относился к своим обычным делам и наслаждался безмятежным спокойствием и счастьем. Так он жил, как надлежало жить царю.

1. И так как он преуспевал в высоких добродетелях, любовью привязана была к нему, как верная жена, сама богиня счастья царского; и сделалась богиня недоступной даже для помышлений всех других царей, как львом хранимое убежище для всех других животных.

2. Все, кто с великим напряжением науке иль искусству отдавался иль подвигам суровым, к нему всегда являлись и, обнаружив в испытании свои таланты, почтение и уважение его встречали.

Сын его, по имени Вишвантара, следующий за ним по высокому положению, но не уступавший ему по великому числу высоких качеств, был назначен наследником.

3. Хоть юн был он, но привлекал своим спокойствием он всех, как старец, и, пылким будучи, был склонен

по своей природе к кротости; украшенный познаниями, в своей учености высокомерным не был; богато одаренный красотой, он все же был свободен от тщеславья.

4. Когда по странам всем распространилась весть о добродетелях его, и славою его наполнилась миров триада¹, то места не было нигде для слабой, бледной славы других царей; казалось, она не смела даже показаться.

5. Не в силах вынести страданий, охвативших мир, вооружившись огромным луком сострадания, он, казалось, выступил на страшный бой, разя их градом стрел — своих даяний.

Он ежедневно доставлял великие радости нуждающимся, которые приходили к нему с просьбами, раздавая с великою охотой различные вещи, в размере большем, чем просили, сопровождая свои даяния приятными речами и привлекающим сердца учтивым обхождением.

В дни *парван*² он, блистая строгим исполнением поста и соблюдением покоя, омыв свою голову и обвязав ее белой льняной тканью, взойдя на прекрасного и лучшего из всех слонов слона, отлично выезженного, подобного вершине Гималаев, украшенного мадой, струившейся по голове, обладавшего к тому же счастливыми приметами, прекрасным воспитанием, быстротою и решительностью, — осматривал свои рассеянные по всему городу благотворительные дома, которые были как бы водоемом, утолявшим жажду бедных. От этого он испытывал великую радость.

6. Богатство, в доме находясь, не доставляет щедрому и милосердному той радости великой, какую даст оно же, розданное бедным.

И вот однажды, когда бедняки-просители, сердца которых были исполнены радостью, разнесли славу о столь великой его щедрости, один царь, царство которого лежало по соседству с его землей, решив, что царевича можно обмануть, воспользовавшись его чрезвычайным увлечением щедростью, послал к нему брахманов, чтобы увести его лучшего слона. Когда Вишвантара осматривал свои благотворительные дома и очи его и лик сияли от радости, те брахманы, произнося благословения, предстали перед ним, воздев к нему руки. Тогда он, остановив прекрасного слона, приветствуя учтиво брахманов, обратился к ним с вопросом о причине их появления: «Благоволите сказать, какое дело привело вас?» Брахманы сказали:

7. «Прекрасные достоинства вот этого слона, столь величавого, прекрасного в движениях, а также слава щедрости твоей заставили нас с просьбою к тебе явиться:

8. Даруй нам этого слона, подобного горе Кайласа³, и этим преисполнишь ты сердца людей глубоким изумленьем».

Услышав это обращение, Бодхисаттва, сердце которого преисполнилось радостью, так стал размышлять: «Наконец-то я ви-

жу просителей, способных желать истинно ценное. Однако что пользы этим брахманам от подобного царственного слона? Ясно, что это жалкие козни какого-нибудь государя, ум которого полон жадности, зависти и ненависти.

9. О, да не будет опечален крушением своих надежд тот царь, который, праведность презрев и славу добрую, однако же как друг старается для нас!»⁴

Подумав так, Великосущный, поспешно сойдя с прекрасного слона, сказал тем брахманам: «Благоговите взять!» — и стал пред ними с поднятым золотым кувшином⁵.

10. Тогда, хотя он знал науку житейской мудрости, которая считает, что должно следовать дорогой праведности лишь постольку, поскольку это к выгоде нам служит, он, праведности преданный, отдал царя слонов, не дрогнув даже от нарушения правил мудрости житейской.

11. Отдав того царя-слона, украшенного дивной сеткой золотую, подобного громаде туч осенних, обвитых молнией, царевич радостью великою проникся; а горожане, руководствуясь лишь мудростью житейской, возмутились.

И вот, когда распространился слух о том, что царевич отдал царственного слона, в шибийцах поднялись гнев и злоба; почтенные брахманы, министры, воины и городские старейшины с криками и шумом приблизились к царю Санджае и, возбужденные недовольством и гневом, пренебрегая даже соблюдением надлежащего почтения, сказали: «Зачем ты допускаешь, царь, чтобы так губили богатства государства? Государь не должен забывать, что это создает опасность для его царства». — «В чем дело?» — взволнованно обратился к ним царь. И в ответ они сказали так: «Да разве государь не знает, что случилось?

12. Тот слон, вокруг которого поет рой опьяневших пчел, вся голова которого благоухает мадой, и ветер, ароматом насладившись, без напряжения, без труда сметает спесь, тщеславие других слонов,

13. Который своей мощью превосходит силу войск врагов твоих и словно усыпляет гордость их, тот слон твой, воплощение победы, — Вишвантарою отдан и уходится теперь в чужое царство.

14. Коровы, золото, одежды, пища — вот чем лично одарять брахманов, царь. Отдать царя слонов, в котором верный есть залог и счастья, и победы, — ведь эта щедрость слишком уж необычайна!

15. Раз удаляется царевич так с пути державной мудрости, то как его найдет богиня счастья? Здесь снисхождение неуместно, государь: ведь это лишь обрадует врагов!»

Выслушав эти слова, царь, из любви к сыну не особенно расположенный к своим советникам, все же принял во внимание все это дело и поспешно сказал: «Да, вы правы», — и, стараясь

их успокоить, он с такою речью обратился к шибийцам: «Я знаю эту излишне страстную склонность Вишвантары к щедрости, которая заставляет его забывать путь государственной мудрости; подобный образ действия не приличествует лицу, предназначенному занять первое место в царстве. Однако, как и извергнутую пищу, кто теперь может взять обратно отданного им слона? Впредь же я устрою так, чтобы Вишвантара знал меру в щедрости. Поэтому довольно гневаться».

Шибийцы же сказали:

«О нет, государь, одним лишь порицанием за это дело ты не справишь Вишвантару».

Санджая сказал: «Так что же еще я могу сделать?»

16. К порочным действиям питает отвращенье он, а к добродетелям привязанность его вам представляется пороком. Что ж может быть возмездием, достойным сыну моему за то, что отдал он слона, — тюрьма ли, казнь ли смертная?

Поэтому довольно гневаться; впредь я буду удерживать Вишвантару».

Тогда шибийцы, придя в бешенство, сказали царю:

17. «Кто стал бы одобрять казнь смертную, иль наказание заточеньем, иль порку сына твоего, о повелитель? Однако ж он, весь погруженный в исполнение святого долга, не подходит — по мягкости и состраданию своему — нести столь тяжкий груз — правленье царством.

18. Ведь тронем царским те владеют, кто доблестью своей прославились, искусные в служении трем целям⁶, — а царевич добродетели столь предан, что забывает о житейской мудрости; он более подходит для жительства в лесу.

19. Известно нам, ведь недостатки дурного управления царей их подданным свои плоды приносят; для подданных они терпимы, как это наблюдалось не раз, — но для царей губительны и подрывают корни власти.

20. Зачем тут много говорить? Вот твердое решение шибийцев — ведь вынести они бы не смогли гибели твоей: уйти царевич должен на гору Банка, в область сиддхов⁷, чтоб в подвигах высоких преуспеть».

Народ так грубо обратился к царю вследствие привязанности, любви и доверия к нему, опасаясь гибельных последствий дурного управления и радея о его же благе, и царь, смущенный гневом подданных, опустил глаза долу и с сердцем, полным мыслей о разлуке с сыном, тяжело вздохнув, сказал шибийцам: «Если вы настаиваете на этом, то благоволите дать ему времени хоть одни сутки: завтра на рассвете Вишвантара исполнит вам угодное». — «Да будет так!» — ответили с удовлетворением шибийцы. И царь обратился к слуге: «Пойди, поведай обо всем Вишвантаре». Тот ответил почтительным поклоном и, обливая лицо скорбными

слезами, явился к Вишвантаре, который находился в своем дворце. Громко рыдая в порыве печали и страдания, он упал к его ногам. «Здорова ли царская семья?» — в волнении обратился к нему с вопросом Вишвантара, и слуга, в отчаянии, с трудом произнося слова и даже слоги, сказал: «В царском семействе все благополучно». — «Так почему же ты в таком волнении?» — снова спросил Вишвантара слугу. Тот, заикаясь, так как подступивший ком слез сдавил ему горло, и лепеча слова медленно из-за прерывающегося дыхания, промолвил так:

21. «Не слушаясь царева приказания, которое им выражено было в ласковых словах, шибийцы недостойные в жестоком гневе тебя из царства изгоняют, царь».

Вишвантара сказал: «Меня шибийцы изгоняют, прогневавшись? Что это значит?

22. Не испытал я наслаждения, отклонившись от пути смирения, беспечность к долгу ненавижу я: за что ж прогневались шибийцы? Не помню, чтобы я свершил дурной поступок!»

Слуга сказал:

«За твое необычайное благородство.

23. Меж тем как удовлетворение твое всегда блистало бескорыстием, в сердцах просителей оно корыстью загрязнилось, и вот, когда тобой, высокий повелитель, был отдан царь слонов, то гнев спокойствие и мудрость у шибийцев отнял.

24. Итак, шибийцы наглые, забывшись, велят тебе идти путем, которым все изгнанники уходят».

И вот Бодхисаттва обратился к слуге со словами, в которых раскрывалась его глубокая любовь к просящим, возвышенная состраданием, а также его неистощимая стойкость: «О, как непостоянны шибийцы по своей природе, и как же мало известен им мой характер!

25. Как можно говорить о внешних нам вещах? Готов отдать я голову свою и очи. Для блага мира лишь ношу я это тело, что ж говорить тут об одежде и животных?

26. Того, кто жаждет даже своим телом почтить слова просящих, решили запугать они, чтоб не давал даров. Как ярко в этом видно ребяческое легкомыслие шибийцев!

27. О, пусть меня шибийцы все отсюда изгоняют или убивают, я все же буду продолжать творить даянья и с этой мыслью в лес отшельников иду».

Тогда Бодхисаттва обратился к своей супруге, лицо которой выражало сильнейший испуг от тяжелой вести: «Слышала ли ты решение шибийцев?» Мадри сказала: «Да, я слыхала, государь».

Вишвантара сказал:

28. «Все, сколько есть у нас имущества, полученного ли тобою от меня, иль родового твоего, все то имущество ты собери, о безупречнокая».

Мадри спросила: «Куда его сложить мне?» Вишвантара ответил:

29. «Всегда давай даянья благонравным, и ласковость пусть дар твой украшает. Так помещенное имущество не гибнет и следует за нами.

30. Приятное твори свекрови, свекру и за обоими смотри детьми, блюда ты праведность, не забывай о долге и не скорби со мной в разлуке».

Услышав это, Мадри, хоть и горело ее сердце от страданий, чтоб не нарушить душевную стойкость супруга, скрыла свою жестокую тоску и скорбь и так сказала ему:

31. «Несправедливо то, великий государь, что в лес один уйти ты хочешь: каким путем ты, царь, пойдешь, таким путем и я пойду с тобою.

32. Когда я около тебя, мне даже смерть как праздник, и хуже смерти жить здесь без тебя.

К тому ж, о государь, мне жизнь в лесу не кажется несчастьем. Подумать только:

33. В лесной глуши, вдали от злых людей, где речки чистые струятся меж деревьев, полно газелей, слышно пенье птиц, земля покрыта прекраснейшим ковром травы, как изумруд, зеленой. Насколько ж там приятнее, чем в наших пригородных рощах!

Кроме того, государь,

34. Взирая на своих малюток, украшенных одеждой и венками, играющих в кустах лесных, не будешь вспоминать о царстве.

35. Увеселять тебя в лесу там будут заросли растений, что свесились беседками над ручейками с чистой водой: лесная их краса, что обновляется весною каждою, всегда нова, юна.

36. И пенье стройное там раздастся хора разногласных птиц, тоскующих по наслаждениям любви; павлинов танцы можно видеть, обученных учителем великим — сладострастьем.

37. Там нежное, которого наслушаться не можешь, жужжанье пчел, сок сладкий пьющих; согласное их пенье будет твое сердце веселить в лесу.

38. А ночью скалы там, одетые сияньем месяца, сверкают, словно в платьях из дукулы⁸; там веет нежный ветерок лесной, забравший ароматы у деревьев и цветов.

39. А нежное журчанье речек, бегущих, спотыкаясь, по беспокойным камешкам! Их звуки так похожи на женских украшений звон и будут радовать твое там сердце!»

Так, ободренный милою женой, царевич, стремясь скорее уйти в лес, заботясь о бедняках, приступил к богатой и щедрой раздаче даров. Когда весть об изгнании Вишвантары дошла до царской семьи, там поднялась тревога, вопли и рыдания. И, словно вне себя от скорби, горя и волнения, толпа бедняков, как

пьяная или безумная, в смятение испускала вопли различных жалоб:

40 «О, если мать-земля не устыдится топоров, которым дали позволение срубить тенистое то древо, дающее столь сладкие плоды, то ясно будет, что она лишилась рассудка.

41. Ведь если нет того, кто б мог остановить стремящихся разрушить водоем с водой холодной, чистой, приятной, увы, тогда ведь зря богов-мирохранителей⁹ так называют! Тогда их нет, иль это слово — один лишь звук пустой!

42. Несправедливость бодрствует, а справедливость спит иль умерла, когда царевича Вишвантару из царства изгоняют!

43. О, кто способен столь искусно ввергнуть нас в несчастье, невинных, в мольбах влачащих жалкое существование? Жестокий, кто стремится погубить нас?»

Тогда Бодхисаттва роздал нуждающимся все свое имущество, все, что было в его полной сокровищнице: драгоценные камни, золото, серебро, ценностью в несколько сот тысяч, горы разных вещей, все, что было в амбарах и житницах — различное добро, зерно, а также рабынь, рабов, колесницы, упряжных животных, утварь и прочее, — все это распределил он соответственно потребностям каждого, и, с глубочайшим почтением поклонившись отцу с матерью, душевная твердость которых была глубоко потрясена скорбью и мукой, вместе с женой и детьми сев на прекрасную колесницу, сопровождаемый пожеланиями счастья, покинул столицу при громких воплях большой толпы народа. С большим трудом ему удалось убедить вернуться обратно глубоко преданных и следовавших за ним людей, опечаленные лица которых были мокры от слез; после этого он сам взял вожжи и поехал дорогою, ведущей на гору Банка. В ясном спокойствии духа миновал он окрестности столицы, увенчанные прекрасными увеселительными садами и рощами; постепенно ему стали попадаться отдельные тенистые деревья; люди стали встречаться все реже и реже; вот уже можно было видеть большие стада антилоп, бродящих в отдалении; наконец он достиг леса, который весь был наполнен громким стрекотанием цикад. Там неожиданно приблизились к нему брахманы и стали просить коней, запряженных в колесницу.

44. Хотя ему и долгий путь во много йоджан¹⁰ предстоял, к тому ж с супругой и с детьми, без всякой помощи, он все ж от радости даянье сотворить, не думая о будущем, отдал дваждырожденным четырех коней.

И между тем как Бодхисаттва хотел уже сам запрячься в колесницу и покрепче затягивал свой пояс, появились четверо юношей-якшей под видом чудных красноватых антилоп и, словно прекрасно выезженные лошади, сами подставили свои плечи под

ярмо колесницы. Увидев их, Бодхисаттва обратился к Мадри, глаза которой были широко раскрыты от изумления и радости:

45. «Взгляни, каков избыток сил святых в лесах, украшенных подвижников великих жительством, где их сердечное радушие к пришельцам пустило корни даже и среди чудеснейших животных диких».

Мадри сказала:

46. «Я думаю, что это лишь твоя сверхчеловеческая сила: ведь и у праведных, поднявшихся высоко в добродетелях своих, не одинакова бывает степень высоты их.

47. Ведь если ночью лотоса улыбка прекраснее, чем отраженье дивных звезд в воде, тому причина — месяца лучи, протянутые словно пальцы в любопытстве».

Меж тем как они продвигались вперед, проникнутые взаимною любовью, и вели такую приятную беседу, к ним приблизился другой брахман и попросил у Бодхисаттвы его прекрасную колесницу.

48. Тогда царевич, равнодушный к личным наслаждениям, но родственник заботливый для тех, кто с просьбой обращается к нему, желанье брахмана исполнив, отдал колесницу.

И вот Бодхисаттва, с сердечной радостью сойдя с прекрасной колесницы и высадив своих близких, передал ее брахману, а сам с сыном Джалином на руках пошел дальше по дороге пешком; и Мадри, тоже ничуть не пав духом, с дочерью Кришнаджиной на руках, шла за ним следом.

49. И, наклоня кончики ветвей с прекрасными плодами, деревья, казалось, приглашали его к себе — как будто во внимание к великой силе его заслуг склонялись перед ним в почтении ученики.

50. Когда он захотел воды, тотчас же перед ним явились водоемы; на их поверхности виднелась золотистая и белая пыльца тычинок; там колебали лебеди крылами лотосов цветы.

51. Прекрасный полог устроили тут облака: приятный, ароматный веял ветерок; а якши сократили путь, не вынося его страданий от усталости великой.

Так Бодхисаттва, как будто выйдя вместе с детьми и супругою на прогулку в сад, испытал наслаждение и удовольствие от ходьбы пешком и не вкусив горечи изнеможенья, увидел наконец гору Банка.

По дороге, указанной ему обитателями леса, он проник в лес отшельников, который был полон разнообразных чудесных деревьев с нежной гладкой корой, украшенных цветами, побегами и плодами. Опьяненные любовным упоением, птицы оглашали лес своим пением и криками; в нем красовались стаи танцующих павлинов; много стад газелей бродило тут; словно прекрасным поясом, лес был окружен рекою с чистой и глубокой водой; там

дул приятный ветерок, несущий золотистую цветочную пыльцу. Там в уединении стояла хижина из листьев, построенная по повеленью Шакры самим Вишвакарманом¹¹, прекрасная на вид, приятная во все времена года; войдя в нее, царевич поселился там.

52. И в том лесу, лелеемый любимой супругой, слух улаждая беззаботным милым лепетом детей, он, словно находясь в приятнейшем саду и думать позабыв о царстве, в суровых подвигах прожил полгода.

И вот однажды, когда царевна ушла в лес за кореньями и плодами, царевич же для присмотра за детьми находился возле дома, в эту местность пришел брахман. Его ноги по самые щиколотки были загрязнены дорожной пылью, лицо исхудало и глаза ввалились от изнурения; на плече — палка, к которой был привязан сосуд с водою; жена послала его со строгим приказаньем привести какого-нибудь слугу. Когда Бодхисаттва, долгое время [не имевший случая проявить щедрость], увидел пришедшего к нему просителя, от глубокой радости умиление разлилось по его лицу и засияло в глазах. Выйдя навстречу брахману, он приветствовал его словами «добро пожаловать» и другими приятными речами и пригласил зайти к нему в обитель; потом, почтив, как подобает, гостя, он обратился к нему с вопросом о причине его прибытия. И вот брахман, который из любви к жене утратил всякий стыд и разум, думая только о том, чтоб получить желанный дар, сказал ему приблизительно следующее:

53. «Идут там люди, где есть свет и ровная дорога, а не путем, препятствий полным; но в этом мире, погрязшем в мраке себялюбья, не может моя просьба иметь другое выражение.

54. Блеском славы, рожденной щедростью твоей великой, известен ты повсюду, как и должно быть; поэтому хоть тяжело мне обращаться с просьбою к тебе, все же я пришел сюда: отдай мне в услуженье своих детей!»

Услышав это, Великосущный Бодхисаттва,

55. Давно привыкнув к удовольствию творить даянья и не умея отказать, ответил с радостью: «Я дам тебе детей любимых».

«Благословение да будет над тобой! Но что ж ты медлишь?» — так обратился к нему брахман, и Великосущный Бодхисаттва, сердце которого, смятенное любовью, замирало, меж тем как у детей от изумления все помутилось в глазах, когда услышали они, что их отдают, сказал:

56. «Тебе детей я этих отдал; однако мать их в лес ушла набрать кореньев и плодов; сегодня ж вечером она вернется.

57. Пускай она на них еще раз взглянет, их приласкает и гирляндами украсит. Одну здесь ночь ты отдохни, а завтра уведешь моих детей с собою».

Брахман сказал: «О господин! Не настаивай на этом.

58. Недаром женщину зовут прекрасной супротивницей¹²: она препятствием ведь может стать к даянию; поэтому не хочется мне оставаться здесь».

Бодхисаттва сказал: «О, не беспокойся, что она будет удерживать меня от даяния! Моя жена вместе со мною строго блюдет закон, но как угодно твоей милости. Кроме того, о великий брахман,

59. Какую радость могут дать тебе рабы такие? Они изнежены и юны, и непривычны к услуженью.

60. Меж тем их дед, шибийский царь, увидев их в подобном положении, конечно, даст за них богатый выкуп, какой бы ты ни пожелал.

61. Поэтому благоволи их отвести отсюда прямо в царство деда. Таким путем достигнешь ты великого богатства и в то же время так святой закон исполнишь».

Брахман сказал: «Нет, я не отважусь приблизиться к царю со столь неприятным подношением; уж лучше буду я держаться от него подальше, как люди, что обходят ядовитых змей.

62. Царь может их обоих у меня отнять, а то и наказание наложит, поэтому как слуг я поведу их прямо к своей супруге».

Тогда Бодхисаттва промолвил: «Как будет угодно!» — и, закончив это слово, стал ласково наставлять малюток с кротостью принять свои обязанности слуг, а затем наклонил над протянутой для принятия [дара] рукой брахмана свой сосуд с водой.

63. И от волнения его вода сама пролилась из сосуда, а также — слезы из очей его, подобных лотоса багряным лепесткам.

Брахман же, возбужденный радостью от своего успеха, спеша увести детей Бодхисаттвы, скороговоркою произнес слова благословения, суровым и повелительным голосом обратился к детям: «Ну, идите же!» — и стал уводить их из хижины; и вот дети, сердца которых разрывались от невыносимо тягостного горя разлуки, склонившись к отцу и заливаясь слезами, обратились к нему с такою речью:

64. «О, отец! Ушла ведь наша мама, а ты отдать нас хочешь. Не отдавай же нас, пока ее мы не увидим!»

Тогда брахман подумал: «Мать их скоро вернется, да и он, пожалуй, станет раскаиваться из-за любви к детям». Так поразмыслив, он связал им руки лианой, словно пучок лотосов, и, видя их сопротивление, пригрозив им, потащил за собою этих юных детей, оглядывающихся на отца. И вот девочка Кришнаджина, на которую никогда еще прежде не обрушивалось горе, громко рыдая, сказала отцу:

65. «Отец, ведь этот брахман безжалостный меня лианой бьет. Нет, он не брахман, это ясно! Известно мне, что брахманы благочестивы.

66. Ведь это якша под личиной брахмана; конечно, тащит нас он, чтоб пожрать. Зачем ты равнодушно смотришь, отец, как нас уводит этот пищача ужасный?» Тогда мальчик Джалин, тоскуя по матери, так сказал:

67. «Не так мне больно то, что бьет меня дважды-рожденный этот, как то, что мамы я сегодня не видал. О, это так меня терзает!

68. Конечно, мама долго будет плакать в опустевшей хижине лесной и тосковать о детях бедных, как чатака¹³, детей которой погубили.

69. Для нас ведь наберет она в лесу кореньев и плодов так много. Что же будет с мамой, когда она увидит лесную пустыню опустевшей?

70. Какие есть у нас лошадки, слоники, тележки — отдай ты непременно половину маме, чтоб горе тем ее утешить.

71. Так передай же ей от нас почтительный привет и всячески удерживай ее от скорби; ведь трудно будет нам, отец, с тобою встретиться иль с нею.

72. Идем же, Кришна, и умрем! Какая польза нам теперь от жизни? Мы отданы царем брахману, жадному до денег».

Таковы были его слова, и они ушли.

Тогда Бодхисаттва, хотя вся его душа была потрясена этим жалостным лепетом его детей, при мысли: «Кто же, отдав, будет раскаиваться?» — остался сидеть на том же месте, хотя его сердце жгло неугасимое пламя скорби; его сознание остановилось, словно парализованное ядом. Когда подувший прохладный ветерок вернул ему сознание, он посмотрел на свое лесное жилище, где уже не было детей и которое словно замерло в молчании, и рыдания прервали его дыхание. Потом он сказал сам себе:

73. «Как он не постыдился у меня перед глазами мучить мое сердце, которому название — дети! Позор тому брахману, стыд потерявшему!

74. Пешком, босые, по нежности своей не в состоянии вынести усталость, как путь они пройдут и как работать в услуженье будут?

75. От утомления измучатся они в дороге, — кто успокоит их сегодня? Терзаясь от горя, холода и жажды, к кому пойдут они и обратятся с просьбой?

76. И если так ужасно мое страданье, хоть я стремлюсь достичь покоя мысли, то каково же состояние моих малюток, здесь возросших в неге?!

77. О, огонь разлуки с милыми детьми словно сжигает мое сердце! Однако кто из добрых, помня о благом законе, потом раскаиваться будет?»

Между тем Мадри чрезвычайно взволновали и расстроили различные неблагоприятные предзнаменования, предвещавшие

что-то ужасное, и она хотела как можно скорее вернуться домой с собранными плодами и кореньями, но дорогу ей преградил хищный зверь, и поэтому она очень поздно пришла домой. Не видя детей ни там, где они обычно встречали ее, ни на площадке для игр, она еще больше обеспокоилась.

78. И в волнение, опасаясь чего-то страшного, она вокруг кидала взоры в поисках детей; звала их долго и, не услышав ничего в ответ, снедаемая скорбью, стала горевать:

79. «Собранием многолюдным мне казался прежде этот лес, который оглашался лепетом моих детей. Теперь, когда я их не вижу, он словно стал пустыней, где беззащитной чувствую себя.

Но что же случилось с детьми?

80. Увлечшись игрой, они устали, возможно, захотели спать и спят уже, а может, заблудились в чаще леса? Иль, недовольные, что я не возвращаюсь долго, спрятались из детской шаловливости где-либо?

81. Но отчего же не щебечут птицы эти, чем-то смущенные, как если бы они свидетелями были их убийства? А может быть, они унесены рекою бурной, что гневно, дико мчит на своих конях-волнах? О, если бы мои тревоги оказались и на этот раз напрасными!

О, если бы царевич и дети были невредимы! О, если бы последствия предзнаменований, возвещавших дурное, сказались на мне самой! Но отчего же, однако, исчезла беспричинно радость моего сердца, и оно словно разрывается на части, окутанное тьмой тоски? И тело мое словно обессилело, все перепуталось в сознании, как будто весь лес колеблется, утратив вдруг свою красоту!»

Потом она, войдя в обитель и отложив в сторону коренья и плоды, которые собрала, приблизилась к супругу своему и, предварительно почтительно приветствовав его, спросила: «А где же дети?» Но Бодхисаттва, зная слабость материнского сердца, проистекающую от любви, и не имея силы вымолвить ужасное известие, не мог сказать ей ни слова.

82. Огнем известий неприятных жечь сердца людей, приятного достойных, необычайно трудно сострадательному.

Тогда Мадри подумала: «Все ясно; беда случилась с моими детьми, и потому он так молчалив, убитый скорбью и уныньем». При этой мысли Мадри, словно лишившись разума, стала повсюду озираться и, не видя нигде в обители детей, захлебываясь слезами, снова обратилась к супругу:

83. «Детей не вижу я, и ты мне ничего не говоришь. Погибла, верно, я, несчастная! О неприятном ведь не говорят!»

Так сказав, она, с сердцем, охваченным огнем скорби, упала на землю, как подсеченная лиана. Когда она падала, Бодхисаттва под-

хватил ее, подвел к ложу из трав, брызнул холодной водой ей в лицо и, когда к ней вернулось сознание, сказал, пытаясь ее утешить:

84. «Печальное известие тебе сказать внезапно, Мадри, не хотел я. Ведь в сердце, слабом от любви, нельзя предполагать спокойствие и твердость.

85. Старостью и бедностью измученный, сюда явился брахман, и отдал я ему детей; утешься же и не тоскуй напрасно.

86. Подумай обо мне, о Мадри, не о детях, не мучайся, царевна! Не разрывай ты сердца моего, пронзенного, как острием стрелы, тоской о детях.

87. Как можно не отдать просящему хотя бы даже жизнь свою? Поэтому порадуйся со мною, милая, что я отдал детей».

Услышав это, Мадри, сердце которой замирало от страха, что дети погибли, теперь, узнав, что они живы, постепенно пришла в себя от слабости и скорби; чтоб поддержать стойкость своего супруга, она отерла слезы на глазах и, с изумленьем глядя на супруга, сказала:

«Ведь это чудо! Что и говорить!

88. Теперь должны заговорить и небожителей самих сердца в высоком изумленье, что себялюбье не нашло рожденья в сердце у тебя.

89. И небеса слагают гимн хвалебный в честь твою; в том гимне слово каждое всем ясно, каждый слог: ему могучим эхом вторят небожителей литавры; со всех сторон их звуки раздаются.

90. Как в опьянение от восторга, земля вся в содрогание великое пришла; волнуется и грудь ее, царица гор; как молниями, озарен весь небосклон цветами золотыми, что падают с небес.

91. Оставь уныние и скорбь! Когда подашь просящему, пусть будет дух твой ясен. И, став источником для мира, ты продолжай и впредь свои даянья!»

Когда царь гор Сумеру, сияющий блеском разнообразнейших сокровищ, задрожал от сотрясения земли, Шакра, владыка богов, подумал: «Что это такое?» — и, когда он узнал от властителей мира, широко раскрывших глаза от удивления, что причиной колебания земли является великая жертва Вишвантары, пожертвовавшего своими детьми, его сердце забилося от изумления и радости. На рассвете следующего дня он явился к Вишвантаре в образе просящего брахмана. Оказав гостю знаки глубокого внимания, Бодхисаттва предложил ему вопрос о причине его прибытия; и в ответ он обратился к нему с просьбой отдать ему свою супругу:

92. «Как не иссякнут в океане воды, так добродетель щедрости не иссякнет в добрых; поэтому к тебе я обращаю просьбу — благоволи отдать свою богоподобную супругу!»

С полным спокойствием и бодростью Бодхисаттва ответил ему согласием.

93. Потом, взяв Мадри левою рукою, а правую—кувшин с водою, он воду брахману на пальцы начал лить; и тем зажег огонь тоски великой в сердце Камы¹³.

94. Но не прогневалась Мадри, не рыдала; ведь ей была понятна вся сущность сокровенная его природы; но, пораженная невыносимой мукой, ей незнакомой прежде, она, взирая на него, как статуя прекрасная, стояла.

Увидев это, Шакра, повелитель богов, пораженный в самое сердце глубочайшим изумлением, прославляя Великосущного, обратился к нему с такою речью:

95. «О, как неизмерима пропасть между добра и зла законом! Ведь не поверит подвигу такому, кто не очистил свою душу.

96. С великой нежностью любить свою супругу и дорогих детей и все ж отдать их из самоотречения, — что может быть возвышеннее этого поступка?

97. О, без сомнения, благодаря рассказам тех людей, кто восхищен твоими добродетелями, наполнятся все страны славою твоею; блеск славы всех других исчезнет, как красота других светил в сиянье ярком солнца исчезает.

98. Сему сверхчеловеческому подвигу с тобою вместе радуются якши, и гандхарвы, и наги, а также боги с Васавою во главе».

Сказав так, Шакра предстал пред ним в своем дивном сияющем виде и, открывшись, что он — Шакра, обратился к Бодхисаттве с такими словами:

99. «Тебе я возвращаю Мадри, твою супругу: когда заходит месяц, не может лунный свет ведь оставаться!

100. И не печалься ты с детьми в разлуке; не сокрушайся о потере царства: сюда отправился уж с ними вместе твой отец; он царству даст надежного правителя, и тем правителем ты будешь».

Промолвив так, Шакра исчез.

Силою Шакры тот брахман привел детей Бодхисаттвы прямо в страну шибийцев. Тогда народ и Санджая, царь шибийцев, узнали о трудном подвиге великого милосердия Бодхисаттвы, и сердца их умилились; выкупив у брахмана детей Бодхисаттвы и примирившись с Вишвантарой, они возвратили ему царство.

[Таким образом, действия бодхисаттв чудесны в высшей степени. Зная это, не следует ни выражать неуважения, ни ставить им препятствий, когда эти дивные существа обратят свои мысли на что-либо. Этот рассказ следует приводить также, рассказывая о Татхагате и наставления к благоговейному слушанию закона.]

Конечно, происходящее в этой джатаке нам трудно понять. Кто из людей отдаст любимых детей и жену неизвестному, даже если он священнослужитель? Кто способен на такое, как Вишвантара, даже если человек решился на духовный поиск и служение? Но, может быть, подобные сказания, всколыхнув чувства человека, оставляют глубокий след в его душе, в сердце. И тогда, быть может, человек совершит пускый малый, но благородный, жертвенный поступок. И подобные джатаки достигнут своей цели.

Но откуда мы знаем, на что способны люди, если ими владеет высшее чувство, высокий порыв? Во всяком случае нам известны примеры из жизни различных героев, подвижников, святых старцев, подвижниц, когда они совершали сверхчеловеческие усилия и поступки и, что примечательно, при этом наполнялись невыразимой духовной силой и мощью. Это и было вознаграждением, срабатывал один и тот же закон — дающий получает сторицей.

Х. ДЖАТАКА О ЖЕРТВЕ

Чистых сердцем не склонить к дурным деяньям; помня об этом, следует стремиться к душевной чистоте.

Вот как об этом назидательно повествуется:

Некогда Бодхисаттва был, как рассказывают, царем и правил страной, которая, в силу великих заслуг его, досталась ему по наследству; он безраздельно управлял ею в безмятежном спокойствии, так как все подчиненные ему князья были ему покорны; не было у него ни внешних врагов, ни соперников, и все беспорядки внутри царства прекратились.

1. Опора царства — он преодолел все страсти как врагов своих, был равнодушен к наслаждениям, которые постылыми становятся, когда вкусишь их; все помыслы направил он на благо подданных своих; и, к добродетели стремясь постоянно, словно аскет суровый жил.

2. Он знал главнейшую черту характера людей — стремление подражать в своих поступках высшим, и потому, стремясь принести спасенье подданным своим, он был особенно пристрастен к выполнению долга.

3. Он раздавал имущество и в поведении своем всегда был благонравным; терпением был проникнут и заботился о пользе мира; и, выражая милостивым видом свое стремление к благу всех людей, блистал он, словно праведности воплощение.

Но вот однажды его страну, хотя и охранявшуюся его рукою, за незаконные деяния населения и по небрежению божеств, ниспосылающих дожди, в разных местах постигло страшное бедствие — сильная засуха. Тогда царь решил в своем сердце: «Ясно, что это несчастье обрушилось на нас вследствие нерадения к святому закону или с моей стороны, или со стороны моего народа». И, с еще большим напряжением стремясь к благу народа, не забывая

ни на мгновение о его несчастье, он созвал лучших среди знатоков святого закона — старейших брахманов во главе со своим домашним жрецом, а также своих министров и обратился к ним с вопросом о том, какими средствами можно было бы устранить бедствие. Тогда они, считая, по указанию *Вед*, причиною хороших дождей совершение жертвы, к которой страшно и приступить, так как она требует лишения жизни нескольких сотен живых существ, сообщили ему об этом. Но царь, когда ему были названы требуемые для жертвы действия — лишение жизни живых существ, по своему состраданию, не мог в своем сердце одобрить это предложение. Однако вследствие своей благовоспитанности он не огорчил советников грубым словом отказа и перевел разговор на другие предметы. Они же, напротив, воспользовались представившейся возможностью поговорить с царем о религиозном долге и, не зная его скрытого в глубине души образа мыслей, стали наставлять его в том, как надлежит совершить жертвоприношение:

4. «Никогда не медлишь ты исполнить обязанности государя, которые направлены на приобретение и на охрану царства, причем всегда порядок исполненья их определяется святым законом.

5. Искусен ты в служении триаде; для блага подданных твой лук всегда натянут, — так почему ж столь не радив твой ум, что медлит он построить мост, ведущий в царство небожителей, которому название — «жертва»?

6. С глубоким уважением, как слуги, относятся к твоим велениям цари, их исполнение считая счастьем. И вот пришло время, о несущий смерть врагам, великой жертвою достигнуть счастья, блещущего славой.

7. Хотя, конечно, сам ты свят, всегда, как *дикшита*¹, благодаря любви к даяньям и вниманию к обетам, но все же надлежало бы тебе долг уплатить богам, свершивши жертву, как повелевают *Веды*.

8. А боги, удовлетворенные твоею жертвой, свершеною, как надлежит, дождь ниспошлют на землю: по сей причине приступай же к совершению жертвы. Ведь эта жертва — благо для народа, да и тебя она прославит».

Еще раз мы видим, как люди, не способные на сильные и благородные поступки, пытаются смутить такого человека; в силу своего уровня сознания и нравственного уровня они хотят убедить его в том, что он не прав, что его жизнь не соответствует общепринятым стандартам. И часто эти люди добиваются своего, пользуясь недостаточной стойкостью, уверенностью человека в правоте своих чувств и мыслей. Мы должны воспитывать детей так, чтобы они верили в себя, в свои силы и в голос совести, голос интуиции. Эти сокровенные голоса нельзя заглушать в себе, думая, что они не нужны, что они ошибочны. Наоборот, именно голос сердца, совести — голос правды и истины, и его надо учиться слушать, распознавать и развивать. Все

великие пользовались этим голосом, многие замечательные открытия совершались по подсказкам этих голосов. Жить надо своим умом, своим сердцем! Идти против голоса духа — значит идти ложным путем. Именно таким путем ведет земной грубо материальный рассудок.

И у царя явилась мысль: «Как сильно должен колебаться в своих убеждениях человек, хотя бы исполненный веры и любящий святой закон, если он будет без размышления выслушивать мнения людей; ведь его нетвердый ум легко может быть увлечен доверием к другим! Поистине ведь,

9. Кого среди людей прибежищем надежным почитают, те иногда под видом ревности к закону доходят даже и до нарушения его; и человек, последовав за ними, по наставленью их на путь дурной вступает и мечется в теснине, выхода ища.

10. Какая ж связь есть между причинением страданий жертвенным животным и святым законом, пребыванием в мире небожителей иль ублажением божеств?

11. Животное, которое лишают жизни, волшебной силой таинства, как говорят, идет на небеса, — ведь потому его и убивают; по их словам, согласно с сущностью закона это; но то неправда: кто в потустороннем мире воспользоваться может тем, что сделано другим?

12. И по какой причине попадет на небеса животное, сердце которого от зла не отвратилось, и в нем не возросло решение твердое творить прекрасные дела, — неужто лишь за то, что убивают его во время жертвоприношения?

13. Когда б животное, убитое при принесении жертвы, могло попасть на небеса, то разве сами брахманы не захотели бы собою заменить животных жертвенных? Так почему ж нигде не видим мы такого? Кто после этого их слову станет верить?

14. И подлинно ли небожители, оставив дивную амриту, несравненную по аромату и чудесной силе, по вкусу и по действию могучему, которую подносят им прекрасные апсары, придут в восторг от сальника и прочих жертв, полученных от убиения несчастного животного?

Высший, истинный гуманизм Учения Будды — разоблачение искажений, нагроможденных на священном алтаре истины руками корыстных и нечестивых «священнослужителей». Это же делал и Христос.

Кровавыми руками поднимались знамена религии, нечестивыми совершались крестовые походы, сжигались невинные на кострах, убивались тысячи животных, уничтожались сотни тысяч книг, говорящих правду, предавались анафеме те, кто указывал на перво-

Видно, теперь настало время действовать таким образом», — подумал царь и, приняв это решение, он, как будто желая совершить жертву и одобряя слова своих советников, обратился к ним: «Поистине, у меня есть надежная опора, и я возвеличен милостью богов, если вы проникнуты мыслью о моем благе. Поэтому я хочу совершить жертвоприношение, принеся в жертву тысячу человек. Пусть же мои советники, каждый согласно своим полномочиям, позаботятся о доставке всего необходимого для этого дела. Пусть позаботятся найти и место, наиболее подходящее для возведения построек для саттры², следует также определить благоприятный для жертвоприношения лунный день, час, мгновение и созвездие».

После этого домашний жрец царя сказал ему: «Для успеха предпринимаемого дела ты, о великий государь, должен совершить по окончании одного жертвоприношения очистительное омовение *авабхритха*³, после чего последовательно можно приступать к другим жертвоприношениям. Ведь очевидно, что если сразу взять для жертвоприношения тысячу человек, то это может вызвать нежелательные волнения в народе». — «Это верно», — сказали царю брахманы, и он ответил им: «Оставьте, о достопочтенные, все ваши опасения о гнев подданных. Я устрою все так, что мой народ не будет возмущаться». После этого царь, собрав горожан и селян, обратился к ним со следующими словами: «Я хочу совершить жертвоприношение и принести в жертву тысячу человек. Но ни один достойный человек, не совершивший зла, не будет отдан мною, как жертва, на заклание. Поэтому каждого из вас, кого я, начиная с сегодняшнего дня, с помощью своих всюду проникающих глаз, которыми будут служить люди незапятнанные, отряхнувшие сон беззаботности, замечу как преступающего границы благонравия и нарушающего мой приказание, я отдам для принесения в жертву как оскверняющего свой род и как врага своей страны.

Да будет вам это известно!»

В ответ на эти слова старейшины, почтительно сложив руки, обратились к царю:

15. «Все действия твои направлены на благо подданных, и разве есть причина, чтобы осуждать их, о великий государь? Сам Брахма⁴ должен был бы поведение твое одобрить, о образец всех добрых поведений! Будь здесь ты наивысшим образцом для всех!

16. То, что приятно государю, приятно также и для нас: тебе ведь также кажется приятным лишь наше благо и лишь то, что нам приятно!»

Так была принята речь царя горожанами и селянами. После этого царь разослал повсюду по городам и селам достойных до-

верия слуг, повелев им схватить всех злых преступников, а также ежедневно возглашать следующее, предварительно оповещая об этом народ барабанным боем:

17. «Хранящий безопасность царь дарует безопасность всем добрым людям, украшенным прекрасным поведением и постоянной чистотой; для блага же народа он жертвоприношение желает совершить с закланьем тысячи преступников, для жертвы предназначив тех, кто закоснел в злочинствах.

18. И тот, кто повеление царя, что почитается даже вассалами-князьями, преступит в высокомерии своем или в попустительстве желаньям беззаконным, тот, этими поступками своими осужденный, в несчастье будет ввергнут и обратится в жертву искупленья; привязан будет он к столбу для принесенья в жертву: в своих страданиях достойный сожаленья, своими муками он будет взоры привлекать людей».

И вот жители страны этого царя, приняв во внимание, что царь велел разыскивать безнравственных людей с целью принести их в жертву, ежедневно слыша страшные слова царского приказа и видя его слуг, разосланных повсюду с поручением хватать порочных людей, — оставив свои безнравственные наклонности, стали всеми силами стремиться к самообузданию и доброму поведению; отвратившись от склонности к вражде, они обратились к взаимной любви и уважению; среди них прекратились раздоры и ссоры; с глубоким уважением стали они относиться к словам старших, стали искусны в проявлении щедрости: стали гостеприимны и сияли скромностью и благовоспитанностью, словно жили в Критаюге.

19. От страха смерти, от мыслей о загробном мире, а также по причине семейной гордости, стремления к доброй славе, стыдливости, возросшей от великой чистоты сердечной, народ там непорочной, чистой жизнью стал сиять.

20. Чем глубже весь народ святым законом прониклся, тем с большей ревностью царевы слуги старались выследить людей дурного поведения, и потому никто не преступал закон.

21. И вот, услышав обо всем, в его стране происходящем, царь просиял великой радостью и, наградивши вестников за их приятные известия, он с наставлением к своим министрам обратился:

22. «Мое стремление высшее — народ свой охранять; теперь пришел он в состояние, достойное награды; богатства эти все, что предназначены для жертвы, хочу я в жертву принести в согласии с решением прежним.

23. Пусть каждый, сколько пожелает, вволю у меня возьмет богатства, топлива для счастья. Да будет изгна-

на из царства моего та бедность, которая страданьями мою страну томила.

24. Когда я принял твердое решение спасти народ, когда благодаря высокой вашей помощи так средства возросли мои, мне кажется, что бедствие народа, гнев мой вызывая, жжет мое сердце каждый миг».

И вот советники царя, с величайшим восторгом приняв его слова, распорядились устроить дома для бесплатной раздачи даров по всем деревням, городам и рынкам, а также в местах отдыха на дорогах и, согласно приказанию царя, стали ежедневно удовлетворять всех нуждающихся, с великой щедростью исполняя желания каждого.

25. Тогда народ, освободившийся от бедности и вдруг разбогатев благодаря богатствам царским, в прекрасные одежды облачившись, блистал, как будто в дни торжеств великих.

26. И, сотканная из хвалебных гимнов радостных просителей, распространилась широко повсюду слава государя, как лотоса пыльца, его тычинками рожденная, все далее волнами легкими по озеру разносится.

27. Таким путем, благодаря тем мудрым мерам государя, народ весь к жизни добродетельной вернулся, и бедствия, утратившие силу вследствие благополучия народа, непрерывно возраставшего, исчезли, не находя ни в чем опоры.

28. Все сезоны года приятны стали, наступая регулярно, как новые цари вступают [на престол], придерживаясь строгого порядка; земля богатые там жатвы стала приносить; покрылись лотосами водоемы с чистой-шей голубой водой.

29. Тяжелые болезни более не мучили народ, лекарственные травы огромную целительную силу получили; как надлежит в то или другое время года, всегда там веял ветер; планеты двигались вокруг путем благоприятным.

30. И никому не угрожала там опасность ни извне, ни внутри царства, ни от случая слепого; народ же соблюдал святой закон и верен был своим обетам: поэтому, казалось, наступила Критаюга.

Когда таким образом царь совершил, согласно со святым законом, свое жертвоприношение, утолил страдания бедняков и пресек все другие бедствия, его страна являла прекрасную картину счастья; народ был полон радости и неустанно повторял слова благословения царю, и слава его распространилась повсюду. И вот один из его главных министров, душа которого обратилась к вере, сказал царю такие слова:

«Поистине прекрасно говорится:

31. Имея постоянно дело с деяньями людей различных — высоких, низких или средних, — властители всех превосходят мудростью.

Это истина. Ты, государь, принеся, согласно со святым законом, жертву безгрешным, безупречным способом, избегнув умерщвления животных, поставил своему народу счастье в обоих мирах: окончены его несчастья, равно как и страдания бедности, и он направлен на стезю нравственной жизни. К чему же много говорить? Счастлив твой народ!

32. Мех антилопы черной, что на тебе накинута, подобен знаку на луне; твои ограничения в состоянии *дикша* нисколько не ослабили естественную прелесть поведения твоего, прическа на твоей голове теперь не менее прекрасна, чем когда она была под царским зонтиком; своею щедростью ты отнял гордость даже у того, кто сотню жертв принес⁵: его лишил ты славы.

33. О мудрый, ничтожна, вредоносна жертва большинства людей, стремящихся к награде; а эта жертва, украшение славы, соответствует твоей моральной чистоте, чарующей своей безупречностью.

34. О сколь блаженна участь подданных, которым ты — защитник: ведь, несомненно, даже и отец не может стать таким защитником своих детей!»

Другой сказал:

35. «При наличии великого богатства люди обычно щедрость проявляют, надеясь на награду, а поведением нравственным стремятся к воздаянию в сем мире или жаждут неба, но проявление подобное обоих этих качеств — как у тебя, искусного в поступках ради ближних, — не наблюдается у тех, кто не возвышен мудростью и бескорыстной добротой не блещет».

Таким образом, «чистых сердцем не склонить к дурным деяниям»; помня об этом, следует стремиться к душевной чистоте.

36. И поскольку стремление к благу подданных несет царям спасенье, счастье и славу, нельзя им отворачиваться от него.

[Так следует сказать в поучение царям. Еще следует добавить: возрастание праведности в народе ведет к благополучию; зная это, стремящийся к благополучию должен обратиться к праведности; а также следует рассказывать, что никогда вред, причиняемый живым существам, не ведет к благополучию, а лишь щедрость, смирение и самообуздание. Поэтому всякий, кто стремится к нему, должен проникнуться щедростью и прочими добродетелями.

Равным образом следует рассказать это, когда речь идет о Татхагате, говоря: «Наш Владыка еще в прежних своих рожденьях показал, что сердце его стремится к действиям на благо ближних».]

«Возрастание праведности в народе ведет к благополучию» — это истинно так. Всё благосостояние страны, как духовное, так и материальное, зависит от тех основ, которые мы заложим в сознание детей. От них будет зависеть будущее страны и мира.

КОММЕНТАРИИ

1. *Ом* — односложное слово. Ритуально правильно произнесенное слово «ом» создает объемное, расширяющееся кверху пространство. Символ космического тела Будды — дхармакаи.

2. *Муни* — «молчальник», отшельник, мудрец.

1. *Джатака о тигрице*.

1. *Три сокровища буддизма* — Будда, Дхарма, Сангха.

2. *Джатакарман* — обряд, совершаемый при рождении ребенка и заключающийся в том, что ему трижды смазывают язык топленным маслом, читая при этом соответствующие молитвы.

3. *«Превосходной помощи в занятиях»*. — Имеется в виду помощь со стороны родителей и наставников.

4. *Восемнадцать областей знания* — 18 свойств Будды, или бодхисаттвы. Имеются в виду знание любви, сострадания, милосердия ко всем живым существам, знание Закона независимого происхождения, четырех истин и другие знания.

5. *«Был чтим он брахманами как само священное писанье, а кшатриями — словно царь их...»* — Он был чтим знатоками брахмана как сам брахман, а царями — как царь (царей).

6. *Бог тысячеглазый* — один из эпитетов Шакры (Индры).

7. *«...домохозяина ашраму»* — вторая ступень жизни брахмана. Жизнь брахмана делится на четыре ашрамы: изучение Вед, жизнь домохозяина, жизнь отшельника в лесу, жизнь странствующего монаха.

8. *«...чистотою чувств»* — культивированием доброжелательности, любви, веры, энергии, мудрости.

9. *«...о дружелюбии и прочем»* — вхождение в высшие состояния.

10. *Царь гор* — Сумеру, или Меру — золотая гора, центр мира.

11. *Сансара* — чувственное бытие.

12. *Мара* — олицетворение греха, соблазна, вожделения, дурных страстей и привязанностей. Дьявол, противодействующий Будде и его последователям.

13. *Лучший колесница, или «лучший путь»* — путь бодхисаттвы.

14. *«...из стремленья к благу ближних»* — достижение высшей цели.

15. *Манматха* — «волнующий душу», один из эпитетов Мары.

16. *Гандхарвы* — полубоги, небесные певцы и музыканты.

17. *Якши* — полубоги, способные принимать любой облик.

18. *Наги* — змеи, полубоги, обитающие под горой Меру.

II. Джатака о царе Шиби.

Царь Шиби — одно из перерождений Будды.

1. *Триада* — мысль, слово, действие.

2. *Критаюга* — Золотой век, или период.

3. «ни в ком не встретивши к себе расположения» — любви, почтения и т.д.

4. Непереводаемая игра слов.

5. *Шакра* — повелитель богов.

6. *Ганы* — полубоги, которые служат Шиве.

7. *Ансары* — жены гандхарвов, танцовщицы и музыкантши.

8. *Йоджана* — мера длины, равная 16 км.

9. Непереводаемая игра слов.

III. Джатака о комочке каши.

1. *Кошала* — название древнего государства.

2. *Шри* — одно из имен богини счастья и красоты Лакшми.

3. *Шрамана* — буддийский монах.

4. «...услуга... оказанная буддам» — т.е. всем буддам и сангхе в целом.

5. *Архат* (Арахат) — человек, достигший нирваны.

6. «...изгнавшему свои все страсти» — т.е. освободившемуся от четырех асрав: от дурного влияния чувственности, от желания повторных возрождений, от ложных взглядов, от незнания.

7. «...для воров и прочих» — причиной исчезновения, гибели богатства являются воров, огонь, вода, царь.

8. Эта строфа содержит намек на легенду об императоре Ашоке, который в одном из своих рождений, будучи еще мальчиком, подал Будде от всего сердца горсть песка в качестве подаяния. За это в одном из следующих рождений он стал могущественным императором.

IV. Джатака о главе гильдии.

1. *Пратъекабудда* — человек, достигший нирваны собственными усилиями.

2. *Нечистые страсти* — чувственная страсть, ненависть, гордыня, невежество, ложные взгляды, сомнения.

3. Манера поведения монаха, просящего милостыню: держа в руках чашу для подаяния, он должен смотреть вниз прямо перед собой, не обращая внимания на окружающих.

4. *Юга* — мера длины, около 1,5 м. *Наля* — мера длины, около 2 м.

5. *Махакаурава* — название одного из горячих адов.

6. «Богатство есть основа достижения трех целей жизни» — т.е. если нет материальных возможностей, то нельзя накапливать заслуги.

7. *Наракантака* — один из эпитетов Кришны, убившего демона Нараку.

8. Игра слов — букв. «рожденный из грязи, болота, ила», т.е. лотос.

9 «...поднялся в воздух нищий» — речь идет о проявлении иддхи (сверхъестественных сил).

V. Джатака о главе цеха Авишахье.

Авишахья — имя героя джатаки.

1. *Кубера* — бог богатства.

2. *Саттра* — жертвоприношение богу луны Соме.

3. *Ракшасы* — злые духи, пожирающие трупы и живых людей.
4. «*Поэтому при встрече с бедным мы не ждем, пока придет богатство*» — один из вариантов перевода.

VI. Джатака о зайце.

1. *Пошадха* — день полной луны, праздничный день.
2. В этой строфе осуждается житейская мудрость.
3. «*...почтительно обойдя его слева направо*» — правильное направление движения.
4. Вид рыб.
5. *Вайджаянта* — небесный дворец Шакры.
6. *Судхарма* — зала собрания небесных богов, в которой они слушают учение Будды.

VII. Джатака об Агастье.

1. *...Веды с Ангами* — Анги, или Веданги, вспомогательные дисциплины при изучении Вед: фонетика, просодия, грамматика, этимология, астрология, ритуал.
2. *Остров Кара* — мистическая земля около острова Ланка.
3. *Амрита* — божественный напиток, дарующий бессмертие.
4. «*...наилучший путь украсить добродетели свои*» — один из многих вариантов перевода.
5. *Агнихотра* — обряд жертвоприношения огню.
6. Хотя героя джатаки зовут Агастья, Шакра, обращаясь к нему, называет его Кашьяпа (имя ученика Будды).
7. Букв. «за слова, достойные подвижника».
8. *Васава* — эпитет Шакры.
9. *Сокрушитель дайтьев* — эпитет Шакры.
10. *Риши* — мудрец.
11. *Татхагата* — космическая природа Будды.

XXX. Джатака о слоне.

1. *Астагири* — мифическая гора на западе, за которую заходит солнце.
2. *Гаруда* — мифическая птица с человеческой головой.
3. «*...и тем поддерживая гибнущее поведение праведных*» — букв. «гибнущее, портящееся поведение праведных».

XXXI. Джатака о Сутасоме.

1. *Сома* — сок растения для жертвоприношения богу луны.
2. *Кала* — одна шестнадцатая часть лунного диска, каждая из которых посвящена определенному божеству.
3. «*...ушел во град богов*» — т.е. умер.
4. *Халахала* — мертвая вода.
5. *Гора на западе* — т.е. Астагири.
6. Назвав дар, который сын Судасы откажется дать, Бодхисаттва тем самым станет причиной дурного поступка — нарушения обещания — и наказания за него.

XXXII. Джатака об Айогрихе.

1. *Ману* — прародитель народов Индии.
2. «*...всеми средствами, начав с переговоров мирных*» — имеются в виду четыре способа ведения политики: мирные отношения, умиротворе-

ние противников (сама); подарки и подкуп (дана); раскол, сеяние раздоров среди врагов (бхеда); применение силы (данда).

3. *Граха* — злые духи, вызывающие безумие.

4. *Дханвантари* — мифический врач богов.

5. *Видьядхары* — полубоги, служители Шивы.

6. *Асуры* — демоны, обитающие под горой Меру и враждующие с богами.

XXXIII. Джатака о буйволе.

1. В строфах 1—3 объясняются причины рождения такого совершенного, исполненного добродетелей существа, как Бодхисаттва, в одной из низших сфер существования — в облике грязного животного.

2. *Яма* — бог смерти, обычно изображается верхом на буйволе.

СУТРА-ПИТАКА

ФРАГМЕНТЫ

Знай, Кашьяпа!
Подобно великой туче,
Сгущающейся над землей,
Покрывающей тенью все сущее,
Благословенной туче, полной влаги;
Вспыхивают молнии,
Далеко разносятся удары грома,
Принося всем радость и облегчение.
Лучи солнца скрыты облаками,
На землю опускается прохлада,
Туча нависает над землей и разражается ливнем,
Как будто ее отжали.
Орошая все вокруг,
Неудержимые ручьи бегут по земле,
Напитывая влагой землю.
На вершинах гор, на берегах рек и в долинах,
В укромных лощинах вырастают
Растения, деревья, травы,
Даруя — великие и малые —
Прорастающие зерна
Винограда и сахарного тростника.
Орошенные дождем,
Они наливаются соком;
Напоена иссушенная почва,
Травы и деревья зацветают.
От одного ливня,
Исторгнутого из этой тучи,
Растения, деревья, чащи и леса
Получают вдоволь влаги.
Все деревья —
Высокие, средние, низкие,

Как им положено,
Растут и развиваются
Их корни, стволы, ветви, листья,
Цветы и плоды великолепных цветов;

Куда бы ни пали капли дождя —
Все обретает свежесть и зацветает,
В соответствии с положением, обликом, их плотью
и сущностью
великой или малой,
Насыщает их дождь;
Будучи единственным и неизменным —
Он каждому дарует влагу.
Так и Будда
Является миру,
Подобно огромной туче,
Покрывающей тенью своей все сущее;
И, являя себя миру,
Он — ради всего живого на земле —
Распределяет и объявляет
Истину, в согласии со всеми законами,
Великий Святой Благочестивый,
Среди богов и людей
И среди других существ,
Объявляет на весь мир:
«Я — Татхагата,
Самый почитаемый среди людей,
Я являюсь в мир,
Подобно огромной туче,
Чтобы даровать воду всем
Иссушенным зноем существам,
Чтобы избавить их от несчастий,
Помочь в достижении состояния радостного покоя,
Радости мира этого,
И восторга Нирваны.
Куда бы Я ни обратил свой взор —
Всегда беспристрастен,
Не разделяя людей,
Находясь выше любви и ненависти,
Я чужд предубеждениям и ограничениям;
Всем без различий
Я равно проповедую Закон;
И всем проповедую так,
Как если бы это был один человек.
Я проповедую Закон,
Пребывая одновременно в движении;
Приближаюсь, отдаляюсь, опускаюсь, поднимаюсь —
Я неутомим
В своем желании досыта напоить мир,
Подобно животворящему дождю.
На высокородных и простолюдинов, на высших и низших,
На законопослушных и нарушителей Закона,
На обладателей совершенного характера,

И на тех, чей характер далек от совершенства,
Ортодоксов и терпимых,
Остроумных и тупых,
На каждого из них в равной мере
Изливаю Я свой Закон-дождь неустанно».

(Лотосовая сутра, 5)

Очевидно, так же должен поступать истинный учитель — быть беспристрастным, быть чуждым предубеждениям. Всем без различий равно нести свет знаний, не разделяя учеников на бедных и богатых, умных и тупых, хороших и плохих.

Мудрость Высших, мы это видим, содержит в себе высшую педагогику.

Благословенные Будды, бесконечные и неограниченные в добродетелях, рождаются Законом Справедливости. Они пребывают в Законе, они воплощены в Законе. Закон — господин для них, Закон — их свет, Закон — поле их деятельности, Закон — их прибежище...

Закон один и тот же для всех. Закон заботится и о низшем, и о среднем, и о высшем. Поэтому я должен сделать свое сознание подобным Закону. Закон нельзя понимать как нечто приятное. Закон нельзя передать. Поэтому я должен сделать свое сознание подобным Закону...

Закон нельзя понимать как прибежище. Но именно Закон — прибежище всему миру. Поэтому я должен сделать свое сознание подобным Закону.

Никто не может противиться Закону. Ибо сам Закон не противится никому. Поэтому я должен сделать свое сознание подобным Закону.

Закон никого не предпочитает. Закон — беспристрастен. Поэтому я должен сделать свое сознание подобным Закону.

Закон не испытывает страха перед ужасом рождений и смертей, даже Нирвана не прельщает его. Закон существует без всяких опасений. Поэтому я должен сделать свое сознание подобным Закону.

(Дхармасангити сутра)

Сознание для человека — основа всей его жизнедеятельности, и отнестись к своему сознанию надо, очевидно, как к закону. То есть признать его, следовать ему, содержать его в чистоте и ясности.

В каждом живом существе есть Будда. Это душа. Такова душа в ее изначальной сущности, скрытой под покровом бесчисленных заблуждений. Вот почему человек не может узреть ее... Вот я показываю людям Будду, который скрыт в них самих, но таится под пеленой заблуждений. Татхагата всем живым людям показы-

ваает сокровищницу света или бочонок с чистым золотом — Будду, который живет в них.

(Махапаринирвана сутра, 214—215)

В это надо поверить. Действительно, все в нас самих, Бог в нас. Наше сознание — это ключ к самому себе, к Богу в себе. Дети еще не закрыты, не загрязнены. Через них проглядывает божественное начало, и мы это видим и чувствуем, только называем по-разному.

Затем Будда, желая дать всем просветленным существам способность постижения духовной мощи безграничной сферы Просветленного, испустил Свет из-под бровей. Этот свет был назван Сокровищем Света Знания Всех Просветленных Существ, Распространяющимся на Десять Направлений. Этот свет имел форму облака, пронизанного лучами света, исходящего как бы из драгоценных камней. Он озарял все поля буддха в десяти направлениях, освещал все земли и существа, бывшие там. Он заставлял все миры трепетать. Он проникал в каждый атом существ, ниспосылая повсюду заветы всех Будд всех времен, учитывая разницу облика и склонности различных разумных существ. Он явил миру океан трансцендентных путей Будды и способствовал появлению таинственных туч, наполненных различными степенями освобождения и заставляющих разумные существа преодолевать пути рождения и смертности. Он сотворил облака великих обетов Будды и явил миру — всем странам в десяти направлениях — универсальное благо объединения просветленных существ, находящихся на разных стадиях просветленности. Произведя все это, свет сгустился вокруг Будды, закружился вокруг него, уходя вправо и под ноги Будде.

(Сутра Ожерелья, 2)

Представляю учителя, из глаз которого лучится свет любви и мудрости, вселяющий в сердца детей успокоение, веру в себя, радость. Но это мечты, лично я еще таких глаз не встречал.

Я говорю тебе, Шарипутра,
Я тоже подобен,
Будучи самым любвеобильным из всех святых,
Отцу мира...
Я говорю тебе, Шарипутра,
Все люди — чада мои,
А я — ваш Отец.
Вовеки суждено вам
Воздевать в мольбах руки к небу,
И я всех вас спасу.

(Лотосовая сутра, 3)

Приведем параллель с учителем, который подобен отцу, а все его ученики — чада его. Такой учитель способен спасти! Разве он

Тому, кого он берет себе в друзья,
Тому, за кем следует,
Тому он и уподобляется;
Он похож на своего друга.
Последователь и тот, кому следуют,
Тот, кто касается, и тот, кого касаются,
Подобны стреле, намазанной ядом,
Что пачкает ядом весь колчан,
Оба грязны. Человек,
Который боится запятнать себя,
Не должен водить дружбу с мошенниками.
Если привязать гнилую плоть
К стеблю душистой травы,
Эта трава станет пахнуть гнилью.
Так и те, кто следует глупцам.
Если завернуть благовония в лист,
Этот лист станет пахнуть сладостью.
Так и те, кто следует мудрым.
Помнящий об этой корзине из листьев,
Знающий о том, что его ждет,
Благоразумный человек должен быть вместе
С добродетельным, а не с порочным.
Порочные ведут в чистилище,
Добродетельные — к счастливой цели.
(Кхуддака никая. Итивуттака сутта)

Это можно было бы прочесть старшеклассникам и вместе обсудить. Ведь в действительности все так и есть.

Тот, кому ведомо понятие о благе, кто стремится достичь нирваны, должен поступать следующим образом: обрести, в высшей степени, в самой высшей степени, способность к благородному изъяснению мыслей, быть честным, приветливым и смиренным. Всем он доволен, уравновешен, сдержан в желаниях и удовлетворяется малым, спокоен, неприхотлив, нет в нем дерзости, не оказывает он предпочтения близким своим.

Всегда он должен мыслить следующим образом: «Да пребудет все живое в счастье и безопасности, да пребудут в чистоте сердца всех живых! Какими бы ни были эти живые существа: слабыми или сильными, плотными или прозрачными, высокими или низкими, короткими или длинными, маленькими или большими, независимо от того, видимы они или невидимы, обитают далеко или близко, рожденные или еще не рожденные — да будут все они счастливы!»

Не позволяй никому обманывать другого или презирать его, какое бы место тот ни занимал. Не позволяй ему желать зла другому из гнева или по недоброй воле. Как мать, которая защищает единственное дитя, не думая об опасности для своей жизни, возвращай в нем безграничную любовь в сердце ко всему живому. Внушай ему, что в мире главенствует любовь: вверху, внизу, вокруг; любовь не знает препятствий, ненависти и вражды. Должен он мыслить таким образом, когда бодрствует; где бы он ни был, куда бы ни шел, сидит он или лежит. Ибо, как сказано, в этом состоит благороднейший образ жизни.

(Сутта Нипата. Метта сутта)

Никто против этих слов не возразит, но как этого достичь! Благородный образ жизни — разве не к этому призвана вести школа? Конечно, все начинается с личности учителя: какие мы, такие в той или иной степени наши дети. Так что начинать всегда нужно с себя, а это нелегко, но другого пути нет. Думаю — это главное, что должно измениться в сегодняшней школе.

Тогда Возвышенный сказал братьям: «Я свободен, братья, от всех уз, божественных и человеческих. Вы также, братья, свободны от всех уз, божественных и человеческих. Идите вперед, братья, в странствие на благо многих, на счастье многих, из сострадания к миру, для благоденствия, пользы и счастья богов и людей!

Не ходите вместе. Проповедуйте, братья, Правило, благостно в начале, благостно в середине, благостно в конце. В духе и букве являйте всесовершенную, предельно чистую праведную жизнь. Есть существа, глаза которых не застилает страсть. Они страдают, не слыша Дхармы. Некоторые из них поймут».

(Виная питака, 1.21)

Вот именно! — «в духе и букве являйте всесовершенную, предельно чистую праведную жизнь». Истинная реформа — усовершенствование школы — начнется только тогда, когда учитель захочет совершенствоваться — как личность, как дух. Любые другие пути будут бесплодными. Еще Лев Толстой говорил: «Нет проблемы воспитания, есть проблема самовоспитания». Так что все в нас самих и зависит только от нас самих. В этом и большая проблема, и огромная надежда.

Будда сказал: «Если вы видите кого-либо, идущего Путем дарения, с радостью поддержите его, и вы обретете огромное благо». Шраман спросил: «Есть ли конец этому благу?» Будда ответил: «Представь пламя одного светильника. Даже если сотня тысяч людей придет и зажжет от него свои светильники, чтобы у них было на чем приготовить пищу и чем разогнать тьму, первый светильник останется таким же, как прежде. Подобное же происходит с благами.

(Сутра сорока двух разделов, 10)

Конечно, эти слова обращены к нам, учителям! Не будем бояться отдавать. Этот огонь не иссякнет.

Человек создал себе богатство ценою усилий, труда и пота, не нарушая законов. При мысли: «Я добыл свое богатство ценою усилий, труда и пота, не нарушая законов», — к нему приходит блаженство, к нему приходит удовлетворение. Это называется «счастье собственности».

Человек из-за своего богатства, добытого ценою усилий, труда и пота, радуется и своему богатству, и своим достойным поступкам, связанным с ним. При мысли: «Как я добыл свое богатство... меня радует и мое богатство, и мои достойные поступки», — к нему приходит блаженство, к нему приходит удовлетворение. Это называется «счастье богатства».

(Ангуттара никая, 1.68)

У учителя есть шанс иметь подобное счастье, добыть богатство ценою усилий, труда и пота, не нарушая законов. Что за богатство? Это знания, опыт, мудрость, любовь детей и огромное удовлетворение от выполненного долга.

Монахи, Я говорю, что человек в вечном долгу перед двумя людьми. Перед какими двумя? Перед матерью и отцом.

Даже если он должен будет носить на одном плече мать, а на другом отца, и будет так делать сто лет; и если он должен будет ухаживать за ними, умащая их мазями и растирая их члены, а они будут испражняться на него, — даже и тогда он останется в долгу перед родителями. Более того, если он даст своим родителям высшую власть, полное господство над всей землей, изобилующей семьей сокровищами, — даже и тогда он не сможет вернуть долг своим родителям. Почему не сможет? Монахи, родители много делают для детей; они рожают их на свет, они питают их, они вводят их в этот мир.

Однако, монахи, кто побуждает своих неверующих родителей, кто учит их вере и укрепляет в ней; кто побуждает своих безнравственных родителей, кто учит их нравственности и укрепляет в ней; кто побуждает своих скаредных родителей, кто учит их щедрости и укрепляет в ней; кто побуждает своих глупых родителей, кто учит их мудрости и укрепляет в ней — такой человек своими поступками возвращает долг родителям и возвращает с избытком.

(Ангуттара никая, II.IV.2)

Остается лишь пожелать, чтобы дети — наши воспитанники — были в состоянии именно таким образом вернуть долг своим родителям. Мы же должны взрастить в них, детях, эти силы, эти возможности. Это единственно верный путь улучшения жизни, улучшения мира!

ДЖАТАКА-МАЛА

или Сказания

о подвигах Бодхисаттвы

ФРАГМЕНТЫ

Для очищения всех существ, для преодоления бедности и скорби, для сокрушения боли и гордости, для вступления на верный путь, для овладения Четырьмя Пробуждениями Заботливости существует только один путь, о монахи. Но что же есть эти Четыре?

Живет здесь монах, созерцающий тело в теле, ревностный, с ясным сознанием, заботливый, поборовший жадность и уныние в этом мире. Он живет, созерцая чувства в чувствах, ревностный, с ясным сознанием, заботливый, поборовший в этом мире жадность и уныние. Он живет, созерцая сознание в сознании, ревностный, с ясным сознанием, заботливый, поборовший жадность и уныние в этом мире. Он живет, созерцая духовные объекты в духовных объектах, ревностный, с ясным сознанием, заботливый, поборовший жадность и уныние в этом мире.

Но как же, о монахи, живет этот монах, созерцая тело в теле? Удалившись в лес, он сидит, скрестив ноги, выпрямив тело, находясь в состоянии предельной внимательности. Он очень аккуратно вдыхает и выдыхает. Совершая долгий вдох, он знает: «Я совершаю долгий вдох». Неторопливо выдыхая, он думает: «Я совершаю долгий выдох». Быстро вдохнув, он подумал: «Я вдохнул быстро». Сделав резкий выдох, он подумал: «Я выдохнул быстро». «Познав свое тело, я выдыхаю» — вот что он говорит себе [...]. Далее, монах знает, когда он идет — «я иду»; он знает, когда он стоит — «я стою»; он знает, когда он сидит — «я сижу»; он знает, когда он лежит — «я лежу». Короче говоря, он знает свое тело во всех тех положениях, которые оно занимает [...].

Далее, монах думает об этом самом своем теле, обтянутом кожей, в котором, от головы до пят, столько много разных местечек, заполненных нечистотами. При этом он говорит: «Из чего оно состоит? Есть волосы на голове и на теле, ногти, зубы, кожа, мышцы, сухожилия, кости, костный мозг, почки, сердце, печень, диафрагма, селезенка, легкие, кишки и кишечник, брыжейка, фекалии, желчь, слизь, гной, кровь, пот, жир, слюна, моча» [...].

Далее. Если монах видит тело человека, умершего день, а может, два, три дня назад, непомерно раздувшееся, потерявшее форму и цвет, брошенное на краю кладбища, он перенесет свое восприятие на свое тело и скажет: «Так ведь и мое тело имеет ту же самую природу, значит, и с ним произойдет то же самое, и никуда от этого не деться» [...].

Но как же, о монахи, живет этот монах, созерцая чувства в чувствах? Переживая что-либо приятное, он знает: «Я ощущаю нечто приятное»; сталкиваясь с чем-то болезненным, он думает: «Я чувствую боль». Ощущая нечто среднее, не большое, но и не приятное, он знает: «Я ощущаю нечто среднее» [...].

Но как же живет этот монах, созерцая сознание в сознании? Он знает, что сознание острого желания и есть сознание острого желания; что сознание без желания и есть сознание без желания. Что сознание гнева и есть сознание гнева, а без гнева — значит, без гнева. Что сознание неведения есть сознание неведения, а сознание без неведения есть сознание без неведения [...] что состояние освобождения сознания есть состояние освобождения сознания, а сознание несвободы есть сознание несвободы [...].

Но как же живет монах, созерцая духовные объекты в духовных объектах? Так вот, монах живет, созерцая духовные объекты в духовных объектах пяти препятствий. Когда существует чувственная страсть, он знает — «Чувственная страсть живет во мне». Когда же этого нет, он знает, что ее там нет. Он знает, как появляется непробудившаяся чувственная страсть и как появляется преграда на пути этого пробуждения. Он знает, что будет в будущем с этой непробудившейся чувственной страстью. Он знает, когда он гневается [...] он знает, когда на него нападает лень и безразличие [...] он знает, когда беспокоится и не находит себе места [...] он знает, когда в его душу закрадывается сомнение [...].

Воистину, монахи, кто бы ни упражнялся в этих Четырех Пробуждениях Заботливости в течение семи лет, им будет достигнут один из двух результатов: высочайшее знание здесь и теперь либо — если он за что-то цепляется — состояние невозвращения.

(Мадждхима Никайа, 55—63. Сатипаттхана сутта)

После чего Будда ответил Вайдехи: «Тебе и всем стоящим за тобой надлежит, сконцентрировавшись, поставить перед собой лишь одну цель — постичь Западную сторону света. Ты можешь спросить, как это можно сделать. Я объясню. Все существа, если они не слепы от рождения, имеют глаза и все они видят заходящее солнце. Ты должен сесть, оборотившись лицом на восток, и собрать все свои мысли для непосредственной медитации, ибо ум твой будет четко направлен на него, так что мысль твоя сможет без особых трудностей воспринять все, что необходимо, а потом взгляни на него [солнце] в тот момент, когда оно будет висеть над самой линией горизонта, словно подвешенный барабан.

После того, как ты таким образом увидел солнце, сделай так, чтобы этот образ остался чистым и постоянно независимо от того, будут ли твои глаза открытыми или закрытыми, — таково восприятие солнца, или Первая медитация.

После этого ты должен сформировать восприятие воды. Взгляни на воду, чистую и прозрачную, и пусть образ этот останется прочным и незамутненным. Никогда не позволяй, чтобы мысли твои отвлекались на другое.

Увидев, таким образом, воду, ты должен сформировать у себя восприятие льда. При виде сверкающего голубоватого льда представь себе ляпис-лазурь.

Прodelав все это, ты увидишь ту самую основу, состоящую из ляпис-лазури, прозрачной и сверкающей со всех сторон. За нею ты увидишь золотой стяг с семью драгоценными камнями, брильянтами и т.п., поддерживающими эту основу. Он простирается до всех восьми точек площади. Каждый отрезок здесь усыпан сотней камней, каждый из которых излучает тысячу лучей. Они же, в свою очередь, состоят из восьмидесяти четырех тысяч цветов, которые, отражаясь от ляпис-лазури, похожи на сто тысяч миллионов солнц, и очень трудно разглядывать их поодиночке. Над поверхностью этой площадки из ляпис-лазури возвышаются переплетенные крест-накрест золотые верхушки. Между собой они разделены нитями из семи драгоценных камней.

Каждый камень испускает лучи, состоящие из пятисот цветов. Они похожи на цветы или, скорее, на луну и звезды. Высоко в небе эти лучи образуют башню, насчитывающую десять миллионов комнат и галерей, которая также построена из множества камней. На каждой стене башни десять миллиардов украшенных цветами знамен, а кроме того бесчисленное множество музыкальных инструментов. От этих сверкающих лучей исходят восемь прохладных ветров. Когда играют эти музыкальные инструменты, они издают такие звуки, как «страдание», «небытие», «непроницаемость», «не-я», — таково восприятие воды, или Вторая медитация.

— Когда сформируется и это восприятие, ты должен медитировать на составные части целого, создавая как можно более яркие образы, дабы они не могли потеряться или забыться. И ты должен помнить об этом все время, за исключением времени сна. Достигший этой стадии восприятия увидел, можно сказать, в неясном свете Землю Высшего Счастья [Сухавати]. *

Тот, кто достиг самадхи, сможет увидеть эту Землю очень четко: но это состояние нельзя объяснить целиком — таково восприятие земли, и это — Третья медитация.

(Созерцание Будды Амиабхи, 9—11)

Я вижу богатых людей в мире —
обладая собственностью, они не собираются раздаривать ее;
из жадности копят они богатства

и страстно жаждут чувственных удовольствий.

Наследники захватывают их богатства:

но жизнь идет по своим законам.

Богатство не последует за тем, кто должен умереть, ни ребенок, ни жена, ни богатство или царство.

Богатство не делает жизнь длиннее, имущество не заставит отступить старость.

«Жизнь коротка», — говорит мудрец, она не вечна, переменчива.

Богатый и бедный ощущают прикосновение [смерти], глупый и мудрый испытывают то же самое.

Но если глупый, сраженный своей глупостью, лежит распростершись ничком.

Мудрый, почувствовав это касание, не испытывает дрожи.

Поэтому мудрость лучше богатства,

ибо она помогает достичь освобождения.

(Маджхима Никайя, 72—73, Раттапала сутта)

Благородная Истина о Страдании состоит в следующем: рождение есть страдание; созревание есть страдание; болезнь есть страдание; смерть есть страдание; скорбь и плач, боль, горе и отчаяние есть страдание; приобщение к неприятному есть страдание; отлучение от приятного есть страдание; не иметь того, что желаешь, есть страдание, — короче, все пять чувств, имеющих отношение к привязанности, есть страдание.

(Самйутта Никайя, Процесс Движения Колеса Истины)

Братья, все есть огонь. Что же это все, охваченное огнем? Братья, глаза есть огонь, видимые предметы есть огонь, осознание видимого есть огонь, запечатленная видимость есть огонь, а также любое ощущение, приятное или мучительное, или лишенное равно приятности, как и мучительности, возникающее в результате запечатления видимого, это тоже огонь. В чем горят они? Горят они в пламени похоти, в пламени ненависти, в пламени заблуждения; итак, это огонь в рождении, созревании и смерти, в скорби, в плаче, в боли, в горести, в отчаянии.

Уши есть огонь, звуки есть огонь, осознание слышимого есть огонь, запечатление слышанного есть огонь, а также любое ощущение, приятное или мучительное, или лишенное равно приятности, как и мучительности, возникающее в результате запечатления слышанного, есть огонь. В чем горят они? Горят они в пламени похоти, в пламени ненависти, в пламени заблуждений; итак, это огонь в рождении, созревании и смерти, в скорби, в плаче, в боли, в горести, в отчаянии.

Нос есть огонь, запахи есть огонь, осознание обоняемого есть огонь, запечатление обоняемого есть огонь [...]

Язык есть огонь, вкус есть огонь, осознание вкуса есть огонь, запечатление вкуса есть огонь [...]

Тело есть огонь, осязаемые предметы есть огонь, осознание осязаемого есть огонь, ощущение осязания есть огонь [...]

Рассудок есть огонь, мысли есть огонь, осознание мыслей есть огонь... В чем горят они? Горят они в пламени похоти, в пламени ненависти, в пламени заблуждений; итак, это огонь в рождении, созревании и смерти, в скорби, в плаче, в боли, в гонимости, в отчаянии.

(Самйутта Никайя, XXXV. 28: Проповедь о Пламени)

Киса Готоми имела одного сына, и он умер. В скорби своей понесла она мертвого ребенка к соседям, прося у них лекарства, а люди говорили: «Она лишилась рассудка. Мальчик умер».

В конце концов Киса Готоми встретила человека, который в ответ на ее просьбу сказал: «Я не могу дать лекарство для твоего ребенка, но знаю врача, который может это сделать. Иди к Шакьямуни, это Будда».

Киса Готоми отправилась к Будде и стала плакать: «Владыка и Господин, дай мне лекарство, чтобы вылечить мое дитя».

Будда ответил: «Мне нужна для этого горсть горчичного зерна». Когда же обрадованная женщина обещала раздобыть его, Будда добавил: «Зерно ты должна взять в таком доме, где никто не потерял ребенка, родителей, родичей или друга».

Бедная Киса Готоми пошла из дома в дом, и люди, жалея ее, говорили: «Вот горчичное зерно, возьми, сколько тебе нужно!» Тогда она спрашивала: «Были умершие в вашей семье? Может быть, вы потеряли сына или дочь, отца или мать?» И ей отвечали: «Увы! Живых мало, а мертвых много. Не напоминай нам о великом горе нашем».

И не было ни одного дома, в котором не оплакивали бы кого-нибудь из любимых.

Киса Готоми, утомленная и потерявшая надежду, села у дороги, смотря на огни города, которые вспыхнули на краткое мгновение, а затем снова погасли. В конце концов все погрузилось в темноту ночи. И стала она размышлять о судьбе людей, чья жизнь вспыхивает на краткое мгновение, а затем снова гаснет. И подумала она о себе: «Сколько себялюбия в горе моем! Всем суждена смерть; но в этой долине, полной скорбей, есть тропа, которая ведет человека к бессмертию, где нет места себялюбию».

Отринув себялюбивую привязанность к мертвому сыну, Киса Готоми похоронила тело его в лесу, а затем вернулась к Будде и нашла у него пристанище и обрела утешение в Дхарме.

(Буддагхоса, Притча о горчичном зерне)

Гордыня бывает семи видов:

Когда некто гордится, что он ниже занимающего низкое положение, или что он равен равному, или превосходит его, или равен тому, кто занимает низкое положение,

это называется гордыней эгоистичной индивидуальности. Когда некто гордится, что он равен тому, кто по своим достоинствам превосходит его, это есть гордыня самодовольства.

Когда некто считает себя самым главным, полагает, что он выше всех, это уже не гордыня; подобно гнойнику в опухоли, это есть величайшее зло.

Когда некто по невежеству ощущает свое «я» в сочетании пяти преходящих элементов, или скандх, речь идет тут о гордыне личного «я».

Когда некто считает своими еще не достигнутые результаты, это есть гордыня самонадеянности.

Когда некто восхваляет самого себя за неправильные действия, это можно рассматривать как неправомерную гордыню.

Когда некто осмеивает самого себя, считая, что он — пустое место, это называется гордыней скромности.

Таковы вкратце семь разновидностей гордыни.

(Нагарджуна, Драгоценное Ожерелье, 406—412)

«Вот теории, которые Благословенный не разъяснил, оставил без внимания и отверг: то, что мир вечен, что мир не вечен, что мир конечен, что мир бесконечен, что душа и тело тождественны, что душа — это одно, а тело совсем другое, что святой существует после смерти, что святой не существует после смерти, что святой и существует и не существует после смерти, что святой не то чтобы существует и не то чтобы не существует после смерти, — все это Благословенный мне не разъяснил. И то, что Благословенный их не разъяснил, мне не нравится и меня не устраивает. Поэтому я приближусь к Благословенному и спрошу у него об этих вещах. Если Благословенный просветит меня, что мир либо вечен, либо не вечен [...] тогда я буду вести монашескую жизнь под началом Благословенного. Если Благословенный не разъяснит мне [эти вопросы] [...] тогда я покину монашеские занятия и вернусь к более низкой мирской жизни».

Затем почтенный Малункьяпутта покинул под вечер место своего уединения, приблизился к Благословенному и, приблизившись, приветствовал Благословенного и почтительно сел подле него. И почтительно сидя подле него, Малункьяпутта задал свой вопрос...

[Будда ответил:] — Помилуй, Малункьяпутта, разве я когда-либо говорил тебе: «Идем, Малункьяпутта, ты будешь вести монашескую жизнь под моим началом, и я разъясню тебе, вечен мир или не вечен и т.д.»?

— Воистину, нет, досточтимый господин.

— Или же ты когда-либо говорил мне: «Досточтимый господин, я буду вести монашескую жизнь под началом Благословенного при том условии, что Благословенный разъяснит мне эти вещи?»

— Воистину, нет, досточтимый господин.

— Тогда, пустой человек, кого ты столь гневно осуждаешь?

Малункьяпутта, любой человек, который скажет: «Я не буду вести монашескую жизнь под началом Благословенного, пока Благословенный не разъяснит мне, вечен мир или не вечен», этот человек умрет, прежде чем Татхагата что-либо ему разъяснит.

Это как если бы человек был поражен стрелой, густо смазанной ядом, а его друзья, родственники и домочадцы хотели послать за лекарем или хирургом, а больной сказал бы им: «Я не позволю извлечь стрелу, пока не узнаю, принадлежал ли ранивший меня к касте воинов, или браминов, или крестьян, или слуг».

Или же он сказал бы: «Я не позволю извлечь стрелу, пока не узнаю имени ранившего меня человека и к какому роду он принадлежит».

Или он сказал бы: «Я не позволю извлечь стрелу, пока не узнаю, был ли ранивший меня высоким, или коротышкой, или среднего роста».

Или он сказал бы: «Я не позволю извлечь стрелу, пока не узнаю, был ли ранивший меня человек с черной, или смуглой, или желтой кожей».

Или он сказал бы: «Я не позволю извлечь стрелу, пока не узнаю, из какой деревни или города был ранивший меня человек».

Или он сказал бы: «Я не позволю извлечь стрелу, пока не узнаю, была ли у ранившего меня тетива из ласточкиной травы, или бамбука, или молочая».

Или он сказал бы: «Я не позволю извлечь стрелу, пока не узнаю, было ли оперение ранившей меня стрелы из крыльев грифа, или цапли, или сокола, или павлина».

Или он сказал бы: «Я не позволю извлечь стрелу, пока не узнаю, была ли ранившая меня стрела обмотана сухожилием быка, или буйвола, или оленя, или обезьяны».

Или он сказал бы: «Я не позволю извлечь стрелу, пока не узнаю, была ли ранившая меня стрела простой стрелой, или железной, или стрелой из зуба теленка». Этот человек, Малункьяпутта, умер бы прежде, чем узнал все это.

Точно так же, Малункьяпутта, любой человек, который скажет: «Я не буду вести монашескую жизнь, пока Благословенный не разъяснит мне, вечен мир или не вечен и т.д.», этот человек умрет, прежде чем Татхагата разъяснит ему это.

Монашеская жизнь не зависит от догмы, что мир вечен; она не зависит и от догмы, что мир не вечен. Утверждает ли догма, что мир вечен или что мир не вечен, всегда остаются рождение, старость, смерть, печаль, плач, нищета, горе, отчаяние, уничтожение которых в настоящей жизни я предписываю... От того, вечен или не вечен мир, нет пользы основам веры, это не имеет к ней отно-

шения, это не ведет к уходу от жизни, к искоренению страстей, к отказу от них, покою, сверхъестественным способностям, высшей мудрости и Нирване. Вот почему я не разъяснил это.

Что же, Малункьяпутта, я разъяснил? Нищету я разъяснил, прекращение нищеты я разъяснил, путь, ведущий к прекращению нищеты, я разъяснил. А почему, Малункьяпутта, я разъяснил это? Потому что это полезно основам веры, имеет к ней отношение и ведет к уходу от жизни, искоренению страстей, отказу от них, покою, высшей мудрости и Нирване. Вот почему я разъяснил это. Так что всегда помни, Малункьяпутта, что я разъяснил и что я не разъяснил.

Так говорил Благословенный, и восхищенный Малункьяпутта рукоплескал речи Благословенного.

(Мадждхима Никайа, 426—431. Кула-Малункья сутта)

Однажды Господь путешествовал по горной дороге между Уккатхой и Сетаббией; и был там брамин Дона. Он увидел следы ног Господа — колеса с тысячью спиц, с ободами, ступицами и всеми иными частями, и он подумал: «Как, однако, чудесно и удивительно: не может быть, чтобы эти следы принадлежали человеку».

Затем Дона, следуя по следам Господа, увидел Его сидящим под деревом, миловидного, благожелательного, миролюбивого... Дона приблизился к Господу и сказал: «Не являетесь ли вы, ваше преподобие, богом?»

— В действительности это не так, брамин, я не бог.

— Тогда вы ангел?

— И это не так, брамин.

— Дух, значит?

— Нет, и это не так, брамин, я не дух.

— Тогда, значит, вы человек?

— Нет, на самом деле, брамин, я не человек.

— Вы ответили на все мои вопросы отрицательно. Кто же вы тогда, ваше преподобие?

— Брамин, это всё возможности, и если бы они не были подавлены, я мог бы быть и богом, и ангелом, и духом, и человеком, — эти возможности подавлены во мне, отрезаны на корню, превращены как бы в пень от пальмы, из которого ничего не сможет развиваться в будущем. Как голубой, красный или белый лотос, который хотя рождается и вырастает в воде, но, достигая поверхности, остается чистым от воды, — так же и я, брамин, хотя и родился в мире, и вырос в мире, но, преодолев мир, пребываю незапятнанным этим миром. Воспринимай это так, что я — Будда.

(Ангуттара Никайа, 37—39)

Тридцать три великих бога назначали царскую судьбу.
Правитель людей создается как сын всех богов, чтобы

Уничтожить несправедливость и предотвратить злодеяния,
Укрепить существа в добродетели и указать путь в небо.
Будь то человек, или бог, или дух, или демон,
Или пария, — он истинный царь, предупреждающий злодеяния.
Такой царь — Мать и Отец творящим добро.
Он назначен богами явить плоды кармы [...]
Но когда царь равнодушен к злодеяниям в своем царстве,
Не наказывает преступников,
Из-за его безразличия быстро растет несправедливость,
Разбой и раздоры множатся на земле.
Тридцать три великих бога гnevаются в своих дворцах,
Когда царь равнодушен к злодеяниям в своем царстве.
Тогда земля поражается жестокостью и страшными
преступлениями
И погибает, оказавшись во власти врага.
Тогда имущество, семья и сокровища — все исчезает
И порочные люди губят друг друга своими делами.
Неважно, отчего царь не исполняет свой долг,
Он губит царство, как слон — ворох лотосов.
Злые ветры дуют, и дожди падают в неположенное время года,
Планеты и звезды неблагоприятны, а также луна и солнце.
Злаки, цветы, плоды и семена не вызревают,
И настает голод, когда царь пренебрегает своим долгом [...]
Тогда все цари говорят друг другу:
«Этот царь несправедлив, он на стороне несправедливости!»
Такой царь недолго будет гневить богов;
Ярость богов уничтожит его царство [...]
У этого царя брат или сын отнимет все, что тот любит,
Он будет разлучен с возлюбленной женой, и дочь его погибнет.
Огонь сойдет с небес и ложные солнца.
Страх перед врагом и голод быстро наступят.
Его любимый советник умрет и его любимый слон;
Его любимые лошади погибнут одна за другой и его
верблюды [...]
Будут раздоры, насилие и грабежи во всех областях;
Бедствия поразят землю и страшная чума [...]
Множество болезней падет на землю,
Чей царь пристрастно творит суд и попустительствует
злодеяниям.
В конце концов царю приходится расстаться с собственной
драгоценной жизнью,
Но не с сокровищем Праведности, которому радуется мир.
(Сутра Золотого Света, 12)

После того, как угас Будда,
В последний злой век
Мы провозгласили эту сутру.
Хотя множество невежд

Будут поносить нас своими злоречивыми устами
И разить мечами и палками,
Мы вынесем все.
Монахи в этот злой век,
Отступники, извращенные, подозрительные,
Крича «достигли», хотя не достигли,
Будут преисполнены высокомерия [...]
Другие, жадные на наживу,
Станут проповедовать Закон мирянам,
И будут возвращены миром в прежнее состояние,
Как архаги шести запредельных сил;
Эти люди, лелея злые мысли,
Помышляя о земном,
Присвоив имя «лесных жителей»,
Примутся нас порочить,
Говоря такие слова:
«Все эти бхикшу,
Из любви к наживе,
Проповедуют еретическое учение;
Сами составили эту сутру,
Чтобы обмануть людей мира;
Чтобы приобрести славу,
Они произносят эту сутру».
Всегда собираясь вместе,
Чтобы всех нас уничтожить,
Правителям и их подданным,
Браминам и горожанам,
Другим общинам бхикшу
Они станут клеветать на нас,
Говоря: «Это люди с ложными взглядами,
Проповедующие еретическое учение».
Но из почтения к Будде
Мы выдержим эти несчастья,
Хотя нам презрительно бросают:
«Все вы Будды!»
Даже эти насмешки и высокомерие
Мы терпеливо вынесем
В продажный злой век кальпы.
В страхе и ужасе
В них вселится множество дьяволов,
Чтобы ругать, проклиная и нас порочить,
Но мы, почтительно веря Будде,
Облачимся в броню долготерпенья;
Ради того, чтоб проповедовать эту сутру,
Мы вынесем любые тяготы.
Мы не привязаны ни к жизни, ни к телу,
Но печемся лишь о Высшем Пути.

(Лотосовая сутра, 13)

Существует четыре рода веры. Первый это вера в Первоисточник всего сущего. Благодаря этой вере человеку открывается радость медитации над принципом Абсолюта. Второй род — это вера в бесчисленные совершенства Будды. Благодаря этой вере человек погружается в созерцание совершенств Будды, с открытой душой и чувством глубокого почтения приближается к ним, воспитывая в себе умение быть добродетельным и стремясь ко всеобъемлющему знанию. Третий род — это вера в великие блага Дхармы. Благодаря этой вере человек постоянно упражняется в разнообразных дисциплинах, ведущих к просветлению. Четвертый род — это вера в Сангху, члены которой способны посвятить свою жизнь служению во благо себе и другим. Благодаря этой вере человек шаг за шагом приближается к миру бодхисаттв и радостно следует их наставлениям в правильных упражнениях.

(Пробуждение веры в Махаяне)

Суджата, молодая жена старшего сына богатого купца Анатхапандики, была заносчива, не уважала других и не слушала поучений своего мужа и его родителей. Поэтому в семье не было согласия. Однажды Благословенный пришел навестить Анатхапандику и заметил, что происходит. Он позвал молодую жену Суджату и ласково обратился к ней со словами: «Суджата, есть семь разновидностей жен:

Жена жестокая, с развращенным умом,
Пренебрегающая мужем и нелюбезная,
Воспламеняющаяся другими мужчинами,
Распутница, склонная к убийству, —
Назовем эту жену убийцей!
Жена, которая готова ограбить своего мужа,
Как бы ни был ничтожен его доход,
От ремесла ли, от торговли или плуга, —
Назовем эту жену грабительницей!
Ленивая обжора, склонная к безделью,
Сплетница и грубиянка со скрипучим голосом,
Которая низко ценит рвение и трудолюбие своего мужа, —
Назовем эту жену госпожой!
Та, что с любящим участием,
Как мать о единственном сыне,
Заботится о муже и печется о его имуществе, —
Назовем эту жену матерью!
Та, что относится к мужу,
Как младшая сестра к старшему брату,
Кроткая душой, исполняет каждое его желание, —
Назовем эту жену сестрой!
И та, которая так рада видеть своего господина,
Как близкий приятель после долгой разлуки,

Доброго нрава, благородная от рождения, любящая
помощница, —

Назовем эту жену другом!

Если, не боясь кнута и палки, бесстрастная,

Терпящая все, спокойная и чистая душой,

Она покорна слову своего мужа, свободная от гнева, —

Назовем эту жену служанкой!

Так вот, та, которая зовется госпожой, убийцей, вором,

Которая груба, распутна, неуважительна,

когда смерть придет —

Будет блуждать в мучениях ада.

Но мать, сестра или друг и служанка,

Строго и неукоснительно соблюдающие предписания,

когда смерть придет —

Будут блуждать в счастливом небесном мире.

Вот, Суджата, семь разновидностей жен, которые могут быть
у мужчины. К кому из них ты себя относишь?» «Господин, — от-
ветила Суджата, — пусть с этого дня Возвышенный думает обо
мне как о служанке».

(Ангуттара Никайя, 91, Суджата сутта)

СОДЕРЖАНИЕ

На пути познания истины	5
ДХАММАПАДА	47
I. Глава парных строф	47
II. Глава о серьезности	49
III. Глава о мысли	51
IV. Глава о цветах	52
V. Глава о глупцах	54
VI. Глава о мудрых	55
VII. Глава об архатах	57
VIII. Глава о тысяче	58
IX. Глава о зле	60
X. Глава о наказании	61
XI. Глава о старости	63
XII. Глава о своем «я»	65
XIII. Глава о мире	66
XIV. Глава о просветленном	68
XV. Глава о счастье	70
XVI. Глава о приятном	71
XVII. Глава о гневе	73
XVIII. Глава о скверне	74
XIX. Глава о соблюдающем дхамму	76
XX. Глава о пути	78
XXI. Глава о разном	81
XXII. Глава о преисподней	83
XXIII. Глава о слоне	84
XXIV. Глава о желании	85
XXV. Глава о бхикшу	87
XXVI. Глава о брахманах	89
Комментарии	93
ДЖАТАКИ	98
I. Джатака о тигрице	99
II. Джатака о царе шиби	104
III. Джатака о комочке каши	111
IV. Джатака о главе гильдии	115
V. Джатака о главе цеха авишахье	119
VI. Джатака о зайце	124
VII. Джатака об агастье	129
XXX. Джатака о слоне	136
XXXI. Джатака о сутасоме	141
XXXII. Джатака об айогрихе	157
XXXIII. Джатака о буйволе	163
XXXIV. Джатака о дятле	166
VIII. Джатака о майтрибале	170
IX. Джатака о вишвантаре	180
X. Джатака о жертве	194
Комментарии	201
СУТРА-НИТАКА	209
ДЖАТАКА-МАЛА	211

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

БУДДА

Составитель, автор предисловия
Владимир Иванович Корнев

Первый читатель
Валерий Игоревич Ашиков

Редакционно-издательская подготовка,
оформление и макет
Издательского Дома Шалвы Амонашвили

Лицензия ЛР № 064218 от 18.08.95 г.
Подписано к печати 01.02.99. Формат 60×90 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 14. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Тираж 14 000 экз. Заказ № 2686.

Издательский Дом Шалвы Амонашвили
МГПУ лаборатория гуманной педагогики
129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный переулок, д 4,
Московский городской педагогический университет,
тел.: (095) 181-12-72.

Отпечатано с готового оригинал-макета в Смоленской областной
ордена «Знак Почета» типографии им. Смирнова,
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.

ISBN 5-89147-025-X

АНТОЛОГИЯ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

В “Антологии”

используется ранее
не применявшийся
в практике Российского
учебного книгоиздания
прием фокусирования
на страницах книги
не всегда совпадающих
позиций —

автора классического
наследия;

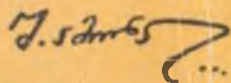
составителя тома, ученого,

излагающего свои взгляды
во вступительной статье
и комментариях,

и первого читателя,

учителя, сегодня смотрящего
в глаза своим ученикам,
призванного сегодня
реализовывать **идеи**
гуманной педагогики.

К беспредельному познанию
призывает нас
Благословенный, заклиная
не уподобляться диким
зверям или глупым овцам,
а неутомимо трудиться,
овладевая истинным знанием,
которое побеждает саму
смерть...

Шалва Амонашвили